

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

«Наука»

Москва

2015

Главный редактор:

Т. М. Николаева д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН

Ответственный секретарь:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

В. А. Виноградов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский технический университет, Испания

А. В. Бондарко д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

М. М. Маковский д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зав. отделами: Н. Л. Артамонова, А. С. Кулева, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2015

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2015

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNAIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues in a year

2

MARCH — APRIL

«Nauka»

Moscow

2015

Editor-in-chief:

Tatiana M. Nikolaeva Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Review editor and executive editor:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editor:

Viktor A. Vinogradov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Yury D. Apresjan Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Igor M. Boguslavsky Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Technical University of Madrid, Spain

Aleksandr V. Bondarko Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia

Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA

Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Mark M. Makovsky Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Ekaterina V. Rakhilina National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia

Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg, Russia

Mariia D. Voelikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Natalia L. Artamonova, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Natalia V. Gannus

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index; Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Е. М. В е р е щ а г и н (Москва). Рече-поведенческая переинтерпретация четырех стрóf главы третьей «Евгения Онегина».....	7
Е. Р. Д о б р у ш и н а, Д. В. С и ч и н а в а (Москва). Кочующая норма, или Микро- диахронические похождения слова <i>ихний</i> в русском, украинском и белорусском языках	41
О. Е. П е к е л и с (Москва). Показатель <i>то</i> как средство акцентуации имплицативного отношения (на примере союза <i>если... то</i>)	55
Н. К. Б о г о м о л о в а (Москва). Дистантное согласование в табасаранском языке	97
А. А. К а р п о в, В. О. В е р х о д а н о в а (Санкт-Петербург). Речевые технологии для малоресурсных языков мира	117

Критика и библиография

Рецензии

А. А. К о з л о в (Москва). <i>А. К. Поливанова</i> . Старославянский язык: Грамматика. Сло- вари. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013	136
В. И. К а р п о в (Москва). <i>Д. О. Добровольский</i> . Беседы о немецком слове. <i>Studien zur deutschen Lexik</i> . М.: Языки славянской культуры, 2013	145

Научная жизнь

А. А. К а р п о в (Санкт-Петербург). 4-й Международный семинар по речевым техно- логиям для малоресурсных языков SLTU-2014.....	150
Д. Б. Н и к у л и ч е в а (Москва). Международный семинар в честь 60-летия профес- сора Пера Дурст-Андерсена «Глобальная коммуникация в локальной перспективе: когда мы не говорим на одном языке»	152
И. С. К а п и т о н о в (Москва). Хроника конференции SinFonIJA VII.....	156

CONTENTS

Eugene M. Vereščagin (Moscow). A speech and behaviour-based interpretation of four stanzas from chapter 3 of «Eugene Onegin»	7
Ekaterina R. Dobrushina, Dmitri V. Sitchinava (Moscow). A drifting norm, or microdiachronic adventures of the word <i>ixnij</i> ‘their’ in Russian, Ukrainian and Belorussian....	41
Olga E. Pekelis (Moscow). The marker <i>to</i> as a means for highlighting implicative relations (case study of <i>esli... to</i> ‘if... then’ conjunction)	55
Natal’ya K. Bogomolova (Moscow). Long-distance agreement in Tabasaran	97
Alexey A. Karpov, Vasilisa O. Verkhodanova (St. Petersburg). Speech technologies for under-resourced languages of the world.....	117

Bibliography. Reviews

Reviews

Alexei A. Kozlov (Moscow). <i>A. K. Polivanova. Staroslavjanskii yazyk: Grammatika. Slovari</i> [Old Church Slavonic: Grammar. Dictionaries]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2013	136
Vladimir I. Karpov (Moscow). <i>D. O. Dobrovolskij. Besedy o nemetskom slove</i> [Conversations on the German word]. Studien zur deutschen Lexik. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2013	145

Academic life

Alexey A. Karpov (St. Petersburg). 4 th International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages	150
Dina B. Nikulicheva (Moscow). International seminar on the occasion of Per Durst-Andersen’s 60 th birthday «Global communication in local perspective — when we don’t speak the same language»	152
Ivan S. Kapitonov (Moscow). A chronicle of the SinFonIJA VII conference	156

РЕЧЕ-ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ ПЕРЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧЕТЫРЕХ СТРОФ ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»*

© 2015 г. Евгений Михайлович Верещагин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия
zhenya2956@yandex.ru

За строфой V («Скажи, которая Татьяна...») в черновике главы третьей «Евгения Онегина» имеется еще одна строфа, которой нет в печатных изданиях романа и которая маркируется как Va («В постеле лежа — наш Евгений...»). В добавление к упомянутой строфе Пушкин записал еще наброски двух других строф (Vb и Vc), которые состоят из нескольких слов. Рече-поведенческий анализ, предложенный автором статьи и примененный к четырем строфам (две незавершенные), позволил заключить, что первоначальный сюжет романа изменился не ранее, чем после этих строф. Согласно первоначальному намерению Пушкин предполагал, что Онегин влюбится в Татьяну с первого взгляда, немедленно. Впрочем, автор статьи занят не столько общим заключением, сколько многочисленными конкретными переинтерпретациями фоновых деталей. Они демонстрируют победу сердечной любви над «байронизмом», свойственным пресыщенному денди Онегину.

Ключевые слова: строфа, черновик, печатные издания, рече-поведенческий анализ, первоначальный замысел, фоновые детали

A SPEECH AND BEHAVIOUR-BASED INTERPRETATION OF FOUR STANZAS FROM CHAPTER 3 OF «EUGENE ONEGIN»

Eugene M. Vereščagin

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia
zhenya2956@yandex.ru

Following stanza V («But tell me, which one was Tatyana?...») there is in the rough draft of the third chapter of Pushkin's «Eugene Oegin» another stanza not present in printed editions of the novel and marked as Va («Oegin lying on the bed...»). In addition to the mentioned stanza Pushkin also wrote drafts of two other stanzas (Vb and Vc), consisting of only several words. A behavior-oriented linguistic analysis developed by the author of the article and applied to the four stanzas (two uncompleted) allowed to demonstrate that the original plot of the novel was changed not earlier than after these stanzas. According to the original intention Pushkin wanted Oegin to fall in love with Tatyana at a glance, immediately. The author of the article is mainly occupied not with the general conclusion but with many concrete and newly interpreted background details capable to show a decisive and early victory of sincere love over the skeptical «Byronism» typical to the bored for Oegin.

* В статье использована методика аналитической концентрации на малом объеме текста, предложенная и реализованная автором в процессе работы по проекту № 14-04-00431 «Филологическое исследование древнейшей славянской переводной гимнографии: художественная форма и содержание минейных канонов», финансируемому РГНФ.

Замысел статьи появился у автора после интересного доклада Н. В. Перцова, сделанного им на заседании ученого совета Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (24 апреля 2014 г.). Все лето основные положения статьи интенсивно обсуждались с докладчиком, который к тому же любезно выполнил транскрипции ряда нужных строф и позволил их публиковать. Правда, в конце концов позиции автора статьи и Н. В. Перцова разошлись. Хотелось бы от души поблагодарить Николая Викторовича за всестороннюю помощь. Сердечно благодарю также И. Г. Добродомова, с которым материалы статьи неоднократно и пространно обсуждались.

Keywords: stanza, rough draft, printed editions, behavior-oriented linguistic analysis, original plot, background details

1. Предварительные замечания

Сначала аналогия.

Библию на протяжении без малого трех тысячелетий интерпретирует армия специалистов, но ставить точку все еще рано. Пушкина на протяжении без малого двух веков изучали и толковали многочисленные проницательные эрудиты. И тем не менее дальнейшие текстологические открытия и инновационные понимания в пушкинистике реальны.

Трудно ожидать единогласия среди библистов. Нет его также в среде пушкинистов. Соответственно и настоящая статья предлагается для дискуссии.

В библеистике последнего времени наметилась тенденция все большего и большего сокращения объема текста, который исследует ученый, — вплоть до одного стиха и даже слова. За счет концентрации на малом пространстве исследователь, все более углубляясь, скорее приходит к подлинным инновациям, чем составитель обобщающей монографии, внимание которого расплылось¹.

Опираясь на данную парадигму, автор предлагает акрибическое (и определенно не тривиальное) прочтение одного небольшого фрагмента из главы третьей «Евгения Онегина» — двух полных строф и двух неполных (всего 32 строки).

Эти три десятка строк, если их переинтерпретировать, приобретают серьезное значение для понимания общего замысла и сюжетосложения романа².

В то же время главный результат своих разысканий автор видит в деталях — в конкретных перетолкованиях небольших текстовых фрагментов. Конкретные исследования, надемся, превосходят уровень «совершенно понятного». Поначалу они не могут не вызывать естественного скепсиса, поскольку идут против привычного.

Итог важен, но еще важнее путь к нему, ибо в нашем случае общая завершающая переинтерпретация выводится только из совокупности деталей.

В статье имеется транскрипционный блок. Новые транскрипции онегинских строф по черновикам подготовлены (Н. В. Перцовым в 2014 г.) специально для задач статьи; они-то и позволили выполнить новые экспликации и интерпретации.

Транскрипции черновиков проливают свет на авторедактуру поэта, а мы полагаем, что углубление в пушкинские строки должно основываться не только на прижизненной и современной печатной редакции «Евгения Онегина», но и на анализе авторской правки в черновых и беловых рукописях. Правка эта (авторредактура) велика и обильна; игнорировать ее означало бы лишиться себя наблюдений в области творческой истории «Евгения Онегина».

Не все пушкинисты стоят на данной позиции, и далее, уже имея в руках аргументы, мы надеемся взгляды этих ученых пошатнуть. Обильная авторредактура — характерная особенность творчества Пушкина: он неустанно (на всех этапах движения рукописи к печатному станку) правил сам себя³.

Нередко текстолог исследует рукопись для того, чтобы выявить единственный «окончательный вариант»; все остальное ему не интересно. Между тем автор данных строк исходит из того, что ни один из вариантов не может быть исключен из анализа. **В с е в а р и а н т ы с у т ь э л е м е н т ы т в о р ч е с к о г о п р о ц е с с а:** сочинитель сам предложил, например,

¹ В частности, подобный подход реализован автором: пространству из всего четырех евангельских стихов (Лк 10:38—42 («гостеприимство Марфы и Марии»)) посвящено обширное толкование; получены непредсказуемые результаты [Верещагин 2013: 277—520].

² Близким нашей методике является анализ в статье [Берков 1962], посвященный всего одной строфе из «Евгения Онегина».

³ Даже личные письма, заведомо не предназначенные для печати, Пушкин иногда сначала писал начерно, интенсивно правил, а в беловые листы все равно вносил замены [Левичева 2001].

то или другое слово; сам рассмотрел и оценил его; затем вычеркнул; затем восстановил; снова вычеркнул (и еще раз вернул); сам оставил слово для собственной и писарской переделки; затем исправил в белой копии, на этапе корректуры или при переиздании; наконец, сам его навсегда удержал или от него отказался.

Следить за мыслями великого человека — драгоценная наука⁴. Закрепил автор слово или на каком-то этапе его вычеркнул — это обстоятельство не отменяет факта, что как закрепленное, так и вымаранное слово было звеном в цепи творческого процесса. Соответственно, оно самоценно на своем месте, а иногда может иметь значение и для всего текста произведения.

Именно таков наш случай. Мы надеемся показать, что краткий фрагмент «Евгения Онегина», к тому же наполовину оставшийся в черновике, способен пролить свет на историю модификации замысла Пушкина и на движение сюжета романа.

Теперь о конкретном материале. Всего, как сказано, изучено четыре строфы из главы третьей «Онегина» — две полные (V и Va⁵) и две в набросках (Vб и Vв).

Ниже помещена строфа V — в том виде, в каком она содержится в современных печатных изданиях (т. е. по новой орфографии⁶). Для дальнейшего потребуются варианты, не прошедшие в печать (из черновиков и беловиков) или замененные в прижизненных изданиях «Евгения Онегина» самим поэтом. Одна часть соответствующих фрагментов (без каких-либо орфографических и пунктуационных изменений) приводится нами по транскрипциям Б. В. Томашевского [БАСС: 306—307]; другая часть берется из публикации черновых тетрадей Пушкина, а также из пока не изданных транскрипций Н. В. Перцова⁷ (его нотация изложена в сноске⁸).

Итак, после «канонической» строфы встык подверстаны: фотокопии (факсимиле) черновика и транскрипция.

⁴ Аллюзируется афоризм, приложенный Пушкиным к «Петру I» («Арап Петра Великого», гл. III). Афоризм в исходном виде составил последнюю фразу настоящей статьи.

⁵ О литерной нумерации говорится ниже.

⁶ Транскриптор, естественно, обязан придерживаться орфографии поэта, т. е. «старой», и не вводить и не вычеркивать пунктуационных знаков, даже если они расставлены вопреки правилам. (В [БАСС], однако, подобная акрибия не соблюдена.) Интерпретатор, в отличие от транскриптора, может придерживаться «новой» орфографии, поскольку по ней Пушкин печатается начиная с 1918 г. Так поступают и консервативные пушкинисты (например, Набоков).

⁷ Н. В. Перцов систематически выполняет транскрипции черновых рукописей А. С. Пушкина и открывает факты, которые до сих пор не были введены в научный оборот (или введены с ошибками). Казалось бы, по отношению к творчеству Пушкина транскрипционная работа уже проделана — в БАСС на фоне печатной версии пушкинских произведений приведены «другие редакции и варианты». Однако по итогам транскрипций Перцова оказалось, что (при в целом, конечно, правильной расчитке) некоторые варианты в БАСС прочитаны неверно, а некоторые пропущены. При всей важности новых транскрипций, они не делают излишним обращения прямо к черновикам поэта. Действительно, транскрипции ничего не сообщают о чернилах рукописи и о качествах перьев, которыми пользовался поэт. Между тем цвет, густота, разбавленность, перемена чернил, равно как следы то тонкого, то толстого пера, да даже и моменты обмакивания пера в чернильницу — это всё индикаторы остановок и последовательных слоев редактирования. Иными словами, транскрипции не самостоятельны и предполагают обращение к фотографиям черновиков.

⁸ Довольно обширная номенклатура знаков для передачи восстанавливаемых текстов полностью изложена в статье [Перцов 2015]. Сейчас она у нас представлена в сильно сокращенном виде; показаны лишь те знаки, которые использованы при расчитке строф V и Va—в. Некоторые знаки высокочастотны (1, 3, 4, 6, 7), а некоторые встретились по одному разу (2, 5). Нотация и правила внутреннего расположения элементов транскрипций таковы: 1. Зачеркивание с использованием реальной линии: Уймись мой милый; 2. Если в рукописи вариант зачеркнут, но не заменен, а затем поэт его восстановил, то используется подчеркивание: вечерних; 3. Конъектура транскриптора показывается угловыми скобками: По<с>лушай, Ленск<о>й, Онѣг<инь> за<молчалъ>, съ ох<отой>, гр<устна>; 4. Знаком ^ показывается недописанная концовка слова: св^, кра^, румян^; 5. Комбинацией знаков []> показана замена варианта: [И]>Но; 6. Квадратики показывают неразобранный фрагмент (количество квадратиков примерно соответствует количеству букв): □□□□□□; 7. Слитное написание в оригинале показывается низкой чертой между словами: я_выбралъ бы_другую, Неужь-то я_въ_нее влюбленъ;

ПД 834-49v. Гл. 3, V (окончание)



Та□□□^

Кра^
Ужели ты влюбленъ въ_д^{меньшую}ругую

А что — я_выбралъ бы_другую

Та□□^ Когда бъ я былъ какъ ты поэтъ

Въ чертахъ □как<ъ> въ ея лицѣ

Ни чувствъ ни жи<зни> нѣтъ

я движень<я> Мадонъ

въ лицѣ Какъ у Мар<ин> Рафаеля —
твоей

Она — румяна и — бѣла

Въ чертахъ у Ольги жи<зни нѣтъ>

Какъ въ Ра<фаелевой Мадонѣ>

рум<ян^>

□□□□ невинный

Мнѣ надо<ѣли>

Всякъ молиться своей
иконѣ

Влад.<имирь> сухо от<в>ѣчалъ

И нашъ

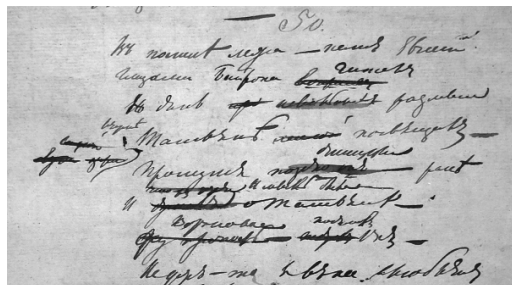
Онѣгинъ Онѣг<инь>_за<молчалъ>

Постановка кавычек, запятых, вопросительных знаков и двоеточий в рабочей тетради Пушкина отсутствует (пунктуация привнесена издателями БАСС).

На непосредственно следующей странице 50г помещена строфа Va. Она не попала в печатное издание «Онегина» и потому имеет не порядковый цифровой, а внеочередной литературный номер — Va (что значит: она первая следует за строфой V):

- (1) В постеле лежа — наш Евгений
- (2) Глазами Байрона читал
- (3) Но дань вечерних размышлений
- (4) В уме Татьяне посвящал —
- (5) Проснулся <он> денницы ране
- (6) И мысль была все о Татьяне
- (7) Вот новое подумал он —
- (8) Не уж-то я в нее влюблен
- (9) Ей богу это было б славно
- (10) <Себя> <уж> то-то б одолжил
- (11) Посмотрим — и тотчас решил
- (12) Сосед<ок> навещать исправно
- (13) Как можно чаще — всякой день
- (14) Ведь им досуг а нам не лень

ПД 834-50г. Гл. 3, Va (начало)



Въ постелѣ лежа — нашъ Евгений

Глазами Байрона читалъ

~~вечернихъ~~

[И]>Но| дань ~~сердечныхъ~~ ~~невольныхъ~~ размыш<лений>
въ_умѣ

Татьянѣ ~~милой~~ посвящаль —

Самой

Лучшей зарн

денницы

Проснулся ~~нездно онъ~~ — ранѣ

~~что же думаль~~ И мысль была <все>

И ~~думаль~~ о_Татьянѣ —

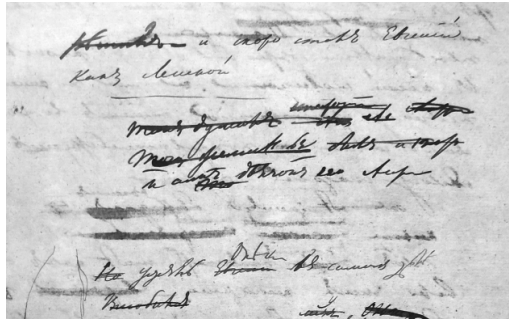
Вот_новое

подумаль

~~Фу пронасть~~ — ~~подумаль~~ онъ

Неужь-то я_въ_нее влюбленъ

ПД 834-51v. Гл. 3, V6, Vв



рѣшилъ -- и скоро сталъ Евгений
Какъ Ленской

староста Антр<онъ>
~~Такъ думалъ Ан<тронъ> ете~~
~~Того же мнѣ<н>я былъ и нонъ~~
 И самъ дьячокъ его Антр<онъ>
 Те[△]

Онѣг<инъ>
 Но ужель Евгений въ самомъ дѣлѣ
 Влюбился

На факсимиле рукописи видно, что в ней имеются еще три зачеркнутые строки. Томашевский, видимо, их не расшифровал. Соответственно, он их не ввел на своем месте в публикацию [БАСС: 308], так что без факсимиле можно подумать, что они не существуют.

Три строки прочитываются по-разному. Версию Н. В. Перцова см. выше; альтернативная версия [Левкович 1995: 234] такова:

[Так думал ветренный etc]
 [Того желать б я был и рад].

Н. В. Перцов не согласен с расшифровками Я. Л. Левкович.

Римская нумерация строф в печатных изданиях устоялась (и ее нельзя пересмотреть), так что строфой VI главы третьей является строфа с инципитом:

Меж тем Онегина явленье
 У Лариных произвело
 На всех большое впечатленье (и т. д.).

Итак, мы обозначили корпус своего исследовательского материала. На всем протяжении разысканий исследуются строфы: V («Скажи: которая Татьяна?...»), Va («В постеле лежа — наш Евгений...»), Vб («<Решил> — и скоро стал Евгений...») и Vв («Ужель Онегин в самом деле...»).

Комментаторы строф Va—в, естественно, обращали внимание на еще одно «противоречие» в романе. Как ни читай эти строфы, непреложно выходит, что Евгений страстно влюбился в Татьяну с первого взгляда. Он уже на следующее утро «стал как Ленской», т. е. полюбил со всей страстью. Как Ленской, он вознамерился зачистить к Лариным. Более

того, Евгений решил уподобиться Ленскому до конца и наезжать к Лариным не просто время от времени, а «всякой день». По этикету Пушкинской эпохи ежедневные посещения допускались только для жениха. Значит (*horribile dictu!*), Онегин был готов сделать предложение немедленно.

Все это очень неожиданно! У среднего читателя и у любителя-энтузиаста, да и у профессионального пушкиниста немедленно возникает естественное возмущение.

Дальнейшее развитие сюжета пошло по руслу, известному нам со школьной скамьи. Согласно печатной версии, в деревне Онегин НЕ ответил Татьяне взаимностью и, вопреки намерению «соседок навещать исправно», не только НЕ поехал к ним сразу же, но и НЕ появился у них порядочное время (пока героиня не вызвала его письмом).

Содержание строфы Va не согласуется и с образом Онегина (как его ранее обрисовал Пушкин): бесстрастный скептик и байронист должен подавлять свои эмоции и, не унизив себя, не может воспламениться.

Как объяснить это «противоречие»? Да и противоречие ли перед нами?

Подобным вопросом комментаторы романа задавались, но довольно бегло.

Так, В. В. Набоков усмотрел в строфах Va—в «начало традиционного сюжета» [Набоков 1998: 292]. Он назвал строфу Va «начатой с фальстарта» [Там же: 294] и отмахнулся от нее.

Н. Л. Бродский отнес строфу Va к числу сюжетных aberrаций: по его мнению, набросок строфы Vb «сразу перечеркнул сюжетное движение романа». По мысли ученого, сюжет о мгновенной влюбленности Онегина был-таки присущ Пушкину, но держался в его сознании (и в чувствованиях героя) очень короткое время, а затем поэт его «заморозил» [Бродский 1950: 170]. Чувство овладело Евгением якобы лишь «на минуту» (Гл. 4, XI). Между тем легко заметить, что именно набросок Vb не дает оснований говорить о перемене смысловой линии строфы Va.

А. Е. Тархов полагает, что в строфах Va—в описана «отнюдь не та действительная любовь героя, которая ждет его впереди» [Тархов 1978: 224].

Кажется, первым пушкинистом, который уделил строфе Va серьезное внимание, стал С. Г. Бочаров. Уже в работе 1986 г. (которая затем переиздавалась; см. [Бочаров 1999]) он пишет: «В черновой рукописи 3-й главы романа был намечен сюжетный ход, от которого тут же автор отказался — но все же он был намечен: Онегин сразу же после первой поездки к Лариным начинает влюбляться в Татьяну <...>. Типичный для творческого процесса случай отвергнутой сюжетной возможности. Если представить себе, что роман бы пошел по намеченному пути, то нельзя, конечно, предугадать, к чему бы он поэта привел, но вероятно одно: того романа “Евгений Онегин”, с его основной ситуацией трагического разминовения двух центральных героев, этого романа, который все мы знаем, в русской литературе бы не было» [Бочаров 1986: 144].

В строфе Va ученый усматривает отклонение «от должного» [Там же: 149], т. е. предполагает, что в замысел поэта любовь Онегина и Татьяны (с первой встречи) изначально не входила. У нас же, напротив, имеются аргументы, по которым замысел романтической взаимной любви присутствовал у Пушкина с самого начала, а переменялся вследствие отхода поэта от романтизма и перехода к бытописанию. Такое совершилось как раз после создания им строфы Va—в (о чем ниже).

В целом же позиция Бочарова по итогу не отличается от нашей. Однако, путь доказательства у нас разный: исследователь предлагает широкий интертекстуальный литературоведческий анализ и, используя строфу Va как отправную точку, делает акцент на общей концепции «возможных сюжетов», тогда как автор настоящей статьи строго держится лингвистического подхода и разбирает исключительно конкретные тексты.

Итак, строфы Va—в действительно сопряжены с подлинными загадками. С одной стороны, они по содержанию продолжают строфу V и образуют с ней композиционное единство. С другой стороны, содержание строф Va—в решительно расходится с дальнейшим развитием событий в печатной версии романа.

Замечание о манере исследования и изложения, принятой в настоящей статье: образцом послужил незавершенный историко-филологический трактат Пушкина <«Песнь о полку Игореве»>. Свои профессиональные лингвистические разыскания поэт¹² излагал полемично, но доказательно, с подробным разбором конкретных примеров. Он умело использовал такие приемы, как риторический вопрос и даже *argumentum ad hominem*¹³.

Самое главное в апостериорном методе Пушкина состоит в том, что он сначала перетолковывает небольшие фрагменты и слова в надежде под конец совоккупить их в итоговой интерпретации.

В работе над «Песнью» поэт приостановился, но если бы он довел свой постишный анализ до конца, то получился бы обширный трактат. Объем научного труда определяется объемом привлекаемого материала.

Настоящая статья также состоит, во-первых, из рассмотрения конкретных тематических блоков (см. ниже: «тактики похваления» (раздел 2), «тактики порицания» (раздел 3), «двое-ние мыслей» (раздел 4), «борение с собой» (раздел 5), «любовь побеждает байронизм» (раздел 6), «крещение принято» (раздел 7)) и, во-вторых, из подытоживающего всеобъемлющего блока («Признаки изменения сюжета “Евгения Онегина”» (раздел 8)).

В каждом случае материал изложен кратко, но блоков на протяжении 32 пушкинских строк оказалось, как видим, семь, так что по необходимости получилось пространное изложение.

Иногда можно столкнуться с вопросом: «Зачем копать и выставлять на свет божий варианты, которые сам Пушкин зачеркнул, а временами и густо замазал? Их для печатной версии как бы и не существовало»¹⁴. Такова позиция, например, новейшего комментатора «Евгения Онегина» В. П. Старка¹⁵.

Ср. противоположную позицию Л. В. Лосева, комментатора творчества Иосифа Бродского: «В идеале каждый поэт заслуживает быть прочитанным от корки до корки — от детских опытов до оставшихся неоконченными черновиков. Только при таком знакомстве читатель получил бы от поэта все, что поэт может ему дать» [Лосев 2006: 10]. Действительно, каждая зачеркнутая или введенная запятая (слово, строка) заслуживает изучения¹⁶, так что мы учитываем все без исключения варианты, не вошедшие в печатный текст. Опущенные строфы, если они отделаны, ни в чем не уступают строфам печатной версии.

У Пушкина невообразимая интенсивность правки сопровождается ее эзотеричностью. Поэт правил для себя, довольствовался недописанными словами (вплоть до одной буквы), использовал символику, показывающую пропуски текстов (которые собирался дописать или которые надо было взять из другого места), и т. д. Многое вообще оставалось только в голове. Об этом свидетельствуют авторские беловики: в них появляются варианты, которых в черновике нет. Поэт продолжал творить в процессе как собственноручной переделки черновика, так и чтения белой писарской копии.

¹² Лингвистическую компетенцию Пушкина признавали его современники — например, египтолог академик И. А. Гулянов и латинист С. С. Мальцев (сообщение П. В. Нащокина по записи П. И. Бартенева; помещено в книге [Вересаев 1984]).

¹³ В гуманитарных исследованиях трудно избежать этих двух «ненаучных» приемов.

¹⁴ Пример подобной логики привел В. В. Набоков, приписав ее Н. Г. Чернышевскому: «Для Чернышевского гений был здравый смысл. Если Пушкин был гений, рассуждал он, дивясь, то как истолковать количество помарок в его черновиках? Ведь это уже не “отделка”, а черная работа. Ведь здравый смысл высказывается сразу, ибо “знает”, что хочет сказать» («Дар», гл. IV). Черновики Пушкина показывают, что он, действительно, не в каждом случае точно знал, в какую сторону пойти. Самопризнание поэта содержится в строфе (Гл. 8, L).

¹⁵ «Сплетать указания из основной части, из окончательного текста, с тем, что осталось только в черновиках, — нельзя. Мало ли что в черновиках было!» (В. П. Старк, по распечатке выступления на радио «Свобода» (05.06.2012)).

¹⁶ Мы хотели бы применить к Пушкину его собственный афоризм: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства» («Вольтер»).

2. Анализ фрагмента V/1—4: тактики похваления

Далее строфы V и Va—в у нас рассматриваются в расчленении на тематические блоки. Как правило, в онегинской строфе выделяются три композиционно-тематических и интонационных пространства (4 стиха в начале, 8 в середине и 2 в конце). Конечное двуступище выделяется, по выражению Набокова, «рельефно». Соответственно, и в строфе V таких блоков три.

Первый фрагмент (V/1—4) имеет устойчивую традицию прочтения. Как считается, он представляет собой безыскусный обмен вопросом-ответными репликами: Онегин спрашивает об имени старшей сестры, Ленской отвечает.

«Други» гостили у Лариных продолжительное время, и об этом Пушкин сообщает в черновике хотя и в общем виде, но по контексту вполне внятно: «В деревне день есть цепь обеда» (Гл. 3, III/9)¹⁷. Если молодые люди провели у соседок за обедом целый день, то странно, почему Онегин (как получается по его вопросу: «Скажи: которая Татьяна?») не отождествил сестер по именам.

Строка (1) в [БАСС] показана как безвариантная, но, по свидетельству черновой рукописи, это не так.

Обычно Пушкин в рукописях не употребляет знаков препинания, но в данном случае в рукописи их три. После «Скажи» поставлено не двоеточие печатной версии, а характерная запятая (в виде большой косой черты, идущей сверху вниз и справа налево); она выполнена густыми черными чернилами. В конце строки (1) у Пушкина имеется знак вопроса, и то, что это вопрос, подтверждено еще знаком тире. Полифункциональный знак тире у поэта в том числе означает смену говорящих.

В печатной версии самозавершенность вопроса передается заключением всей строки (1) в начальные и конечные кавычки. Имплицируется: вот говорение Онегина, и оно завершено.

Дальше три строки (2—4), согласно печатной версии, принадлежат Ленскому, но для отличия от слов Онегина кавычек нет, а границы реплики Ленского показаны знаками тире в конце и в начале: — *Да та, которая грустна / И молчалива, как Светлана, / Вошла и села у окна* —. Эта же практика соблюдается в строфе и дальше: реплики Онегина — в парных кавычках, а реплики Ленского — в парных тире.

Привнесенная издателями расстановка кавычек и тире обеспечивает полную ясность и, скорее всего, не искажает воли поэта. Правда, первой, а не последней.

Если же отказаться от пунктуации издателя [БАСС], то в черновике содержится, наряду с канонической, альтернативная версия, — такая, которая потребовала бы от современного издателя расставить кавычки по-другому.

Эта версия черновика побуждает думать, что Пушкин намеревался продолжить говорение Евгения и не давать реплики Ленскому. В таком случае ключевое уподобление Татьяны Светлане Жуковского принадлежит Евгению (что важно).

Действительно, в конце строки (1) Пушкин перед невычеркнутым знаком вопроса (густые чернила) поставил вторую запятую, по форме ничем не отличную от первой, но выполненную бросающимися в глаза жидкими рыжими чернилами.

Вторая запятая показывает, что на фоне густых чернил основного текста строки лишь однократно (для одного пунктуационного знака) употреблены разбавленные чернила. Это означает, что вторая («рыжая») запятая, в отличие от густо-черной первой, не принадлежит к первоначальной версии: она вторична и относится к слою отсроченного авторедактирования.

¹⁷ В современных изданиях строфа (Гл. 3, III) обрывается на восьмом стихе («Кувшин с брусничною водой»), а остальные шесть написанных строк Пушкин почему-то снял. Тем не менее в массовых дореволюционных изданиях Пушкина (например, в издании И. Д. Сытина) концовка присутствовала: *В деревне день есть цепь обеда. / Поджавши руки, у дверей / Сбежались девишки скорей / Взглянуть на нового соседа, / И на дворе толпа людей / Критиковала их коней.*

Стало быть, именно «рыжая» запятая отражает последнюю волю поэта.

Эта вторая запятая отменяет первоначальный знак вопроса и, как любая запятая, показывает незавершенность высказывания. Онегин продолжает говорить, а что он говорит на основе фото черновика и транскрипции представляется отличным от печатной версии.

Альтернативную версию черновика мы собрали по элементам¹⁸:

Скажи, которая Татьяна,
Не та ль которая блѣдна
И молчалива как Свѣтлана
Сидела тихо у окна.

В а р и а н т ы в черновике: «блѣдна / грустна» и «Вошла и села / Сидела тихо».

Таким образом, версия черновика строфы V существенно противоречит печатной версии: здесь все четыре строки (а не одна) — это суждение Онегина (а не Ленского). Если так, то нельзя думать, что Онегин не отождествил Татьяну, потому что дал ей развернутую оценку.

Если же вспомнить цитату из баллады Жуковского, на которую намекает Онегин и которая в XIX в. имела широкое хождение («Тускло светится луна / В сумраке тумана — / Молчалива и грустна / Милая Светлана»), — то перенос характеристик на Татьяну, подтверждая прямые номинации похвальных качеств старшей сестры («молчалива», «грустна»), включает в себя очень важную эмоционально-личностную оценку со стороны героя романа: «милая».

Эмоция выражена косвенно, интертекстуально, однако образованные и начитанные современники Пушкина улавливали ее немедленно, ибо «Светлана» помнилась наизусть.

Значит, Татьяна пришлась Онегину по душе в тот же день, когда «други» навестили Лариных. Если на пространстве всех стихов V/1—4 говорит именно «молодой повеса» (а не Ленской), то, значит, поначалу он был хотя бы тронут.

Эта оценка «милая» вполне совпала с отношением к Татьяне самого автора романа, и он дал ее трижды. Сердечное восклицание поэта «Татьяна, *милая* Татьяна!» (Гл. 3, XV/1) поставлено на сильное место (в начале строфы). Далее, после строфы 7/XXIV Пушкин, говоря об открытии Татьяны в доме Онегина («Уж не пародия ли он?»¹⁹), оставил в черновой рукописи строки:

С ее открытием поздравим
Татьяну *милую* мою...

Наконец, в строфе 5/XXXVII, которая была напечатана в первом издании главы, но затем исключена из текста, Пушкин, обращаясь к Гомеру, написал:

Но Таня (присягну) *милей*
Елены пакостной твоей.

Елена была прекрасна, но не мила, тогда как Татьяна, хотя красотой и «не привлекла б к себе очей» (Гл. 2, XXV), была мила и в глазах поэта этим неуловимым качеством превосходила античную героиню. «Никто и спорить тут не станет»²⁰.

Онегин, безусловно, отождествил Татьяну, поскольку в строках V/1—4 Пушкин снял признаки подлинного вопроса, зато ввел признаки вопроса риторического, причем такого, который не просто имплицитно положительный ответ, но и усиливает его.

Признак вопроса «Не та ль» — это общеязыковая идиоматичная фигура речи (мнимая негация), а именно: конструкция *не [э]тот / [э]та / [э]то ли* (с варьированием местоимений в косвенных падежах).

¹⁸ Не привнося кавычек, мы, в отличие от печатных версий, следуем за черновиком. Две запятые, как упоминалось, принадлежат поэту.

¹⁹ Еще один случай мнимой негации.

²⁰ Из строфы 5/XXXVIII, судьба которой не отличалась от строфы 5/XXXVII.

Конструкция представлена в языке Пушкина. Ср. из «Бориса Годунова»: «Шуйский. Царь, из Литвы пришла нам весть... Царь. *Не та ли*, / Что Пушкину привез вечер гонец. Шуйский. Все знает он!» (= та самая). Ср. также в «Заметках и афоризмах разных годов» (<1830>): «В одной из Шекспировых комедий крестьянка Одрей спрашивает: “Что такое поэзия? вещь ли это настоящая?” *Не этот ли* вопрос, предложенный в ином виде и гораздо велеречивее, находим мы в рассуждении о поэзии романтической, помещенном в одном из Московских журналов 1830 года?» (= этот самый).

Эти же конструкции встречаются в письмах Пушкина (И. Е. Великопольскому, конец марта — начало апреля 1828 г.; П. В. Нащокину, ок. 8 января 1835 г.), а также в письмах к нему (И. И. Лажечникова от 22 ноября 1835 г.; П. И. Мартоса от 13 октября 1836 г.) и т. д.

В. А. Жуковский (в письме к А. Х. Бенкендорфу от 25 февраля 1837 г.) применил оборот к самому Пушкину, уже покойному, в емкой оценке постоянного развития поэта: «Он сам про себя осудил свою молодость и произвольно истребил для самого себя все несчастные следы ее. Что же из сего следует заключить? *Не то ли*, что Пушкин в последние годы свои был совершенно не тот, каким видели его в первые?» (= то самое).

Если подвести итог изложенному и обобщающим словом назвать интенцию поведения Евгения, то он явно придерживался стратегии, на ученой латыни именуемой *laudatio* «похваление». (Стратегии, в явном виде описанные греками и римлянами для публичной речи риторов, *de facto* характерны и для бытового речевого поведения «простых» людей.)

Стратегия похвалы, как любая другая, разделяется на ряд частных (аспектных) рече-поведенческих тактик²¹.

Чтобы ее реализовать, Онегин избирательно отозвался о трех частных сторонах (аспектах) облика Татьяны: во-первых, о ее внешнем виде (она «бледна»), во-вторых, о настроенности («грустна») и, в-третьих, о манере себя держать («молчалива и тиха»). Вершиной явилась четвертая тактика — собственная итоговая эмоциональная оценка: «мила»²².

Эмоциональные оценки обладают качеством обобщения: прилагательное-губка «мила(я)» совокупно описывает и общий вид, и настроенность, и поведение, и многое другое.

Все названные характеристики хорошо согласуются с типическим для XIX в. образом романтической героини книг: интересная «бледность»; «грусть», причина которой составляет загадку; постоянная «задумчивость» (отсюда молчаливость и «тихость в обхождении»); наконец, безусловная привлекательность, которая не тождественна красоте и может не иметь рационального объяснения, — «миловидность».

Остается сказать, что в строках (V/5—6) Онегин (в добавление ко всему сказанному) признал Татьяну еще и поэтической девушкой.

Таким образом, заново прочитанные (по факсимиле рукописи и по транскрипции) черновые строки V/1—4 готовят читателя к пониманию неожиданно и мгновенно вспыхнувшей влюбленности Онегина, которая далее описана в строфе Va (о чем у нас говорится на своем месте).

3. Анализ фрагмента V/5—14: тактики порицания

Во фрагменте V/5—14 Пушкин применил известный риторический прием, противоположный *laudatio*, а именно: порицания (*denuntio* или *investio*).

Бывает порицание само по себе, но нередко случается, что похвалая одного из двух лиц, этим по противоположности порицают другого.

Действительно, в строках V/1—4 по контрасту с Татьяной Ольга румяна, всегда весела, болтлива, громогласна, непоэтична.

²¹ Наша орфограмма с дефисом имплицитно, что в основе словосложения лежит сопологающая номинация («речь и поведение»), а не подчиняющая («речевое поведение»).

²² Сейчас мы изложили (наикратчайшим образом, *in nuce*) концепцию рече-поведенческих тактик (подробнее см. в книге [Верещагин, Костомаров 2005: 517—824]).

По отношению к двум лицам риторический прием *denuntio* может быть обернут: когда порицают одного, этим похваляют другого. Иначе говоря, *denuntio* одного человека оборачивается *laudatio* другого.

Этот риторический прием и применен в строках (V/5—14): перечисляя негативные черты Ольги, Евгений по сути поет дифирамб Татьяне. Онегин считает сестер антиподами.

Совсем не удивительно, что Евгений, получив от Ленского подтверждение, что тот из сестер любит «меньшую» (V/5), для себя (как бы примеряясь) сделал противоположный выбор: «Я выбрал бы другую» (V/6). Скептик и байронист Евгений, издавна снисходительно смотревший на женщин, для старшей сестры сделал исключение и, признав достойной, «поднял» ее до себя.

Выбор Ленского Онегин по контрасту осудил, и с желчными оценками, которые воспитанному человеку, пожалуй, не стоило бы применять к дворянской девушке, даже за глаза.

По сравнению с печатной версией строки V/5—14, как и строки V/1—4, также иначе прочитываются в свете новых транскрипций.

Как Татьяна тронула Онегина уже тогда, когда он еще сидел в доме Лариных, так и Ольга успела опротивить ему в тот же самый день. Как видим, противоположные чувства возникли у него немедленно. Интенсивность их также примерно одинакова.

На фоне печатной версии мы собрали варианты, относящиеся к характеристике Ольги, опираясь на транскрипции черновики и коллажи вариантов [БАСС], а также на печатную версию.

- (5) «Неужто ты влюблен в меньшую?»
В а р и а н т ы: В болтушку / В вертушку.
- (6) — А что? — «Я выбрал бы другую,
- (7) Когда б я был, как ты, поэт.
- (8) В чертах у Ольги жизни нет.
В а р и а н т ы: румяной / бледной / белой /
светлой / модной;
В чертах / В ее лице / В лице твоей;
ни чувств ни жизни / движенья.
- (9) Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне:

В а р и а н т ы для строк (9—12) см. непосредственно ниже.

- (10) Кругла, красна лицом она,
(11) Как эта глупая луна
(12) На этом глупом небосклоне».
(13) Владимир сухо отвечал
(14) И после во весь путь молчал.

Вместо строк (5—7) в черновике имеется вариант:

- (5) Она — И ты влюблен в другую
(6) В богиню эту молодую
(7) С ее бесчувственной красой
В а р и а н т: беспечной крас<от>ой.

Вместо строк (8—14) в черновике и в белой рукописи содержатся два варианта:

- I. (8) В чертах у Ольги мысли нет,
(9) <Румянец да> невинный <взор>
(10) Как в Р<афаелевой> М<адоне>.
В а р и а н т ы: Подобно девам Рафаеля /
Как у Марии / у Мадоны Рафаеля.
- (11) Мне надоели <с давних пор>. —
В а р и а н т ы: Она румяна и бела.
(12) — Всяк молится своей иконе, —
(13) Влад<имир> сухо отвечал,
(14) И наш Онегин зам<олчал>.

- II. (8) В чертах у Ольги мысли нет,
 (9) Как у Рафаэля в Мадонне.
 (10) Поверь — невинность это вздор,
 (11) А приторной Памелы взор
 (12) Мне надоел и в Ричардсоне.
 (13) Владимир сухо отвечал
 (14) И после во весь путь молчал.

Для строк (V/6—7) характерно, что подытоживающая оценка Ольги дана не в конце, а в самом начале «Ольгинского» тематического блока. «Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт». Младшая сестра, по суждению Евгения, недостойна любви, тогда как старшая, поскольку им выбирается, — достойна. Ольга лишена стержневой линии духовности Ленского — поэтичности, тогда как поэтичность Татьяны Онегин, видимо, успел рассмотреть.

Кроме того, Евгений, вопреки мнению соседей Лариных, отказывается признать Ольгу внешне красивой. У нее есть отрицательная черта, способная испортить впечатление от любой красавицы. В лице у Ольги (8) «жизни нет» (варианты: «ни чувств ни жизни», «движенья нет»). В вариантах черновика краса Ольги названа (7) «бесчувственной».

Так со строки (V/5) и вплоть до строки (V/12) Онегин в своей инвективе начинает осуществлять, реализуя ее в конкретных тактиках, общую стратегию порицания Ольги.

Она, по вариантам, имеет «взор» (не взгляд, а внешний вид) «невинный» (10) (как у Памелы Ричардсона). Поскольку имеется в виду только «взор», а не что-либо другое, «невинность» Ольги равнозначна неподобающей для ее возраста наивности. Среди вариантов строка (10) подтверждает такое толкование: «Поверь — невинность это вздор».

Далее Евгений использует тактику перечисления тех характеристик Ольгиного лица и нрава, которые его отталкивают: Ольга «румяна и бела», «кругла, красна лицом», «приторна», «глупа» (уподоблена «глупой луне»), «беспечна», «наивна».

Строка (9) всех трех вариантов объективно сложна для интерпретации. «В Вандиковой Мадоне» — «жизни» нет (так в печатной, т. е. окончательной, версии). Между тем в предшествующих черновиках и в белой рукописи упоминается не Ван-Дейк, а сам «Рафаэль» и также в негативном контексте.

В транскрипции Н. В. Перцова сравнение Ольги с Мадонной идет по критерию статичности («Въ чертахъ у Ольги жи<зни нѣтъ>»). Между тем «мадонны» Рафаэля совсем не статичны, а Ван-Дейк отнюдь не славен своими «мадоннами».

Относительно имени Рафаэля в данном контексте возникает апория. Пушкин в своем творчестве неоднократно упоминает Рафаэля, и всякий раз — в восторженных тонах. Как же в таком случае понимать помещение Рафаэля в контекст, который хочется назвать мерзким?

Объяснение: перед нами позиция не поэта, а героя романа. Ссылаясь на Мадонну как на «гиль» (пушкинское словцо), Онегин обнажает себя. У него, байрониста-«афея», о благоговении перед святым нет представления.

У Пушкина же в «Моцарте и Сальери» с негодованием говорится о «негодном маляре», который «пачкает Мадону Рафаэля». Онегин, испачкав Мадонну, еще раз обнаружил радикальные качества следующего за модными поветриями прогрессиста.

Что касается замены Рафаэля на Ван-Дейка, то в ходе переписки остроумное объяснение предложил Н. В. Перцов: «Понятно, почему наш поэт отказался от упоминания Рафаэля в том контексте: Рафаэль для него находится на высшей ступени художественности, и даже байронисту-“нигилисту” Онегину Пушкин не хочет впадать в уста уничижительные слова о нем».

Внутренний мир человека недоступен нам, но догадываться допустимо: Пушкин, вероятно, действительно содрогнулся от безобразного кощунства Онегина и в конце концов смягчил его.

По очередности смены лексических вариантов догадка вполне уместна: по наблюдениям того же Н. В. Перцова, упоминания о Ван-Дейке нет ни в черновике, ни в беловике-автографе, и этот художник появляется впервые только в 1827 г. — в отдельном издании третьей главы.

Высказывалось мнение (например, Набоковым в комментарии к строкам V/10—11), согласно которому эпитет *красный* («красна лицом») в приложении к Ольге означает «красивый»²³. Между тем два аргумента противоречат такому заключению.

Во-первых, в транскрипции есть контекст, заставляющий думать, что поэт имел в виду именно цвет лица Ольги. Ср.: «Она румяна и бѣла» (= кровь с молоком; значит: физически крепка и здорова).

Хотя у Пушкина «красен», «красный» широко употребляется в значении «красивый», но, когда прилагательное относится к лицу человека, оно, судя по исчерпывающим контекстам, означает только цвет. Ср.: «Исправник, высокой и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах...» («Дубровский»). Описывая петербургскую неожиданную встречу Татьяны и Онегина, поэт замечает (Гл. 8, XIX), что героиня не «стала вдруг бледна, красна» (= лицом не побледнела и не покраснела). Однажды Пушкин назвал здоровье «краснощеким» («Бог веселый винограда...»).

Поскольку прилагательное «красный» имеет два значения и они оба априорно могли бы быть отнесены к облику человека, на самом деле никогда — и в эпоху Пушкина, и ныне — не говорится о «красном» лице / носе и о «красных» глазах / щеках, если они красивы. В таких случаях употребляют прилагательное «прекрасный».

Во-вторых, если мы согласны, что Онегин в строках (5—12) держится стратегии порицания Ольги, то в число примененных им рече-поведенческих тактик не может проникнуть такая, которая относится к противоположной стратегии похваления. Единая стратегия реализуется в разносторонних тактиках, но все они остаются (подравниваются по смыслу) в сходных тематико-интенционных пределах.

Несходства тактик, реализующих одну стратегию, в обычной речи не бывает, но оно может встретиться в казовой (эпидейктической) речи как оксюморон (ради иронии).

Строчки черновика (6) «В богиню эту молодую / Съ ея безчувственной красой» как раз и содержат подобный оксюморон. Местоимение «эту» (в сочетании с «бесчувственностью») выдает иронию, так что слово *богиня* следовало бы при печати заключать в кавычки. В подтексте читается: какая из нее богиня! Кроме того, в черновом варианте «Подобно дѣвамъ <P>убе<на>» (по транскрипции) Ольга уподоблена женщинам — скажем так — корпулентным и (поскольку они пируют) вполне земным.

Вернемся к прилагательному «красный». Поскольку «красна» стоит рядом с «кругла», полезно посмотреть на общее отношение Пушкина к округлости лица женщины.

Свое отношение он отчетливо выразил в письме Анне Вульф от 21 июля 1825 г.: «...не взбивайте волосы на височках, хотя бы это и было модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо». Оригинал написан по-французски, и там сказано *malheur* («беда, горе», даже «ужас»), что сильнее «несчастья».

Таким образом, Онегин в строфе V нарисовал сугубо отталкивающий образ Ольги.

Как не растеряться? В главе второй Пушкин вылепил образ младшей сестры как девушки прелестной и милой: «Невинной прелести полна» (XXI); «Как поцелуй любви мила, / Глаза как небо голубые, / Улыбка, локоны льняные, / Движенья, голос, легкий стан» (XXIII).

Татьяна первоначально обрисована, напротив, сдержанно; в той же главе о Татьяне говорится: «Ни красотой сестры своей, / Ни свежестью ее румяной, / Не привлекла б она очей» (Гл. 2, XXV); «Никто б не мог ее прекрасной / Назвать» (Гл. 7, XV).

Вероятно, привлекательность Татьяны производна от качества, в котором устами Онегина поэт откажет Ольге, — присутствию в лице «жизни», «мысли» и «движенья».

Удивляться перемене не приходится.

²³ Ср.: «Я понимаю выражение “она красна лицом” как “у нее красивое лицо”, а не как утверждение, что “у нее красное лицо”» [Набоков 1998: 291].

Во-первых, поскольку роман писался долго, в нем, по словам поэта, оказалось «противоречий очень много»²⁴. Их устранять *post factum* Пушкин не желал (Гл. 1, LX). Даже если поэт в одном месте (от себя) обрисовал Ольгу красавицей, это не помешало бы ему придать ей (словами Онегина) иной образ в другом месте.

Во-вторых, если согласиться с известным тезисом, что Пушкин, по первоначальному замыслу, именно Ольгу назначал в главные героини, то ко времени написания строфы V главная героиня переменялась и стала Татьяной²⁵.

Соответственно, совершилось перераспределение красоты между сестрами. По справедливому замечанию П. Л. Вайля, в итоге дальнейшего чтения «у читателя [не остается] сомнения в том, что Татьяна — томная красавица, а Ольга — здоровая румяная дура» (см. [Вайль 1991]).

Настало время сделать важный шаг в анализе. Причисляя одного, похваляют другого. Онегин сравнивает сестер и приписывает им полярные качества.

По характеристике Ольги мы, углубляясь в текст, судим не только о ней, но и о Татьяне. Все негативные эпитеты, если их по праву переплюсовать, превращаются в положительные. Итак, отталкиваясь от черт Ольги, как их воспринял Евгений, можно судить о восприятии им внешнего облика и манеры поведения именно Татьяны.

Если Ольга «румяна» и «красна лицом», то Татьяна НЕ румяна и НЕ красна лицом (= бледна). Ольга «глупа» (на фоне уподобления: «как луна»); Татьяна, напротив, НЕ глупа (= умна). Ольга «приторна» (как героиня Ричардсона); Татьяна же НЕ приторна (= не лицемерна, значит: искренна). Ольга взором «невинна», т. е. наивна (как ребенок); Татьяна же НЕ наивна (= глубока, серьезна, проницательна).

Короче говоря, если Ольга — «типичная представительница» заурядных уездных барышень, то Татьяна, не будучи таковой, как редкое исключение истинно благородна (в совокупном смысле слова: красива, образована, воспитана, нравственна и умна).

Подобную тактику описания Татьяны через перечисление того, что ей НЕ свойственно, Пушкин применил и в других частях своего романа²⁶.

Но куклы, даже в эти годы,
Татьяна в руки НЕ брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею НЕ вела. <...>
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкий луг,
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки НЕ играла (Гл. 2, XXVII).

И тайну сердца своего,
Заветный клад и слез и счастья
Хранит безмолвно между тем
И им НЕ делится ни с кем (Гл. 7, XLVII).

²⁴ «Принципу противоречий» (и «несогласованности») Ю. М. Лотман посвятил исследование, в котором конкретно указаны многие неувязки в «Евгении Онегине»; см. [Лотман 1988: 32—49].

²⁵ Собственно, мена героини состоялась уже в главе второй. После XXII строфы в белой рукописи было еще две строфы, и среди них вторая дважды содержала имя Ольги, которое Пушкин заменил на Татьяну. Так атрибут «милая» перешел от младшей сестры к старшей.

²⁶ Концепция *с и н г у л я р н ы х* (или девятивных) рече-поведенческих тактик была введена в работах [Верещагин, Костомаров 2000в; 2005: 517—817]. По отношению к художественной литературе эти тактики писателя заключаются в том, что образ персонажа контрастно рисуется на фоне общепринятой нормы, причем последовательно перечисляется то, что герою НЕ присуще и чего он НЕ думал, НЕ говорил и НЕ делал. Индивидуализация персонажа достигается за счет противопоставления его «всем другим», «ординарным» людям определенного слоя. Методика исчисления сингулярностей была применена и к произведениям А. С. Пушкина; см. [Верещагин, Костомаров 2000а; 2000б].

Она была НЕ тороплива,
 НЕ холодна, НЕ говорлива,
 БЕЗ взора наглого для всех,
 БЕЗ притязаний на успех,
 БЕЗ этих маленьких ужимок,
 БЕЗ подражательных затей...
 Все тихо, просто было в ней (Гл. 7, LIV).

(Онегина подводят к вышедшей замуж Татьяне):
 И что ей душу ни смутило,
 Как сильно ни была она
 Удивлена, поражена,
 Но ей ничто НЕ изменило:
 В ней сохранился тот же тон,
 Был так же тих ее поклон.
 Ей-ей! НЕ то, чтоб содрогнулась
 Иль стала вдруг бледна, красна...
 У ней и бровь НЕ шевельнулась;
 НЕ сжала даже губ она (Гл. 8, XVIII—XIX).

Она его НЕ замечает,
 Как он ни бейся, хоть умри.
 Свободно дома принимает,
 В гостях с ним молвит слова три,
 Порой одним поклоном встретит,
 Порою вовсе НЕ заметит (Гл. 8, XXXI).

Если перевести эти строки из негативного в позитивный вид, то девочкой Татьяна уклонялась от детских забав и деревенских пересудов. Московские подруги требовали, чтобы Татьяна впустила их в свой душевный мир, но она хранила «тайну сердца своего». Став дамой, Татьяна удерживалась от (великосветской) суеты, от высокомерия («не холодна»), болтливости, от вызывающих («наглых») взглядов (предназначенных для мужчин). Она избегала стремления к успеху в свете, кривляний («маленьких ужимок»), подражательности.

И далее Пушкин подводит итог: не только поклон Татьяны был «тих», но и «ВСЁ тихо, просто было в ней». Примечательно, что здесь есть точная словесная перекличка с (Гл. 3, V) («Сидела тихо у окна»).

Далее поэт говорит о самообладании Татьяны при встрече с Онегиным, опять-таки перечисляя элементы поведения, свойственные любой «обыкновенной» светской женщине, от которых «милый идеал» Татьяна тем не менее показательно воздержалась: она НЕ вздрогнула, НЕ побледнела, НЕ покраснела, «НЕ повела бровью», НЕ закусила губу. В отличие от светских развратниц, Татьяна НЕ обращает внимания на обожателя, вовсе «НЕ замечает его» («как ни бейся, хоть умри»)

Татьяна уникальна, и ее рече-поведенческие тактики — с и н г у л я р н ы («уникальны», от *singularis / singularius* «единственный в своем роде»). Ее поведение противоположно поведенческим нормам дворянской толпы, как уездной, так и столичной.

Эти же сингулярные тактики были применены поэтом при описании впечатления, которое Евгений получил в свой первый приезд к Лариным. Ольга — «нормальная», дюжинная уездная девушка, а Татьяна — индивидуальна, неповторима. Сингулярные черты облика и поведения «НЕ уездной» девушки Татьяны заставили Онегина осознать ее единственность. В дальнейшем он увидит, что Татьяна НЕ стала и светской дамой²⁷.

Так не только в похваляющих тактиках строфы V/1—4, но и в противоположных порицающих тактиках V/5—12 подробно описано первое впечатление Онегина от Татьяны.

²⁷ Конечно, Татьяна характеризуется в романе не только посредством сингулярных тактик (см. особенно (Гл. 2, XXVIII—XXIX)).

За исключением строк (13—14), вся строфа V (вкуче с черновиками) готовит читателя согласиться с тем, что Евгения по праву настигла страсть.

Ее обстоятельное и недвусмысленное описание содержится в черновой строфе Va (о чем далее).

Завершая анализ строфы V, остается сделать замечание о строках (13—14). Отрицательная оценка человека, который дорог собеседнику, воспринимается как желание спровоцировать конфликт. Слова Евгения пока не привели к дуэли, потому что, к счастью, были сказаны приватно.

Кроме того, по черновому варианту, Онегин заметил неудовольствие, спохватился, перестал, пока не поздно, дразнить друга и сам «замолчал» (= прикусил язык). Ср.: «Владимир сухо отвечал, / И наш Онегин замолчал».

4. Анализ фрагмента Va/1—4: двоение мыслей

Выпущенная Пушкиным строфа Va не может быть квалифицирована как «набросок», т. е. бегло написанный и «брошенный» текст (к которому поэт не возвращался). Напротив, строфа тщательно обработана и в рукописи по интенсивности правки не отличается от черновиков сопряженных строк V и VI (или любой другой онегинской строфы).

Пушкин выпустил эту строфу не из-за того, что она по качеству не годится для печатной версии. Почему же?

Строфа Va может быть прочитана прагматично, и в таком случае она легко понятна. Между тем за «простыми словами» кроется обширнейший затекст²⁸, для понимания которого необходимы фоновые знания Пушкинской эпохи.

Выполним операцию, которая ранее была совершена над предшествующей строфой V. Строфа Va не печаталась, но издатели [БАСС] по черновику установили, пусть небесспорно, основной текст, а к нему присовокупили варианты из того же черновика. Сейчас к числу источников прибавилась транскрипция.

- (1) В постеле лежа — наш Евгений
- (2) Глазами Байрона читал
- (3) Но дань вечерних размышлений
В а р и а н т: И; серд<ечных>/невольных
- (4) В уме Татьяне посвящал —
В а р и а н т: Татьяне милой²⁹
- (5) Проснулся <он> денницы ране
В а р и а н т ы: Самой/Лучей зари; поздно он
- (6) И мысль была все о Татьяне
В а р и а н т ы: И думаль/что-же ду<мал>
- (7) Вот новое подумал он —
В а р и а н т: Фу пропасть
- (8) Не уж-то я в нее влюблен
В а р и а н т: Иль
- (9) Ей богу это было б славно
В а р и а н т ы: Потом; Я рад — оно-б мне
- (10) <Себя> <уж> то-то б одолжил
В а р и а н т: удивил
- (11) Посмотрим — и тотчас решил
В а р и а н т: сейчас.

²⁸ По традиции мы различаем два понятия — контекст (непосредственное, или ближнее, окружение слова и фрагмента текста, помогающее прямому пониманию (например, многозначного слова)) и затекст (фоновые знания современников, или пресуппозиции, которые в произведении выражаются аллюзивно и даже вообще не выражаются, но на которые писатель рассчитывает). Разъяснение контекста называется экспликацией, а разъяснение затекста — интерпретацией.

²⁹ Еще раз эпитет «милая»!

- (12) Сосед<ок> навещать исправно
 (13) Как можно чаще — всякой день
 В а р и а н т ы: Два; сперва.
 (14) Ведь им досуг а нам не лень
 В а р и а н т ы: Ему/ Вдове.

В начальных стихах (1—4) описывается психический феномен навязчивого состояния. Стоит произойти какому-либо важному событию, сущностно («экзистенциально») затрагивающему жизнь человека, — радостному или нерадостному, — как «автоматически» (не по воле человека) начинается продолжительное обдумывание происшествия с многократным обращением к одним и тем же мыслям и представлениям (реверберация).

Навязчивое переживание нерадостного события дискомфортно. Чтобы освободиться от него, несчастный волевым усилием старается «выбросить из головы» неприятные мысли. Когда стресс велик, избавиться от них не удается. Более того, они, затягиваясь, сказываются на физическом благополучии страдающего человека. Так, выключение нормального механизма торможения головного мозга приводит к болезненной бессоннице. Один из привычных способов прогнать тягостные мысли — отвлечься, занять себя какой-либо деятельностью, требующей концентрации внимания на другом. Отвлечение, однако, не всегда помогает.

Строка (3) «Но дань...» имеет вариант начала с другим союзом «И дань...». Пушкин зачеркнул сочтательный союз «И» и заменил его на противительный «Но»³⁰. Сначала вышло, что спокойно соположены два действия: Онегин читал Байрона И размышлял о Татьяне. Однако, союз «но» заставляет думать, что первое действие было отменено вторым: самому герою только к а з а л о с ь, что он читает, НО на деле он размышлял о другом (= читать не мог).

По возвращении домой Онегин, как всегда делал, приступил было к чтению, чтобы поскорее заснуть, но им овладели (по варианту черновика) «невольные размышления» (3). Глазами Евгений читал книгу, но вместо понимания читаемого неотступно думал о Татьяне. Употребленная здесь лексема «дань» (3) имеет фоновый смысл «принудительности» («дань платят/отдают» не по своей воле).

В строке (3) есть вариант: «невольные размышления» названы также «сердечными». Таким образом, антагонисты названы: «глаза» (2) (умственная установка) схватились с «сердцем» (3) (душой человека).

Строфа Va, исключенная из романа, не была Пушкиным забракована навсегда. Он ввел ее в ткань поэмы «Граф Нулин», писавшейся одновременно с сочинением главы третьей «Онегина»; стало быть, строфа засела в его голове. Конечно, для «Нулина» потребовались модификации, но неслучайная переключка между романом и поэмой распространилась как на общее содержание, так и на дословные повторы:

В постеле лежа, Вальтер-Скотта
 Глазами пробегает он.
 Но граф душевно развлечен...
 Неугомонная забота
 Его тревожит; мыслит он:
 «Неужто вправду я влюблен?
 Что, если можно?.. вот забавно!»

Под конец романа Онегин снова столкнется с феноменом навязчивых мыслей, причем с повторением точь-в-точь. Вернувшись к себе после встречи с замужней Татьяной, Евгений обратился было к привычному чтению в постели:

³⁰ Н. В. Перцов (в письме) сообщил автору статьи следующее: «Замечу, что Пушкин заменил “и” на “но” уже по написании полностью всей строки, ибо в противном случае он бы не стал писать противительный союз поверх соединительного, а зачеркнул бы первый и написал рядом второй».

И что ж? Глаза его читали,
 Но мысли были далеко;
 Мечты, желания, печали
 Теснились в душу глубоко.
 Он меж печатными строками
 Читал духовными глазами
 Другие строки. В них-то он
 Был совершенно углублен. (Гл. 8, XXXVI)

Ср. также:

Сомненья нет: увы! Евгений
 В Татьяну как дитя влюблен;
 В тоске любовных помышлений
 И день и ночь проводит он. (Гл. 8, XXX)

Остается сказать, что феномен навязчивого вытеснения одной деятельности другою был знаком самому Пушкину: «Читать хочу; глаза над буквами скользят, / А мысли далеко...» («Зима. Что делать нам в деревне?»)³¹.

Описав в строфе Va двоеение мыслей Онегина, Пушкин определенно сообщает, что Татьяна, какой Евгений ее увидел в доме Лариных, произвела на него чарующее впечатление. При этом Татьяна и Евгений даже не говорили друг с другом.

Такова экспозиция в строфе Va: неожиданно-негаданно Онегин утратил покой. Так трафаретно мог бы поступить любой писатель-романтик: завязка произведения совпадает с первой встречей героев. Пушкин же рассудил иначе.

5. Анализ фрагмента Va/5—10: борение с собой

Онегин, влюбившись, как любой другой человек, должен бы обрадоваться, а он вступил в борьбу с собой, и это противостояние, развиваясь по восходящей, достигнет своей кульминации в принятом им радикальном решении (Va/11—13).

В целом для Евгения характерен «сон глубокой» (Гл. 2, XXXVIII, XXXIX). Даже накануне дуэли он спал «мертвым сном»: «Онегин спит себе глубоко» (Гл. 6, XXIV). В черновике строфы Va есть вариант, согласно которому Онегин и по возвращении от Лариных спал как обычно («Проснулся поздно он»).

Тем не менее поэт передумал и дал три альтернативных версии строки (5) — «Проснулся <он> денницы ране»; «Самой зари (ране)» и «Лучей зари (ране)». Косвенно сказано, что навязчивые мысли лишили Онегина настоящего сна и позволили ему лишь забыться.

Та же ситуация повторилась и в главе восьмой (XXI), когда Онегин, испытывая аналогичные чувства, долго не мог заснуть:

Он оставляет раут тесный,
 Домой задумчив едет он;
 Мечтой то грустной, то прелестной
 Его встревожен поздний сон.

О чем, однако, Онегин мыслил, вернувшись от Лариных?

Строка (6) содержит недописанный до полного стиха (и вычеркнутый) вариант «что же думаль» (и далее несомненно: «онъ»). По сравнению с основной версией строки «И мысль была все о Татьяне» здесь есть смысловой нюанс: говорится о намерении поэта проникнуть в душу своего героя и передать происходившее в ней.

Душевные процессы вербализуемы, поэтому Пушкин передавал их словами Евгения (значит, сохранив не только смысл, но и форму внутреннего проговаривания).

³¹ Первая строка кратко исследована; см. [Фомичев 2004].

В строке (6) «И мысль была всё о Татьяне» «всё» — это не усилительная частица, а настоящая наречие («всё это время, постоянно, без перерыва»). Поскольку Пушкин указал, когда начались размышления Евгения — «вечером» (3), и отметил, когда они всё еще продолжались — «на заре» (5), имплицитно, что они продолжались всю ночь.

Здесь нет противоречия ремарке «проснулся он» (5): пробуждение в данном случае показывает переход к дневной активности. Ср. подтверждающие контексты: «Вот наконец проснулся он / И полы завеса раздвинул» (Гл. 6, XXIV); «Проснулся он; ему приносят / Письмо» (Гл. 8, XXI); «Проснулся Карл. “Ого! пора! / Вставай, Мазепа”» («Полтава»).

Два варианта строки (7) (первоначальный «Фу, пропасть» и вторичный «Вот новое») — важны для прочтения. В первом случае Евгений негодует на себя. Второй вариант говорит о том, что Евгений расценивает свои переживания как «новые» для него, — совсем не похожие на те, которые были им испытаны в светских похождениях.

Из строки (8) («Неужто я в нее влюблен») видно, что «молодой повеса» даже не знает, как обозначить свои новые переживания. Слово «неужто» (подобно «разве») означает удивление, недоверие и отторжение. «Неужто» амбивалентно: и «не может быть!», и «конечно, да!». Амбивалентность уместна, вероятно, поэтому Пушкин отверг нейтральный вопросительный союз «иль» и вымарал его.

Владевшие Онегиным думы Пушкин воспроизводит в виде внутреннего диалога. В душе Онегина скептик говорит одно, а превозмогающая страсть — другое.

«Модный повеса» привык считать себя выше обычных человеческих чувств. Об этом Пушкин сообщает уже в первой (эпатающей!) строфе романа: Онегин не благоговел даже перед таинством смерти («Когда же чорт возьмет тебя!»). Евгений следовал за модой, а распространившееся в 1820—1830-е гг. в России поветрие байронизма предписывало, в частности, насмешки над чувством любви. Оно предписывало чураться брака. Говоря от имени современной ему просвещенной молодежи, Пушкин пишет: «Меж тем как мы, враги Гимена, / В домашней жизни зрим один / Ряд утомительных картин» (Гл. 4, L).

Если возобладал бы скептик, герой и героиня романа разминутись бы. Так и случилось по сюжету, который реализован в печатной версии. Свое неверие в любовь, владевшее им в пору пребывания в деревне, Евгений вспомнил в своем письме Татьяне:

Случайно вас когда-то встреть,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
...
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан!

Варианты строки (9) также показательны.

Один из них («Я рад: оно б мне» с вероятным продолжением: «было славно») говорит о серьезном отношении Евгения к тому, что случилось с ним. Здесь наречие «славно» синонимично наречию «хорошо». Ср. параллельную строфу из «Графа Нулина», герой которой также влюбился, но не иронизирует:

«Что, если можно?.. вот забавно!
Однако ж это было б славно».

Другой вариант в строфе Va («Ей-богу, это было б славно»), напротив, может выражать насмешку. «Ей-богу» в черновике написано со строчной буквы, и в устах «афея» Онегина (в романе нигде не сказано, что он верил в Бога) вся строка окрашена смешком. В письмах Пушкина «ей богу» чередуется с «ей-ей» и употребляется для иронии.

Поскольку строки (7—8) и (10) реализуют ироничные рече-поведенческие тактики, так что серьезная строка (9) выпадала бы из ряда, последней волей поэта, вероятно, является: «Ей-богу, это было б славно».

Строка (10) имеет два варианта: один скорее прагматичный, второй — фразеологический. Вариант «Себя уж то-то б удивил» содержит легкий обертон иронии, тогда как вариант «Себя уж то-то б одолжил» явно ироничен. При пословном прочтении оборот с «одолжил» может значить «сделал себе услугу», но смысл фразеологизма «уж то-то б одолжил» идет поверх слов. Его можно перевыразить как «вот те на!».

В романе фразеологизм приложен к Евгению еще раз. Поведение замужней Татьяны поставило его в тупик:

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил,
Или не сделался поэтом.
Признаться: то-то б одолжил! (Гл. 8, XXXVIII)

Итак, в строках (8—10) описано иронизирование Онегина над самим собой. Причина кроется в принадлежности Евгения к кругу тех молодых дворян, которые считали себя «просвещенными» и во многом подражали своему идолу — Байрону. Само слово «просвещение» ныне сузило свое значение, а в Пушкинскую эпоху было синонимом позднейшего концепта «прогресс».

Культурно-исторический феномен байронизма заслуживает отдельного обсуждения, особенно в аспекте любви к женщине.

6. Любовь побеждает байронизм

По главам романа — первой и второй — рассыпаны характеристики главного персонажа, присущие ему до отъезда из деревни. Евгений — «второй Чадаев» (Гл. 1, XXV); чувства в нем «костыли рано» (Гл. 1, XXXVII), да и ум стал «охлажденным» (Гл. 1, XLVI). «Молодой повеса» (Гл. 1, II) был подвержен «сплину», «хандре» (Гл. 1, XXXVIII); он держал себя, «как Child-Harold, угрюмый, томный» (Гл. 1, XLV). Онегин обладал «резким умом», соответственно, был «язвителен» в споре, шутил «с желчью пополам», писал «злые, мрачные эпиграммы» (Гл. 1, LVI). Окружающим он представлялся «чужаком», к тому же «опасным» (Гл. 2, XIV). Окружающих Евгений «почитал нулями» и «вообще презирал людей», но себя производил — в «единицы» и «глядел в Наполеоны» (Гл. 1, XIV).

Не случайно Татьяна нашла в кабинете Онегина «столбик с куклою чугунной», т. е. статуэтку Наполеона. Она нашла там изображение и другого идола — «лорда Байрона портрет» (Гл. 7, XIX). В строфе Va мы видим, что Евгений на сон грядущий читал не подлинное Евангелие, а «Евангелие» «передовых людей»³² — «глазами Байрона читал». Вообще в библиотеке Онегина не нашлось книг «незападного» происхождения. Славянофилы небезосновательно упрекали «просвещенное российское общество» в отрыве от «народно-национальной почвы».

Впрочем, Пушкин намного раньше отождествил суть Онегина: тот был «как Байрон, гордости поэт» (Гл. 2, IV). Татьяна, познакомившись с библиотекой Евгения, по кругу его чтения пришла к аналогичному заключению: «Уж не пародия ли он?» (Гл. 7, XXIV). Поскольку в той же строфе упомянут «Гарольдов плащ», Татьяне ясно, пародией какого лица является Онегин.

Наполеонова гордыня и Байроново самопревозношение — это (взамен «отсталого» российского православия) «афеистическая» религия молодых «просвещенных» дворян пушкинского времени.

³² Прилагательное «передовой» часто встречается у Пушкина в прямом значении («передний»), но, кажется, представлено и в переносном (см. «Мои замечания об русском театре»).

Пушкин обличил своего молодого современника в главе седьмой (XXII): у того «безнравственная душа», он «себялюбив», он «сух», ум его «озлоблен», он «кипит в действии пустом» (Гл. 7, XXII).

О распространенности в России 1820—1830 гг. байронизма имеется множество свидетельств. К теме байронизма в творчестве Пушкина исследователи обращались неоднократно, и она, безусловно, уже достаточно рассмотрена со всех сторон³³. Сейчас же обратим внимание только на то, как байронизм преломился в образе Евгения.

Характерное свидетельство оставил А. А. Бестужев (в письме Пушкину от 9 марта 1825 г.), причем как раз в увязке с Онегиным: «Я вижу франта, который душой и телом предан моде — вижу человека, которых тысячи встречаю наяву, ибо самая холодность и мизантропия и странность теперь в числе туалетных приборов». О том, что Онегин воспринимался как типичный представитель молодого поколения, написал и П. А. Плетнев в письме Пушкину от 22 января 1825 г.: «Онегин твой будет карманным зеркалом петербургской молодежи». В лексиконе Пушкина бытовал даже соответствующий глагол — «байроничать» (подражать Байрону)³⁴.

По отношению к женщине байронисты не просто сомневались в возможности чистой и беззаветной любви к ней, а прямо ее отрицали.

В романе олицетворением восторженной и старомодной любви стал Ленской: «Ах, он любил, как в наши лета / Уже не любят» (Гл. 2, XX).

Онегин же, как известно, «слушал Ленского с улыбкой» (Гл. 2, XX). Правда, сначала он из деликатности удерживал «охладительное слово» (Гл. 2, XV).

Тем не менее свое отношение к любви и браку он, видимо, Ленскому высказывал. Иначе будет непонятна реакция Ленского, отложившаяся в черновиках Гл. 3, II. В указанной строфе Ленской, желая объяснить, почему он зачастил к Лариным, не назвал подлинной причины и привел другое (явно ложное) объяснение: «Я модный свет ваш ненавижу; / Милее мне домашний круг». Онегина не впечатлишь высокопарными словами; он выливает ушат воды: «Опять эколога!».

В печатной версии далее говорится: «Да полно, милый, ради бога»; в черновике же употреблен более энергичный глагол: «Уймись мой милый ради бога» (= постыдись витийствовать и лгать).

И затем в строфе II следуют две строки (6—7), не вошедшие в печатную версию. Онегин сам назвал истинную причину отъезда Ленского: «Нельзя <ли> проще объяснить / Что ты влюблен — хоть очень жаль». К чему относится ламентация «очень жаль»? В печатной версии — к отъезду Ленского, к опережающей лексеме «едешь»: «Ну что ж? ты едешь: очень жаль» (= Жаль, что ты уезжаешь). Однако, в черновике сожаление относится к слову «влюблен» (= Ты влюблен? Очень жаль).

Евгений, подтверждая свою характеристику, данную Пушкиным, язвительно высмеивает сердечную привязанность друга. В печатной версии об Ольге сказано: «Предмет и мыслей, и пера, / И слез, и рифм et setera?» В черновом же варианте саркастически нагнетаются другие именованья: «предмет мечтаний», «слов» (два раза), «стихов твоих», «томных снов» и «пламен<н>ых стихов». Онегин, еще не видев Ольги, развенчивает ее, иронически называя именами классических обольстительниц — то «Филлидой», то (в черновике) «Армидой».

Ленской же, судя по черновику, в угоду моде принужден лицемерить и даже отречься: «...влюблен, — ну право нет, и полно» (= Как ты мог подумать?). Геттингенский студент, желая быть современным, подлаживается к Онегину и, подобно апостолу Петру, не отдает себе отчета в том, что предает свое чувство. Может быть, Онегин замечает неправдивость

³³ Замечательная подборка материалов содержится в большой и неустаревшей статье [Дашкевич 1907: 425—450]. Академик старого завета обстоятельно и фундаментально изучил круг «прогрессистского» (исключительно западного) чтения Онегина. См. также монографию [Жирмунский 1978].

³⁴ Возможно, окказионализм. Его поэт употребил в письме П. А. Плетневу от 4—6 декабря 1825 г.

этого «ну право нет», потому что, по контексту, именно ему принадлежит уличающая реплика черновика: «Зачем же нет <?>» (= Неправда, что нет).

Как видим, на примере обращения Онегина с Ленским природа байрониста (в принципе не признающего возможность искренней любви) представлена весьма выпукло. Поэтому Онегину, увлеченному Татьяной, отказаться от себя в одночасье было невозможно. Привычную иронию он направил против самого себя. Чтобы позволить себе «сердечно» полюбить девушку, Онегину надо было разорвать пути массовой моды, и этот-то процесс в его протяженности мы видим именно в черновой строфе Va.

Завершение процесса эксплицитно сформулировано в набросках Vб и Vв, о чем ниже.

7. Анализ фрагмента Va/11—14 и набросков Vб—в: решение принято

В строке (Va/11) отразилась амбивалентность сознания Онегина. С одной стороны, в строке представлена рече-поведенческая тактика выжидательности, нерешительности: «посмотрим» (т. е. пока неясно, в какую сторону пойдём). С другой стороны, Евгений (неожиданно для читателя) прибегает к тактике принятия решения: (он) «тотчас решил» (поступить так-то и так-то).

В строке (12) раскрыто решение Онегина — «навещать исправно». Но кого именно? Если вслед за публикаторами [БАСС] недописанное слово «сосед-» прочитать «соседей» или даже «соседок» — это звучит уклончиво. Если же вслед за великим пушкинистом [Гофман 1922: 87] прочитать «соседКУ» (а Н. В. Перцов отдаёт предпочтение именно этой версии), то уклончивость исчезает: Онегин без обиняков указал на соседку (и только на одну), за которой собирался ухаживать. Поскольку Ольга исключается, в строке (12) как нельзя отчетливее названа Татьяна. Пушкинские контексты показывают, что наречие «исправно» к настоящему времени устарело, изменило свою семантику и частотность³⁵ (вплоть до неупотребительности). В XIX в. оно еще имело широкую циркуляцию: в нейтральном употреблении «исправно» синонимично «добросовестно», но может приобретать и негативно-ироничную окраску (с импликацией: «по обязанности»).

Евгений собирался зачастиль к Лариным, но если к свободному от оценочных ассоциаций «часто» присовокупить (само)иронию, то как раз и выйдет «исправно».

Кроме того, «исправным» называли слугу. Предположительно скажем, что Онегин, насмехаясь над самим собой, насмешливо обязывался стать «покорным слугой» соседского семейства.

С изложенным согласуется (следующая) строка (13). С самого начала сказано сильно: (навещать) «как можно чаще», но далее интенсивность и еще повышается: «всякой день». (Впрочем, о культурологических обертонах «часто» и «каждый день» см. далее. Синонимичные в языке, они не синонимичны в культуре.)

Ситуация ежедневного посещения повторится, когда Онегин встретит Татьяну в Петербурге:

Ума не внемля строгим пеням,
К ее крыльцу, стеклянным сеням
Он подъезжает *каждый день*...
За ней он гонится как тень... (Гл. 8, XXX).

Онегин действовал вопреки правилам приличий, и за их нарушение подвергался «пеням», да еще «строгим».

Сказав себе «как можно чаще — всякой день», Онегин не мог не понимать, что в глазах дворян (и уездных, и столичных) могло означать его частое и тем более ежедневное гостеванье. Он принял решение, чреватое далеко идущими (и неизбежными) последствиями.

³⁵ Существительное «исправность» в применении к людям совсем вышло из употребления.

Вплоть до исчезновения сословия дворян повторяющиеся (но ни в коем случае не ежедневные) приезды холостого мужчины в дом, где обитает девушка на выданье (и еще не обрученная), расценивались как «серьезные намерения». По истечении определенного срока дворянин был прямо обязан честью сделать предложение.

Отсюда масштаб решения Онегина является экзистенциальным: он примерял к себе возможность сделать предложение Татьяне (через какое-то время, когда частота визитов станет обязывающей).

По характерному для Пушкина сюжетному приему симметрии, Татьяна в Гл. 3, VI, VII, сразу после первой встречи страстно влюбившись в Онегина, также примеривалась к браку с Евгением.

Здесь есть нюанс. Если молодой человек с какого-то времени наезжал в дом, но до обручения дело еще не дошло, то этикет не позволял ему являться «слишком» часто и беседовать с девушкой наедине. Вот почему первоначальное намерение Онегина бывать у соседок «как можно чаще» надо понимать как знаковое поведение. Он мог приезжать так часто, как позволяют приличия («сколько допустимо»). «Часто» — понятие относительное, но одно несомненно: имплицитно, что визиты допустимы не каждый день.

Собственно, этикетную норму назвала сама Татьяна в письме к Онегину: «в неделю раз» (Гл. 3, Письмо Татьяны к Онегину). Даже если приезды в дом, где есть невеста, и не бывали слишком часты, но продолжались определенное время, то уже возникали определенные обязательства. «Вронский на балах явно ухаживал за Кити, танцевал с нею и ездил в дом, стало быть нельзя было сомневаться в серьезности его намерений». Когда же Вронский внезапно исчез, то возникла ситуация дуэли. В доме Щербацких не было мужчин, способных сделать вызов. Поэтому старый князь Щербацкий намеревался сам восстановить поруганную честь: «Законы против таких молодчиков всегда были и есть! Да-с, если бы не было того, чего не должно было быть, я — старик, но я бы поставил его на барьер, этого франта».

Когда же Онегин говорит, что будет наезжать «всякой день», то семиотическая ситуация меняется радикально. Это значит, что Евгений готов немедленно сделать формальное предложение и стать женихом. Ленской ежедневно проводил у Лариных свои вечера, поскольку был — и все об этом знали — обручен с Ольгой. Ежедневные визиты дозволялись т о л ь к о к невесте.

Вот характерная выписка из воспоминаний, связанных с нашумевшей дуэлью Новосильцова и Чернова: «Девушка Чернова действительно была красоты необыкновенной. Через несколько недель после знакомства Новосильцов сделал ей предложение и, получив согласие родителей ее на брак, <...> бывал у них ежедневно и, как жених, даже выезжал в своем экипаже вдвоем с невестой» [Декабристы 1988: 77]; см. также [Лаврентьева 2005: 280]. Только после того, как Новосильцов по всем обычаям обручился, он получил право ежедневных визитов (и другие, иначе невозможные, права)³⁶. Современник пишет: Новосильцов «в обращении с нею (девицей Черновой. — *Е. В.*) находился на той степени сближения, которая допускается только жениху с невестой» [Записка о поединке 1872: 336].

Аналогично и Онегин мог навещать соседок е ж е д н е в н о и говорить с Татьяной наедине только после того, как посватается и будет принят. Иначе говоря, намерения Онегина по отношению к Татьяне сразу же зашли весьма далеко.

Пушкин, конечно, сознавал, что «как можно чаще» и «всякой день» в речи могут быть поняты как простое уточнение, и он принял меры, чтобы исключить синонимиию.

Если бы имелась в виду синонимика (пусть и с возрастанием интенсивности смысла), то поэт поставил бы запятую или не употребил бы (как делал часто) никакого знака препинания. Он, однако, употребил размашистое тире.

³⁶ Речь идет о предполагавшемся браке флигель-адъютанта императора Александра I В. Д. Новосильцова (1800—1825). Сделав предложение, он впоследствии стал уклоняться от свадьбы, чем нанес семье бесчестье. Брат невесты подпоручик (член Северного общества) К. П. Чернов вызвал Новосильцова на дуэль, в итоге которой оба погибли. Происшествие вызвало большое волнение в Петербурге.

Тире в данном случае можно понять по аналогии с другой фразой, где употреблен тот же опорный глагол (рѣшилъ) и поставлен тот же знак тире (см. Приложение 5): «Рѣшилъ — и скоро сталь Евгении / Какъ Ленской»³⁷. Здесь тире сигнализирует о повороте в следовании событий: сначала решил в уме, а затем действительно повел себя таким-то образом.

Точно так же Онегин намеревался сначала наезжать всего лишь «как можно чаще» (чтобы, говоря по-простецки, не более чем поухаживать за Татьяной), а затем пожелал из обожателя сразу перейти в статус жениха и невозбранно видаться и говорить с невестой «всякой день».

В строке (14) «Ведь им досуг, а нам не лень» реализован общеязыковой оборот «дательный + “(не) лень”»; он означает «нам (не) охота». Предстоящие посещения Евгения были для него в радость.

Что касается отложившегося в черновике варианта «Вдове», то он вносит нюанс в понимание душевного мятежа Евгения. В строке (14), наряду с «Вдове», имеются еще два варианта: «Ведь» (дважды) и «Ему». Включение вариантов в полустрочь по отдельности («Ведь им досуг...», «Ему досуг...», «Вдове досуг...») дает в целом три смысла.

Чтобы их интерпретировать, нужно обратиться к топологии черновика.

Вариант «Ведь» (с прописной литерой) был первоначальным; тому две причины: 1) прописная буква говорит, что этой частицей поэт начинал последнюю строку строфы Va; 2) именно «Ведь» не выходит за границы строфы и не нарушает «столбика» (расположения стихов одного под другим). Другой вариант («Ему») следует сразу после зачеркнутого «Ведь». Третий вариант («Вдове») помещен над строкой (14) и выпячивается налево.

Сделанные топологические наблюдения позволяют реконструировать последовательность авторедактирования: написав «Ведь», поэт передумал, зачеркнул «Ведь» и поставил «Ему», зачеркнул это слово, надписав над ним снова «Ведь» и пошел по строке (14) далее: «им досуг, а нам не лень». И этот вариант поэта не устроил, он снова зачеркнул надстрочное «Ведь» и сильно левее его написал «Вдове», забыв зачеркнуть на строке (14) «им».

Подчеркнем, что этот третий вариант «Вдове» (тоже затем зачеркнутый) не приписан, а надписан над строкой (значит, после вымарки и «Ведь», и «Ему»). Поэт в третий раз употребляет прописную букву; значит, строка (14) могла начинаться и со «Вдове».

О том, что «Вдове» — это последний вариант, свидетельствует также изменившийся цвет чернил. Если основной текст строфы написан густыми черными чернилами, то отсроченную правку строфы поэт производил чернилами меньшей интенсивности (разбавленными?). Этими «рыжими» чернилами он написал слова «В уме» (4), «Соседку» (12) и как раз «Вдове» (14).

Впрочем, все эти варианты (включая дважды повторенное «Ведь») были вычеркнуты. Окончательный выбор, видимо, состоялся во время переделки черновика, если таковая была.

Варианты строки (13) выявляют смысловую многослойность. На первом плане здесь — ложная мотивация поступков, которой Евгений во внутреннем диалоге (передав голос скептику) хочет прикрыть свои мысли и намерения. Как Ленской, говоря о привязанности к домашнему кругу, хотел скрыть от Онегина свою любовь, так и Онегин, декларируя мнимое желание скрасить «досуг вдовы», обманывал — на сей раз самого себя.

Он уже капитулировал (о чем будет отчетливо сказано в строфах Vб и Vв), но гордыня все еще не позволяет байронисту себе в этом признаться.

Вариант «Ему досуг» имплицитно, что у Евгения, вопреки его деятельному образу жизни, могло оставаться много праздного времени, поэтому-де он и будет ездить (чтобы «убить время»). Это, конечно, всего лишь еще одна благовидная (ложная) причина.

Вариант «Вдове досуг» — прямое лицемерие. Выходит, что Евгений будет ездить, чтобы скрасить досуг «старушки Лариной». Абсурд! Такова вторая ложная причина.

³⁷ Хотя в БАСС обычно воспроизводится пунктуация черновиков, на сей раз [БАСС: 308] отлично заметное тире опущено. В рукописи же тире выписано размашисто (густыми чернилами и толстым пером; затем употребляются тонкое перо и более светлые чернила).

Строку (14) как точную передачу внутренней речи Онегина можно было бы для ясности закавычить.

Наконец, употребление в «нам не лень» (14) местоимения множественного числа заставляет задуматься. На протяжении строфы, говоря о себе одном, Онегин трижды употребляет местоимения и глаголы единственного числа: «Неужто я в нее влюблен» (8), «Я рад — оно-б мне было славно» (9), «<Себя> <уж> то-то б одолжил» (10). В двух случаях, продолжая говорить только о себе, Евгений употребил множественное число: «Посмотрим» (11) и «нам не лень» (14).

Множественное число в первом случае — привычный оборот, не имплицитный, что участников действия больше одного.

О событиях будущего не говорят «Посмотрю», тогда как сказать «Посмотрим» исключительно о себе — узуально. Ср. выписки из пушкинских произведений: «“Посмотрим” — сказал он [Швабрин] — “сдержишь ли ты свое слово”» («Капитанская дочка», гл. IV); «Альбер. Посмотрим, посмотрим — что будет, то будет» («Сцены из рыцарских времен»)³⁸.

По подсказке узуса реплику «Посмотрим» Онегин определенно отнес к себе единому и не имел в виду кого-либо еще.

В свое время было правильно отмечено, что для диалогов в «Евгении Онегине» характерен «красноречивый мимизм»: «...все действие романа разворачивается мимически — в жестах и движениях» [Слонимский 1963: 336]³⁹.

Соответственно, реплика «Посмотрим», хотя и принадлежит внутренней речи героя, определенно сопряжена с воображаемым жестом, а впрочем, может быть выполненным реально, пусть и в молчании. Такое бывает, когда, размышляя сам с собой, человек в одиночестве исполняет жест. В то же время жест мог остаться во внутренней речи.

Принятие решения русские сопровождают неким «решительным» жестом, — например, резкого взмаха рукой сверху вниз. (Однозначной связи нет, поскольку «махнуть рукой» — жест полисемантический.)

Приняв сначала одно решение, а потом переменяв его на противоположное, подобный (воображаемый?) жест выполнил Ленский:

Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок —
И очутился у соседок. (Гл. 6, XIII).

Ср. также: «Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, *махнул рукой* и решился отступить» («Станционный смотритель»).

Готовность на брак Пушкин однажды назвал «решительным переворотом» в жизни человека (в письме П. В. Нащокину от 10-го января 1836 г.). Соответственно, в строке (11) энергичная фраза «Посмотрим — и тотчас решил» в предполагаемом реальном или воображаемом сопровождении жестом знаменует именно такой «крутой поворот» в жизни Онегина (и поворот сюжета). Не случайно глагол «решил» повторяется в начале строфы Vб («<Решил> — и скоро стал Евгений / Как Ленской»). Здесь употреблением прошедшего времени глагола «стать» (= измениться, перейти из одного состояния в другое) демонстрируется бесповоротность решения: «решил — и сделал».

Итак, «Посмотрим» — узуальное речение. Другое дело «нам не лень» (14). С одной стороны, здесь можно снова усмотреть диктующую роль узуальности. Тогда «нам» предстанет как обобщенно-личное местоимение, не имеющее отношения к реальной множественности:

³⁸ Аналогичные узуальные употребления синонимичных глаголов: «поглядим», «(поживем,) увидим».

³⁹ Этот тезис пополнен материалом в диссертации В. В. Одинцова [Одинцов 1967].

«нашему брату (не лень)». С другой стороны, можно также — и это вероятнее — усмотреть в местоимении «нам» именно реальную множественность.

Говоря о себе одном раньше, Евгений употребил «мне» (9). Что заставило его теперь прибегнуть к «нам»? Затекут (при попытке включить в него и то, что не высказано прямо) правдоподобно подсказывает: «молодой повеса» предполагал навещать соседок не один, а вдвоем — вместе с Ленским. Совместность вытекает из дружеских отношений между ними. Стало быть, «мы» здесь реально означает: «больше одного».

Заканчивая анализ строфы Va, отметим ее высокую содержательную ценность: любовь за одну ночь победила модный байронизм героя романа. В языковом и поэтическом отношении строфа безупречно отделана. Какой же это (по Набокову) «фальшарт»?

Обратимся к наброску Vb.

Если строфа V доведена Пушкиным до печати, то строфа Va, хотя она также отшлифована для пригодности к печати, осталась в черновике. Остались в черновике и два наброска, тематически относящиеся к решению Онегина.

Первый из них («<Решил> — и скоро стал...») был рассмотрен выше, а второй («Ужель Онегин в самом деле / <Влюбился>») можно было бы и не рассматривать специально, поскольку его смысл очевиден. Если уж все-таки ответить на риторический вопрос, то: «Сомнения нет: увы! Евгений / В Татьяну как дитя влюблен» (Гл. 8, XXX).

На факсимиле рукописи видно, что между строфами Vб и Vв имеются три зачеркнутые строки. Они, как упоминалось, по-разному прочитаны Н. В. Перцовым и Я. Л. Левкович.

Не желая принять чью-либо сторону, рассмотрим одну строку по версии Левкович, поскольку она связана с темой любви Онегина. Фраза «Того желать б я был и рад» продолжает линию решимости Онегина, но вносит существенный нюанс: наконец-то герой навсегда оставил байронический скепсис и согласился, что испытываемое им чувство можно себе только пожелать и что оно несет с собой радость.

Часть пушкинистов совокупляет наброски Vб и Vв в одну строфу — второй мыслится как замена первого. Между тем В. В. Набоков присваивает наброскам самостоятельные литературные номера (у него с латинскими буквами) [Набоков 1998: 292—293]⁴⁰ и посредством этой рядопологающей нумерации показывает, что «наброски» не суть взаимоисключающие варианты (в составе одной строфы), а начала двух самостоятельных строф.

В поддержку догадки пушкиниста укажем, что тексты «набросков» в черновике отделены пространством, не пересекаются ни одним словом и по смыслу не повторяют друг друга.

Это наблюдение чрезвычайно важно для постижения замысла поэта.

Тематика строф Vб и Vв обозначена недвусмысленно: влюбленность и (по примеру Ленского) сопряженное с нею жениховство Онегина. Поскольку онегинская строфа всегда насчитывает 14 строк, то это означает, что Пушкин намеревался расширить оба наброска и написать еще два раза по 12 полных строк (3—14) и два раза — по полустроке (3). Таким образом, общим числом недостает 29 строк.

Поскольку строфа V (14 строк) готовит к восприятию «решительной» строфы Va (14 строк), то получается, что тематике влюбленности с первого взгляда Пушкин намеревался посвятить (14 + 14 + 29) 57 строк. Для пространства романа в стихах — очень много.

Теперь о принципе симметрии, характерном для сюжетосложения Пушкина. Описав душевное состояние своего героя, Пушкин, следуя указанному принципу, должен был посвятить мгновенной влюбленности Татьяны примерно столько же места, сколько занимает страсть Евгения.

Это ожидание подтверждается: три строфы, которые примыкают к V и Va—в (а именно: Гл. 3, VI—VIII), состоят из 42 строк. Они передают непосредственное (прозаически сказать: неотсроченное) чувство героини — в ту же ночь после визита, на следующий день. В этих трех строфах еще не видно, что Онегин так и не появился у Лариных.

⁴⁰ Поскольку у нас предпочитается кириллица, то уже в разделе статьи «Предварительные замечания» первому наброску мы присвоили номер «с буки» — Vб, а второму «с веди» — Vв.

В строфе VI содержится отчетливый намек, что окружающие заметили и правильно оценили впечатление, которое Татьяна произвела на Евгения. Времени для наблюдений было достаточно — целый день («В деревне день есть цепь обеда» (Гл. 3, III/9)⁴¹). Пушкин отдельно упоминает, что Онегина разглядывали-«примечали» (Гл. 2, XII/11) сбежавшиеся для этой цели дворовые девушки⁴². Благородные участники обеда также не сидели с закрытыми глазами.

Напротив, в той же строфе сказано, что и «на всех» Онегин произвел «большое впечатление». Причем такое, которое сразу же им всем позволило «Татьяне прочить жениха» (Гл. 3, VI/8). Татьяна также не на пустом месте принялась мечтать об Онегине и стала примерять к себе замужество с ним: она «с неизъяснимою отрадой / Невольно думала о том» (Гл. 3, VII/3—4).

Впрочем, начиная со строфы IX, наступает разочарование: вместо свиданий с возлюбленным Татьяна принуждена довольствоваться чтением любовных книг. Действительно, в строфах IX—X предмет описания меняется: им становится любовь Татьяны на протяжении уже длительного времени. Поэт приводит длинный список авторов и персонажей: героиня после встречи с Евгением прочитала немало книг. По протекшему времени уже ясно, что Онегин не повторил своего визита.

Не дождавшись, Татьяна «шепчет наизусть / Письмо для милого героя» (X). При всей интенсивности чувства оно перешло, так сказать, в привычный период.

Таким образом, если любви с первого взгляда Онегина посвящены 59 строк, то мгновенной любви Татьяны — 42 строки. Характерная пушкинская симметрия, как сказано, соблюдена.

Строфа IX косвенно показывает, что сюжет переменялся: теперь речь пойдет не о взаимной, а о безответной любви.

Пушкин, вопреки принципу не убирать противоречий, в данном случае вопиющее противоречие устранил — отказался от строфы Va и не стал дописывать строф Vб и Vв.

Все вышеизложенные наблюдения (в разделах статьи 2—7), любопытные сами по себе, сделаны, однако, ради общей догадки о перемене сюжета романа. Надо их теперь совокупить.

8. Признаки изменения сюжета «Евгения Онегина»

Набоков посчитал, что литературные строфы Va—в свидетельствуют о том, что вплоть до их написания в голове Пушкина содержался «традиционный сюжет»⁴³. Затем он, надо думать, переменялся на «нетрадиционный». Термины касаются генезиса феномена, но о его сути ничего не сообщают.

Набоков не разъяснил, какой именно сюжет он имеет в виду. Скорее всего, ученый намекал на романтический шаблон, когда герой и героиня с первого взгляда влюбляются друг в друга и затем, сохраняя верность, преодолевают всяческие препятствия.

Собственно, именно такой сюжет «традиционного романа» Пушкин однажды (как отступление) описал в качестве расхожего, типичного. Описание пародийно, а пародия всегда содержит отсылку к фоновым знаниям читательской аудитории; отсюда пародия может служить источником положительных сведений.

По словам поэта, «роман на старый лад», отвечая ожиданиям публики, должен содержать «любви пленительные сны», «речи неги страстной», «условленные встречи», «тайные злодейства», «несчастной ревности мученья», «ссоры» между любящими, «разлуку», «слезы примиренья», но под конец романист обязан подвести героев «под венец» (Гл. 3, XIII—XIV).

⁴¹ Строфа III ныне публикуется в объеме строк (1—8), а показываемая в современных изданиях отточиями строка (9) выписана из черновика.

⁴² См. сноску 16.

⁴³ «Традиционным» названо то, что воспринято человеком извне и повторено им.

О том, что публика, прочитав первые главы «Онегина», ожидала именно такого сюжетного развития, свидетельствует Е. А. Баратынский (в письме Пушкину от конца февраля — начала марта 1828 г.): «Вышли у нас еще две песни “Онегина”. Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят и все читают. Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает. Ищут романической завязки, ищут обыкновенного и, разумеется, не находят».

Роман писался долго: по подсчетам самого Пушкина, ушло «7 ле<т> 4 ме<сяца> 17 д<ней>» [БАСС: 532]. Между написанием отдельных глав бывали паузы. «Менялся автор, менялся читатель, менялась эпоха», и эти «внешние обстоятельства» не могли не сказаться на «первоначальном замысле Пушкина» [Лотман 1988: 32—33].

В чем состоял этот замысел изначально, не известно, потому что план романа, если и был, не сохранился⁴⁴. Да и был ли «первоначальный замысел»? Ср. категорическое суждение: «...Надо совершенно отбросить предположение о том, что определенного замысла вообще не было» [Дьяконов 1982: 78]. Между тем повод, чтобы предполагать отсутствие точного замысла в начале написания, дал сам поэт (Гл. 8, L). Кроме того, П. А. Вяземский⁴⁵, знавший всю подноготную Пушкина, свидетельствует, что «поэт не имел первоначально преднамеренного плана. Он писал “Онегина” под вдохновениями минуты и под наитием впечатлений, следовавших одно за другим». В целом, конечно, надо согласиться: в «Евгении Онегине» несомненно присутствие сюжетных поворотов такого рода, которые называются *impromptu*.

Каковы были эти изменчивые замыслы, высказывалось немало суждений, основанных на фактах: начиная от перемен в определении жанра будущей книги (сначала «поэма в главах» и сатира, потом «роман в стихах» и бытописание) и переименований главной героини (Ольга — Наташа — Татьяна) вплоть (по воспоминаниям М. В. Юзефовича) до гибели Онегина на Кавказе или прихода к декабристам. Ясно, что сюжета с декабристами хронологически не могло быть в первоначальном замысле. Кроме того, надо принять во внимание, что Пушкин, однажды поставив точку, позже по настоянию друзей взвешивал возможность продолжения романа.

Факты фактами, но бытовали и легенды о неустойчивости замысла. Они недостоверны, но полезны для постижения «ауры» романа того периода, когда еще не были дописаны последние главы. С одной стороны, Пушкин якобы намеревался заставить Онегина увести Татьяну от мужа⁴⁶; с другой стороны, он якобы, напротив, хотел «устроить» Татьяну через ее счастливый брак с «генерал-адъютантом»⁴⁷ и т. д.

Сюжет романа (кажется, по самосвидетельству) претерпевал изменения вопреки воле поэта: «Представь, какую штуку “удрала” со мной Татьяна: выскочила замуж»⁴⁸. Даже если такие слова и не были сказаны, их следовало бы выдумать.

⁴⁴ В целом же поэт, как правило, записывал планы своих произведений, иногда даже отдельных стихотворений.

⁴⁵ В комментарии к статье А. Мицкевича «Биографическое и литературное известие о Пушкине».

⁴⁶ Об этом писал Л. Н. Павлищев (племянник Пушкина по матери). Его мать, Ольга Сергеевна, вышла замуж «кубегом» и обвенчалась тайно. Когда Пушкин узнал об этом событии, то он якобы сказал сестре: «Ты мне испортила моего Онегина: он должен был увести Татьяну, а теперь <...> этого не сделает». Банальный сюжет, когда герой тайно увозит героиню, присутствует у самого Пушкина и входит в традиционные романтические представления; см. [Вересаев 1984].

⁴⁷ Тот же П. А. Вяземский и в той же публикации привел следующую легенду: «Одна умная женщина, княгиня Голицына, урожденная графиня Шувалова, <...> царствовавшая в петербургских и заграничных салонах, сердечно привязалась к Татьяне. Однажды спросила она Пушкина: “Что думаете вы сделать с Татьяною? Умоляю вас, устройте хорошенько участь ее”. “Будьте покойны, княгиня”, отвечал он, смеясь, “выдам ее замуж за генерал-адъютанта”. “Вот и прекрасно”, сказала княгиня. “Благодарю”»; см. [Вересаев 1984].

⁴⁸ Афоризм слышал и записал со слов Толстого Г. А. Русанов во время пребывания в Ясной Поляне (24—25 августа 1883 г.). При этом Толстой якобы ссылался на свидетельство Е. Н. Мещерской.

Уже упоминалось, что читатели по крайней мере первых трех глав ожидали от Пушкина романтического сюжета. Читательские ожидания эпохи, как всегда бывает, «самодержавно» диктуют автору сюжет, даже если он и не отдает себе в этом отчета. Между тем в 1820—1830-е гг. развязок романтических приключений было не так много: либо счастливый брак героев, либо смерть одного из них [Дьяконов 1982: 85]. Так, у типичного представителя романтизма Е. А. Баратынского в поэмах «Эда» и «Бал» погибают обе героини, а в поэме «Цыганка» гибнет романтический герой (и т. д.).

Присоединяясь к Б. В. Томашевскому⁴⁹, И. М. Дьяконов заключает, что первоначально Пушкин не был готов «порвать с композиционными канонами, соблюдавшимися его современниками» [Там же].

Как бы то ни было, если допустить, что Пушкин какое-то время держался сюжета о первоначальной взаимной любви Татьяны и Онегина, то этот замысел, как и любую другую догадку, нельзя исключать. Более того, этот замысел как романтический вероятен.

Научная литература (отечественная и зарубежная), прямо или косвенно посвященная движению сюжета «Евгения Онегина», необозрима. В то же время, кажется, в ней (за исключением статьи С. Г. Бочарова) не нашлось интерпретационного анализа строф V и Va—v.

Между тем именно сюжет взаимной любви владел Пушкиным долгое время — до того, как Евгений разочаровал Татьяну, заставив ее погрузиться в чтение (т. е. до строфы (Гл. 3, IX)). Вероятно, постепенно романтический сюжет взаимной любви с первого взгляда показался поэту слишком банальным.

Таким образом, наши разыскания, смеем думать, позволяют по-новому взглянуть не только на смыслы конкретных четырех строф, но и на поиски Пушкиным сюжетов в «Евгении Онегине».

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»⁵⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- БАСС — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 1—16. Т. 6: «Евгений Онегин». М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949 (= «Большое академическое собрание сочинений»). [Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 1—16. T. 6: «Evgenii Onegin»* [The complete works. Vol. 1—16. Vol. 6: «Eugene Onegin»]. Moscow; Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1937—1949.]
- Берков 1962 — Берков П. Н. «Смелый властелин» или «смелая сатира»? (К текстологии строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина») // Русская литература. 1962. № 1. С. 60—63. [Berkov P. N. «Brave king» or «brave satire»? (Towards the textology of Stanza XVIII, Chapter I of «Eugene Onegin»). *Russkaya literatura*. 1962. No. 1. Pp. 60—63.]
- Бочаров 1986 — Бочаров С. Г. Проблема реального и возможного сюжета («Евгений Онегин») // Генезис художественного произведения. Материалы советско-французского colloquiuma. М. (напеч. на множ. аппарате), 1986. С. 143—155. [Bocharov S. G. A problem of the real and possible plot («Eugene Onegin»). *Genezis khudozhestvennogo proizvedeniya. Materialy sovetsko-frantsuzskogo kollokviuma*. Moscow, 1986. Pp. 143—155.]
- Бочаров 1999 — Бочаров С. Г. О возможном сюжете: «Евгений Онегин» // Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 17—46. [Bocharov S. G. About the possible plot: «Eugene Onegin». Bocharov S. G. *Syuzhety russkoi literatury*. Moscow: Jazyki Russkoj Kul'tury, 1999. Pp. 17—46.]
- Бродский 1950 — Бродский Н. Л. «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. М.: Учпедгиз, 1950. [Brodskij I. A. «Evgenii Onegin». *Roman A. S. Pushkina* [Brodsky N. L. Eugene Onegin. A. S. Pushkin's novel]. Moscow: Uchpedgiz, 1950.]

Поскольку свидетельство единично, возможно, что перед нами легенда. Как бы то ни было, писатель применил афоризм к себе: «То же самое и я могу сказать про Анну Каренину» [Толстой 1955: 231—232].

⁴⁹ Ученый пишет, что в 1823 г. Пушкин «не освободился еще в полной мере от романтического сознания» [Томашевский 1961: 94].

⁵⁰ Пушкин, см. выше сн. 4.

- Вайль 1991 — Вайль П. Л. Вместо «Онегина» // Интернет-ресурс <http://www.litra.ru/critique/get/crid/00389591266351754679/>. [Vail' P. L. *Vmesto «Onegina»* [Instead of «Onegin»]. Available at: <http://www.litra.ru/critique/get/crid/00389591266351754679/>.]
- Вересаев 1984 — Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Московский рабочий, 1984. [Veresaev V. V. *Pushkin v zhizni. Sistematicheskii svod podlinnykh svidetel'stv sovremennikov* [Pushkin in his life. A systematic collection of authentic evidence of contemporaries]. Moscow: Moskovskii Rabochii, 1984.]
- Верещагин 2013 — Верещагин Е. М. Современная библеистика в общедоступном изложении. М.: Лада, 2013. [Vereščagin E. M. *Sovremennaya bibleistika v obshchedostupnom izlozhenii* [Modern Bible studies in popular presentation]. Moscow: Lada, 2013.]
- Верещагин, Костомаров 2000а — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Рече-поведенческое исследование притчи Пушкина о блудной дочери // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 90—117. [Vereščagin E. M., Kostomarov V. G. A speech — behavioristic study of Pushkin's parable on the prodigal daughter. *Voprosy Jazykoznanija*. 2000. No. 2. Pp. 90—117.]
- Верещагин, Костомаров 2000б — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Хранитель и Творец русского языка и культуры. Опыт применения методик исчисления смыслов к произведениям А. С. Пушкина. М.: Икар, 2000. [Vereščagin E. M., Kostomarov V. G. *Khranitel' i Tvorets russkogo yazyka i kul'tury. Opyt primeneniya metodik ischisleniya smyslov k proizvedeniyam A. S. Pushkina* [A Guardian and Creator of the Russian language and culture. Application of sense calculus methods to the works of A. S. Pushkin]. Moscow: Ikar, 2000.]
- Верещагин, Костомаров 2000в — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: сингулярные рече-поведенческие тактики. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2000. [Vereščagin E. M., Kostomarov V. G. *V poiskakh novykh putei razvitiya lingvostranovedeniya: singulyarnye reche-povedencheskie taktyki* [Looking for new trends of culture-oriented linguistics: singular speech behavior tactics]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2000.]
- Верещагин, Костомаров 2005 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. [Vereščagin E. M., Kostomarov V. G. *Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and culture. Three conceptions of culture-oriented linguistics: lexical background, speech behavior tactics and sapienteme]. Moscow: Indrik, 2005.]
- Гофман 1922 — Гофман М. Л. Пропущенные строфы «Евгения Онегина». П.: Атней, 1922. [Gofman M. L. *Propushchennye strofy «Evgeniya Onegina»* [Omitted stanzas of «Eugene Onegin»]. Petrograd: Atenei, 1922.]
- Дашкевич 1907 — Дашкевич Н. [П.] Отголоски увлечения Байроном: разочарование, грезы о свободе вне цивилизованного общества и сомнения в поэзии Пушкина // Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин. Т. II. Ч. 2. СПб.: Издание Брокгауз-Ефрон, 1907. С. 425—450. [Dashkevich N. [P.] Echos of fascination with Byron: disappointment, dreams about freedom out of civilized society and doubts about Pushkin poetry. *Biblioteka velikikh pisatelei pod redaktsiei S. A. Vengerova. Pushkin*. Vol. II. Pt. 2. St. Petersburg: Brokgauz & Efron, 1907. Pp. 425—450.]
- Декабристы 1988 — Декабристы в воспоминаниях современников. Сб. статей / Сост., общ. ред., вступит. ст. и комм. В. А. Федорова. М.: Издательство МГУ, 1988. [Dekabristy v vospominaniyakh sovremennikov. *Sb. statei* [The Decembrists in memoirs of the contemporaries. A collection of articles]. V. A. Fedorov (comp., ed., introd. and comments). Moscow: Moscow State Univ., 1988.]
- Дьяконов 1982 — Дьяконов И. М. Об истории замысла «Евгения Онегина» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 10. Л.: Наука, 1982. С. 70—105. [D'yakonov I. M. About the history of «Eugene Onegin» conception. *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Vol. 10. Leningrad: Nauka, 1982. Pp. 70—105.]
- Жирмунский 1978 — Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1978. [Zhirmunskii V. M. *Bairon i Pushkin* [Byron and Pushkin]. Leningrad: Nauka, 1978.]
- Записка о поединке 1872 — Записка о поединке Новосильцова с Черновым. (Составлена в сентябре 1825 г.) // Деятельный век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. Кн. 1. М., 1872. [A report of the duel of Novosil'tsov and Chernov. (Prepared in September 1825). *Devyatnadsatyi vek. Istoricheskii sbornik, izdavaemyi Petrom Bartevym*. Book 1. Moscow, 1872.]
- Лаврентьева 2005 — Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства Пушкинской поры. Этикет. М.: Молодая гвардия, 2005. [Lavrent'eva E. V. *Povsednevnyaya zhizn' dvoryanstva Pushkinskoi pory. Etiket* [Everyday life of Pushkin's time nobility. Etiquette]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2005.]

- Левичева 2001 — Левичева Т. И. Письма А. С. Пушкина Южного периода (1820—1824). Проблемы текстологии. М.: Наука, 2001. [Levicheva T. I. *Pis'ma A. S. Pushkina Yuzhnogo perioda (1820—1824). Problemy tekstologii* [A. S. Pushkin's letters of the Southern period. Problems of textology]. Moscow: Nauka, 2001.]
- Левкович 1995 — Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 834 (история заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 15. СПб.: Наука, 1995. С. 201—234. [Levkovich Ya. L. Pushkin's workbook PD, No. 834 (history of filling in). *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Vol. 15. St. Petersburg.: Nauka, 1995. Pp. 201—234.]
- Лосев 2006 — Лосев Л. В. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. [Losev L. V. *Iosif Brodskii. Opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky. An attempt of literary biography]. M.: Molodaya Gvardiya, 2006.]
- Лотман 1988 — Лотман Ю. М. Принцип противоречий // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. С. 32—49. [Lotman Yu. M. A principle of contradiction. Lotman Yu. M. *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin, Lermontov, Gogol'. Kniga dlya uchitelya*. Moscow: Prosveshchenie, 1988. Pp. 32—49.]
- Набоков 1998 — Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПБ, Набоковский фонд, 1998. [Nabokov V. V. *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina «Evgenii Onegin»* [A commentary to «Eugene Onegin» novel by A. S. Pushkin]. St. Petersburg.: Iskustvo-SPB, Nabokov's Fund, 1998.]
- Одинцов 1967 — Одинцов В. В. Диалог у Пушкина. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т русского языка АН СССР, 1967. [Odintsov V. V. *Dialog u Pushkina*. Kand. diss. [Dialogue in Pushkin's texts. Cand. diss.]. Moscow: Russian Language Insitute, Acad. of Sciences of the USSR, 1967.]
- Перцов 2015 — Перцов Н. В. Об аутентичном факсимильно-транскрипционном представлении рукописей русских классиков // Филологические науки. 2015. № 1. С. 75—94. [Pertsov N. V. On authentic facsimile-transcriptional representation of manuscripts of Russian classical writers. *Filologicheskie nauki*. 2015. No. 1. Pp. 75—94.]
- Рабочие тетради 1996 — А. С. Пушкин. Рабочие тетради. Факсимильное воспроизведение. В 8 т. Т. 4: Рабочая тетрадь 1822—1824 гг. (Первая мasonicкая) ПД 834; Рабочая тетрадь 1824—1827 гг. (Вторая мasonicкая) ПД 835; Рабочая тетрадь 1824—1827 гг. (Третья мasonicкая) ПД 836. СПб.; Лондон: без указания издательства, 1996. [A. S. Pushkin. *Rabochie tetradi. Faksimil'noe vosproizvedenie* [Workbooks. Facsimile reproduction]. In 8 vol. Vol. 4: *Rabochaya tetrad' 1822—1824 gg. (Pervaya masonskaya)* [Workbook 1822—1824 (The First Masonic)] PD 834; *Rabochaya tetrad' 1824—1827 gg. (Vtoraya masonskaya)* [Workbook 1824—1827 (The Second Masonic)] PD 835; *Rabochaya tetrad' 1824—1827 gg. (Tret'ya masonskaya)* [Workbook 1824—1827 (The Third Masonic)] PD 836. St. Petersburg; London: sine nomine, 1996.]
- Слонимский 1963 — Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М.: Художественная литература, 1963. [Slonimskii A. L. *Masterstvo Pushkina* [Pushkin's mastery]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1963.]
- Тархов 1978 — Тархов А. [Е.] Комментарий // А. С. Пушкин. Евгений Онегин. М.: Художественная литература, 1978. С. 199—299. [Tarkhov A. [E.] *Commentary. A. S. Pushkin. Evgenii Onegin*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1978. Pp. 199—299.]
- Толстой 1955 — Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1955. [L. N. Tolstoi v vospominaniyakh sovremennikov [L. N. Tolstoi in memoirs of the contemporaries]: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1955.]
- Томашевский 1961 — Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 2. Материалы к монографии (1824—1837). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. [Tomashevskii B. V. *Pushkin. Kn. 2. Materialy k monografii (1824—1837)* [Pushkin. Book 2. Materials for the monograph. Moscow; Leningrad: Acad. of Sciences of the USSR, 1961.]
- Фомичев 2004 — Фомичев С. А. «...Глаза над буквами скользят...» (К проблеме пушкинской текстологии) // «...Он видит Новгород Великой»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». Великий Новгород, 31 мая — 4 июня 2004 г. СПб.; Новгород (без изд-ва), 2004. [Fomichev S. A. «...Glaza nad bukvami skol'zyat...». The problem of Pushkin textology revisited. «...On vidit Novgorod Velikoi»: *Materialy VII Mezhdunarodnoi pushkinskoi konferentsii «Pushkin i mirovaya kul'tura»*. Velikii Novgorod, May 31 — June 4, 2004. St. Petersburg; Novgorod (sine nomine), 2004.]

**КОЧУЮЩАЯ НОРМА,
ИЛИ МИКРОДИАХРОНИЧЕСКИЕ ПОХОЖДЕНИЯ
СЛОВА *ихний* В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ
И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ***

© 2015 г.

**Екатерина Роландовна Добрушина^а,
Дмитрий Владимирович Сичинава^{б, в, г, д}**

^а Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), Москва, 115184, Россия; ^б Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия; ^в Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия; ^д mitrius@gmail.com

В статье на материале Национального корпуса русского языка (в том числе параллельных корпусов в его составе) анализируется история функционирования изменяемого притяжательного прилагательного 3-го лица мн. ч. в восточнославянских языках. В течение XIX—XXI вв. слово *ихний* конкурировало с неизменяемым местоимением *их*. В русском языке форма *ихний* долго колебалась на грани нормы, в некоторые периоды (особенно в конце XIX — первой половине XX в.) употреблялась довольно активно, но тем не менее так и не была принята как литературная и сейчас воспринимается как знак «неграмотной» речи. Напротив, в литературный украинский язык прилагательное постепенно вошло как единственное нормативное, вытеснив неизменяемое местоимение. В современном белорусском языке прилагательное используется очень широко, по-видимому, нормативно не только для разговорной речи, но и для художественной и публицистической, но более редко в научных текстах и не всегда принимается в качестве нормативного в грамматиках и словарях.

Ключевые слова: притяжательные местоимения, русский язык, белорусский язык, украинский язык, восточнославянские языки, языковая норма, корпусная лингвистика

**A DRIFTING NORM, OR MICRODIACHRONIC
ADVENTURES OF THE WORD *ixnij* ‘their’
IN RUSSIAN, UKRANIAN AND BELORUSSIAN**

Ekaterina R. Dobrushina^а, Dmitri V. Sitchinava^{б, в, г, д}

^а St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, Moscow, 115184, Russia; ^б Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia; ^в National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia; ^д mitrius@gmail.com

The inflected possessive form of the type of Russian *ixnij*, its rise and variation across the East Slavic dialects and languages are analyzed. Whereas this form has been long fluctuated on the verge of Standard Russian and nevertheless has not been accepted as normative, it has been successfully adopted into Standard Ukrainian (superseding the older *jix* form) and widely used in Belarusian, although reluctantly accepted in grammars and dictionaries.

Keywords: possessive pronouns, Russian language, Belarusian language, Ukrainian language, East Slavic languages, standard language, corpus linguistics

* Исследование выполнено в рамках проекта описания русской корпусной грамматики «Русграм» (<http://rusgram.ru>), и авторы выражают благодарность поддерживающему его фонду РФНФ (Russian Foundation for Humanities), проект № 14-04-00264. Авторы благодарят анонимного рецензента «Вопросов языкознания» за ценные замечания и дополнения.

Притяжательное местоимение 3-го лица в восточнославянских языках имеет более позднее происхождение, чем местоимения 1-го и 2-го лица, и поэтому заимствовано из парадигмы личных местоимений. В результате в этих языках не существует специальных форм притяжательных местоимений 3-го лица, хотя остальные лица имеют изменяемые по родам, падежам и числу отдельные формы (ср. русск. *мой, наш* и др.). Для обозначения принадлежности 3-го лица используются неизменяемые формы, происходящие из род. п.: русск. *его, ее, их*. В работе [Волк 2014] показано, что по синтаксическим свойствам эти формы ведут себя не как генитивные зависимые, а как остальные притяжательные местоимения. Таким образом, синтаксические свойства класса притяжательных местоимений вступают в противоречие с морфологическим обликом этих неизменяемых слов [Там же: 521].

В диалектной речи и просторечии, восполняя этот пробел, активно функционируют адъективные дериваты от формы род. п.: *ейный, евоный* и др. «Адъективная деривация представляет собой своего рода “компенсаторный механизм”, предназначенный для устранения противоречия между синтаксическими и морфологическими свойствами притяжательных местоимений третьего лица и, следовательно, выравнивающий нормальное, системное положение вещей» [Волк 2014: 525]. Однако в литературных стандартных восточнославянских языках местоимения 3-го лица ед. ч. не используются¹ (кроме белорусского *ягоны*, хотя и его функциональность несколько ограничена; см. ниже), и из всех подобных новообразований только формы мн. ч. типа *ихний* составляют некоторого рода конкуренцию неизменяемой форме типа *их*. Сложной истории успешных и безуспешных попыток проникновения местоименного прилагательного *ихний* (и его соответствий, а также наречий-дериватов типа *по-ихнему*) в литературные русский, украинский и белорусский языки посвящено данное исследование.

1. Русский язык

В современном русском языке единственным нормативным способом выражения притяжательного значения 3-го лица мн. ч. считается форма *их*, а прилагательное *ихний* находится за рамками нормы, хотя в течение трех веков и встречается в литературных текстах. По словам В. С. Волка, «адъективный дериват ЗРЛ несомненно и очень давно значительно сильнее других приблизился к литературному языку» [Волк 2014: 531].

1.1. Начало истории формы *ихний*

В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» самый ранний пример для слова *ихний* («мест. То же, что ихъ») датируется 1690 г. (*стати намъ за ихнею порукою*), тогда как пример притяжательного *ихъ* («В знач. притяж. мест. Принадлежащий им») — шестью веками раньше — 1076 г. [Словарь XI—XVII, 6: 358, 357]. Правда, слово *ихний*, как показывают в том числе и материалы того же Словаря, несомненно, появилось значительно раньше конца XVII в. и существовало еще в XVI в.: в Словаре приводится форма *ихниный*, датированная 1574 г. [Там же: 358]. *Их-и-ин-ый* — прозрачный вторичный адъективный дериват от *ихний*, а значит, в языке уже было и производящее слово. В старорусском (среднерусском) подкорпусе НКРЯ представлен пример с *ихний* в тексте 1591—1599 г.: *Что они нам били челом, а сказали, что в прошлом в 94-м году взято у них на нас для Сибирские дороги отцов ихних вотчина городок и остроги* [Жалованная грамота ц. Федора Ивановича Строгановым, с подтверждением 1599 г.].

Местоименные прилагательные, родственные слову *ихний*, в великорусских говорах разнообразны. Сюда входит выстроенная по аналогии парадигма на основании осмысленного как форма муж. р. ед. ч. слова *их*: *их, иха, ихо* [Даль: 66—67; ООВС: 74; СРНГ, 12: 273],

¹ В других славянских языках укажем на адъективный дериват 3-го лица ед. ч. в болгарском: *негов*.

а также формы *ихна*, *ихны* [ПОС: 358] (в статье *ихний*), *ихий* [СРНГ, 12: 273; ООВС: 74] и др. В «Словаре русских народных говоров», как это ни странно, статьи *ихний* или *ихный* вообще отсутствуют: есть только статьи *ихий*, *ихинский*, *иховый*, *ихонный* и лексикализованный фонетический вариант слова *ихний* (*ихный*) — *ифний* (*ифный*), толкуемый как «то же, что *ихий*» [СРНГ, 12: 273]. В НКРЯ представлена, помимо некоторых из уже упомянутых, также форма *ихов* (у Шолохова (1928) [Волк 2014: 530—531]).

География распространения этих адъективных дериватов довольно широка: это и северные, и южные великорусские говоры, и территории позднего заселения (Поволжье, Урал, Сибирь). В словаре Даля есть попытка обозначить территориальное распределение этих форм («сев. *ихный*, *ихной*, вост. *ихий*»).

Также весьма широко представлены в русских диалектах адъективные притяжательные местоимения 3-го лица ед. ч.: *евой*, *евоинский*, *евоинный*, *евон(н)ый*, *евонов(ый)*, *евоинный*; *ее(н)ный*, *ейный*, *ейнин* [СРНГ, 8: 312—314, 325, 333]. Не исключено, что они появились в языке несколько позже, чем формы типа *ихний*; в частности, в исследованных псковских деловых документах XVI—XVII вв. такие формы (типа *егонный* / *явоный*) не отмечены, тогда как неизменяемые притяжательные местоимения 3-го лица встречаются в них часто [Сидоренская 1960]; нет их и в исторических словарях XI—XVII и XVIII вв.

1.2. Широкое распространение форм

Очень важный пример на слово *ихний* (*ихный*) отмечен в «Российской грамматике» А. А. Барсова (1783—1788): «Находящиеся такая притяжательные <местоимения>... в новогородском наречии *ихный*, или *ихний* или *ихней* не приняты в общее употребление» (цит. по: [Словарь XVIII: 176]; составители словаря дают стилистическую помету «прост.»). Здесь констатируется известная распространенность данных форм в живой речи и одновременно дается ограничивающее их употребление нормативная рекомендация.

Один из первых известных нам в художественных текстах примеров относится к 1817 г. и входит в реплику персонажа пьесы А. С. Грибоедова и П. А. Катенина «Студент», слуги из Казани Федьки, речь которого стилизована под подчеркнута простонародную. В 1820-е гг. есть несколько употреблений в деловых документах, например в пересказе военным в официальном донесении речи московского купечества:

- (1) ...*купечество секретно говорят, ежели, Боже сохрани, это случится с Государем Императором какое-нибудь нещастие, то это время ни на кого не посмотрим, сами с фабричными вооружимся и пришедшую для коронации сюда гвардию сами с нею управимся, поотымаем у них все ихнее оружие...* [И. И. Евневич. Московские толки и слухи в донесениях секретного агента отставного майора И. И. Евневича (1825)] (здесь и далее примеры из [НКРЯ]).

С 1830-х гг. употреблений становится все больше, и первый пик использования *ихний* (*ихный*) на графиках частоты, создаваемых сервисом НКРЯ, обнаруживается в 1850-е гг. Конечно, восприятие хронологических данных Национального корпуса как совершенно точных было бы иллюзией, однако общую тенденцию к росту частотности в языке они отражают.

От неизменяемого *их* трудно образовать наречие, входящее в ряд местоименных наречий образа действия: *по-моему*, *по-твоему*, *по-нашему*, *по-вашему* (ср. редкие и контекстуально ограниченные сочетания типа *чтобы все было по его / ее*). Поэтому наречие *по-ихнему*, преимущественно обозначающее «на неродном говорящему языке», по всей видимости, получает широкое распространение в литературном языке раньше прилагательного. Наречие встречается в большем количестве дневниковых и эпистолярных документов, например в авторской речи в кавказском дневнике Н. В. Симановского (1837) и в художественной прозе, в том числе у авторов, не использующих прилагательное, — в частности в «Герое нашего времени» (1839—1841) М. Ю. Лермонтова (все четыре примера — не в авторской речи, а в рассказе Максим Максимыча из повести «Бэла»):

- (2) *Печорин встал, поклонился ей, приложив руку ко лбу и сердцу, и просил меня отвечать ей, я хорошо знаю по-ихнему и перевел его ответ* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839—1841)].

В 30-х гг. словом *ихний* воспользовались А. С. Пушкин (письмо няньки в «Дубровском») и Н. В. Гоголь (реплики Жевакина в «Женитьбе» и Янкеля в «Тарасе Бульбе»), а с 40-х гг. употреблений лексем *ихний* (*ихный*) и *по-ихнему* становится все больше, в том числе в прозе И. И. Панаева, В. А. Соллогуба, затем Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского, Д. В. Григоровича, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, В. Г. Короленко и др. Особенно много этих форм у М. Е. Салтыкова-Щедрина:

- (3) *Возьми, например, хоть то: выдумали теперь какой-то savoir vivre, а разбери ты его как следует, этот ихний savoir vivre, — ан выйдет то же мошенничество!* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Наш savoir vivre (1863—1871)].

Для создания исторического речевого колорита использует это слово, причем в двух вариантах (*ихний* и *ихный*), А. К. Толстой в романе «Князь Серебряный» (1842—1862), действие которого происходит в XVI в. — как мы видели, примерно в это время слово *ихний* и появляется в письменных памятниках (впрочем, неясно, насколько это было известно Толстому).

Писатели широко используют *ихний* в прямой речи персонажей, в частности людей из народа и/или малообразованных, хотя это и не обязательно. Из этого следует, что в народной разговорной речи XIX в. слово *ихний* используется очень широко. Между тем в этом веке обнаруживается еще сравнительно мало примеров, на основе которых можно было бы заключить, что слово было допустимо для писателей в их личной устной или письменной речи, адресованной широкой публике, а не только как речевая характеристика персонажей или разговорное словечко, используемое в частном разговоре или письме. Ср. нередко цитируемое в литературе нормативное высказывание Ф. И. Буслаева: «Притяжательное местоимение *ихный*, столь употребительное в речи разговорной и столь необходимое, еще довольно туго входит в язык книжный» [Буслаев 1959: 118]. Пожалуй, одним из первых примеров такого типа можно считать цитату из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского:

- (4) *И никогда союз России не ценился бы выше, как теперь, в Европе, никогда еще она не могла себя с большою радостью поздравить с тем, что она не старая Европа, а новая, что она сама по себе, свой особый и могучий мир, для которого именно теперь наступил момент вступить в новый и высший фазис своего могущества и более чем когда-нибудь стать независимой от прочих, ихних, роковых вопросов, которыми старая, дряхлая Европа связала себя!* [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя (1877)].

Два десятилетия спустя, на рубеже веков, слово, видимо, стало еще более распространенным, и свидетельства о том, что говорящие на литературном языке используют его, не стесняясь, становятся частыми. Нередко абсолютное употребление слова *ихний* без зависимого существительного, например, с компаративом:

- (5) *Однако наши надежды, что эти молодые люди станут пропагандистами среди остальных работников, положение которых гораздо хуже ихнего, не вполне оправдались* [П. А. Кропоткин. Записки революционера (1902)].
- (6) *Огромные края Малороссии, Грузии и Сибири сами пристали к нам, поняв будущую силу России и невозможность держаться самостоятельно. Литва и Польша за свои многочисленные напоры на нашу страну заплатились покорением и разделом, потому что русский реализм выше и крепче ихних от латынщины наваянных начал* [Д. И. Менделеев. Заветные мысли (1903—1905)].

Фразеологизмы *ихний брат* (50 употреблений в НКРЯ) и *ихняя сестра* (30 употреблений) используются заметно чаще, чем аналогичные с неизменяемым местоимением.

Однако еще несколько десятилетий спустя советская лингвистическая традиция объявляет форму *ихний* ненормативной: в словарях [СУ; Ожегов, Шведова 1998; МАС] форма

дается как просторечная, в [БАС] как разговорная, в академических грамматиках не упоминается вовсе (подробнее см. [Добрушина 2013]). В художественных произведениях она остается только маркером речи необразованных героев. В предыдущие века (XVIII—XIX вв.) нормативная оценка этой формы была заметно менее категоричной: и у Барсова, и у Буслаева лишь констатировалось, что эта форма не стала общеупотребительной.

Тем не менее в течение трех первых четвертей XX в., безусловно, есть образованные носители языка, регулярно использующие слово в авторской письменной речи публицистического, мемуарного или эпистолярного типа, в том числе такие писатели, как Л. Н. Андреев, В. Ф. Ходасевич, К. И. Чуковский, А. П. Платонов, Вс. В. Иванов, Ю. М. Даниэль, И. А. Бродский.

Можно предположить, что в период, по крайней мере, до 1970-х гг. строгая норма, уверенно запрещающая адъективные дериваты притяжательных местоимений, противоречит интуиции многих культурных людей. Примерно в конце третьей четверти века — накануне падения железного занавеса — форма оказалась популярна в значении «заграничный», в котором воспринимается как осознанно игровая, мысленно или эксплицитно закавыченная, и, по-видимому, используется в том числе теми, кто рефлексирует ее как ненормативную, например, «оборудовал *“ихней” техникой*» у В. Войновича в «полуавтобиографической» «Иванькиаде» (1976). В этом значении слово активно используется до сих пор, особенно в газетных текстах.

Отметим, что по сравнению с неоднозначным статусом слова *ихний* адъективы от местоимений 3-го лица ед. ч. *егоный* и *ейный* с их вариантами гораздо дольше практически неизменно сохраняли (и в целом сохраняют) функцию «сниженной» речевой характеристики малообразованного персонажа из простонародья (или авторской игры с соответствующей «речевой маской»). Это так начиная с их первых фиксаций в корпусе (в произведениях авторов «натуральной школы» 1840-х гг.; пик моды, кажется, приходится на беллетристику народников 1870—1880-х гг.) вплоть до новейшей прозы начала XXI в. Подробнее об этих формах на материале НКРЯ см. [Волк 2014: 526—530]; автор осторожно предполагает, что в текстах авторов 1970—2000-х гг. увеличивается количество «нейтрально-разговорных» употреблений этих форм. Если это так, то перед нами еще одно свидетельство системного «отставания» этих форм в развитии от форм 3-го лица мн. ч.

1.3. Современное состояние

С конца XX в. слово *ихний* признается недопустимым в литературной речи, просторечным. Сейчас форма в художественных и газетных текстах эксплуатируется как резко отрицательная речевая характеристика: если во второй половине XIX в. *ихний* в устах персонажа — знак разговорной речи, возможно, в рамках литературного языка, то в XXI в. это, безусловно, знак некультурной речи. По словам В. С. Волка (приводящего также ряд других аналогичных примеров), «носители языка воспринимают адъективные дериваты как нечто выбивающееся из стандартного регистра литературного русского языка» [Волк 2014: 523]:

- (7) — *Это кто? — удивилась я. — Подружка ихняя. — Чья? — переспросила я, подавив в себе желание строго сказать: «Слова “ихняя” в русском языке нет, нужно говорить: “Их подруга”*» [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]²

Современные русские носители языка, стремящиеся соблюдать норму, это прилагательное используют только в игровой форме, как бы в мысленных кавычках, чаще в значении

² В этом же тексте Донцова сопровождает полностью аналогичным «нормативным комментарием» и слово *ейный*: «*Как войдете, ейная квартира слева, прямо тут. Вот еще чудесное словечко “ейная”*». *Услышь наш разговор профессор Розенталь, автор канонического учебника по русскому языку, он бы зарыдал от горя*».

«заграничный»; в ненормативной разговорной речи слово возникает нередко. Более подробно об истории слова и его положении в современном русском языке см. в статье [Добрушина 2013].

2. Украинский язык

В современном украинском языке слово *їхній*³ является стандартной нормативной формой притяжательного местоимения 3-го лица мн. ч., однако стандартизация этой формы — сравнительно недавнее явление, связанное с нормотворческой деятельностью XX в. Основным источником текстовых примеров является параллельный украинско-русский корпус НКРЯ (одноязычный корпус Лаборатории компьютерной лингвистики Киевского университета на сайте mova.info пока не позволяет получить статистические данные и выстроить материал по дате создания).

2.1. Начало распространения местоимения *їхній*

Материалы параллельного украинско-русского корпуса НКРЯ показывают, что у авторов 1810—1870-х гг. — И. Котляревского, Г. Квитки-Основьяненко, Т. Шевченко, П. Кулиша, Марко Вовчок, А. Свидницкого, И. Нечуя-Левицкого и других — *їхній* отсутствует, встречается только притяжательное местоимение *їх*. Особенно ярко это видно у двуязычных прозаиков, создававших свои произведения и в русской, и в украинской версиях. Пантелеймон Кулиш в русском (по-видимому, первичном) тексте романа «Черная рада» употребляет наречие *по-їхньому*:

(8 русск.) *А то и подѣлена такъ же, какъ у насъ, на курени, по ихнему на братства, и надъ всякимъ братствомъ выбирается атаманъ* [П. Кулиш. Черная рада, Хроника 1663 года (1846—1857)].

В украинской версии он использует конструкцию со значением ‘у них’:

(8 укр.) *А то і поділена так, як у нас: у нас курені, а в їх братства, і над усім братством обирають атамана* [П. Куліш. Чорна рада (1857—1858)].

Марко Вовчок в рассказе «Свекруха» (1857) использует украинское несклоняемое притяжательное местоимение: *Наша нива коло їх*, а в русском автопереводе прибегает к слову *ихний*: *Наша нива подле ихней была*. И далее переводчики советского времени, переводя на русский язык произведения украинских дореволюционных писателей (И. Франко, П. Мирного, А. Тесленко, Л. Мартовича), подставляют в прямую речь персонажей из простонародья *ихний* вместо *їх* (примеры 9—10). Когда же несколько десятилетий спустя форма появится в украинских текстах, то переводчики будут убирать ее из русского перевода, если сочтут, что нет необходимости демонстрировать простонародность говорящего. Иными словами, в русской языковой традиции советского периода прилагательное *ихний* — это художественный прием, маркер нелитературной речи XIX—XX вв., неважно, русской или украинской, который можно использовать вне зависимости от того, употребляется оно реально в украинском языке или еще нет:

(9 укр.) ... — *видурили у него ґрунт, худоба розтратилася, а нині ось прийшли та й з хати го вивергли, кажуть, що то їх, що вони собі купили* [И. Франко. Борислав сміється (1881)].

(9 русск.) — *Выдурили у него землю, скот пропал, а нынче вот пришли, да и выгнали его из хаты: говорят, что она теперь ихняя, что они ее купили* [И. Франко. Борислав смеется (Е. Мозольков, Б. Турганов, 1940)].

³ У В. С. Волка [Волк 2014: 323] неточно указана форма с твердой основой: *їхний*. В отличие от двух других восточнославянских языков, в украинском этот вариант документирован очень слабо.

- (10 укр.) — *Любить?* — *перепитала Марина і сплюнула. — Отака їх любов!* [П. Мирний. Повія. (1882)].
 (10 русск.) — *Любит?* — *переспросила Марина и плюнула. — Вот какая ихняя любовь!* [П. Мирный. Гулящая (В. Тарсис, Е. Егорова, 1951)].

Слово *їхній*, насколько можно судить по текущему состоянию корпуса, в украинской художественной прозе впервые появляется в единичном примере 1872 г.:

- (11 укр.) (*Хана сокиру*). *Бери оцю сокиру, рубай їхні санки!* [М. Старицкий. Як ковбаса та чарка, то минеться й сварка (1872)].
 (11 русск.) (*Хватает топор.*) *Бери топор, руби их сани!* [М. Старицкий. Где колбаса и чара, там кончается сварка (И. Айзеншток, 1958)].

Затем в произведениях трех писателей (А. Конисского, М. Кропивницкого и П. Мирного — по одному разу в каждом тексте, причем дважды в составе наречия *по-їхньому*) слово появляется одновременно в одном и том же 1882 г. и далее встречается, но очень редко. Регулярно употребляться оно начинает уже писателями следующего поколения в 1890—1900-е гг. — Лесей Украинкой и М. Коцюбинским:

- (12 укр.) *Коли б ви знали, як мені обридли усі лікарі і їхні ліки, — мені про їх і думать бридко.* [Леся Українка. Лист до М. П. Драгоманова, 24 грудня 1889 р. (5 січня 1890 р.)].
 (12 русск.) *Если бы Вы знали, до чего мне надоели все врачи и их лекарства, даже думать о них противно* [Леся Украинка. Письмо М. П. Драгоманову, 24 декабря 1889 г. (5 января 1890 г.) (И. Дорба, 1956)].
 (13 укр.) — *Ти працюєш для їхнього добра, для їхньої користі, а вони тебе в хату не пускають, варвари!..* [М. Коцюбинський. Для загального добра (1895)].
 (13 рус.) — *Ты работаешь им же на пользу, для их же блага, а они тебя и в хату не пускают, варвары!* [М. Коцюбинский. Для общего блага (Е. Нежинцев, 1965)].

Заметим, что западноукраинские писатели 1880—1930-х гг., чьи произведения включены в корпус (И. Франко, Л. Мартович, Марко Черемшина, В. Стефаник), за исключением двух примеров у О. Кобылянской, как кажется, не восприняли эту инновацию, появившуюся у писателей, работавших в Российской империи.

2.2. Нормализация и конкуренция форм

В фундаментальном словаре Б. Д. Гринченко [Гринченко 1908—1909, II: 200] слово *їхній* дается как синоним притяжательного *їх* (не основной вариант) и приводятся примеры из анонимного учебника по природоведению «Де-що про світ Божій» (у Гринченко цитируется по четвертому изданию, которое, по удивительному совпадению, вышло в свет все в том же 1882 г.) и из фольклорных записей И. И. Манжуры, сделанных в Екатеринославской и Харьковской губерниях (изданы в 1890 г.). Авторитетный русско-украинский академический словарь времен украинизации [Кримський 1929] уже дает *їхній* как первый вариант «их, мест. притяж. — *їхній*, (реже) *їх*». В то же время не все нормализаторы поколения 1920—1930х гг. были согласны с такой расстановкой приоритетов. В очень интересной, использующей фактически корпусные методики книге О. Н. Синявского [Синявський 1941: 236] в качестве нормы дается местоимение *їх* со следующим замечанием: «Насчет кое-где употребляемого местоимения *їхній* надо сказать, что это недавнее новообразование: его мы не видим ни в старейших записях народного языка, ни у старейших писателей, например, у Шевченко слова *їхній* совсем нет». То же указывает И. И. Огиенко (митрополит Иларион) в своем имеющем «нормализующий» уклон словаре языка Шевченко: «*їхній*. Этого слова еще нет в языке Шевченко — оно новое. У Шевченко *їх*» [Митрополит Іларіон 1961: 113].

Вместе с тем в том же 1961 г. Т. П. Ломтев констатирует: «Форма *їхній* более употребительна, чем форма *їх*» [Ломтев 1961: 155]. Интересно, что нормативный академический

11-томный Словарь украинского языка дает местоимение *їхній* без ограничительных помет [СУМ, 4: 61], а местоименная функция генитива *їх* в нем вообще не предусмотрена. Притяжательное значение формы *їього* есть в статье *він*, а формы *її* — соответственно, в статье *вона*, в то время как в статье *вони* такого употребления не указано [СУМ, 1: 676, 737]; скорее всего, этот пропуск не случаен. В то же время курс украинской морфологии [СУЛМ 1969: 270] отдает приоритет форме *їх* (с формулировкой «также *їхній*»), а краткая «Украинская грамматика» на русском языке дает *їх* и *їхній* как равноправные варианты (причем *їх* первым) [Украинская грамматика 1986: 78—79]. Возможно, это диктуется не только научными и историческими соображениями (как, например, у Синявского), но и общими идеологическими установками 1930—1980-х гг. на сближение лексики и грамматики украинского языка с русским. В частности, в двухтомном советском украинско-русском словаре 1958 г. слово *їхній*, несмотря на вполне высокий по стилю пример из Леси Украинки, передано как «разг. ихний» [УРС: 297]; неясно, к какому слову — русскому, или украинскому, или же к обоим — относится ограничительная помета.

Украинские писатели этого периода (например, А. Довженко, О. Гончар, Р. Іванчук, В. Мальк) нередко используют притяжательное *їх*, хотя у всех оно конкурирует с *їхній*. Украинские переводчики второй и третьей четвертей XX в. в переводах русской классики меняют неизменяемую форму на изменяемую часто, но не совсем последовательно. Так, в повести А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» притяжательное *їх* встречается пять раз: *сын їх виховувався; почитал їх ничтожество благополучием; старался удовлетворить їх любопытству; золото и серебро блистало на їх робах* и см. пример 14. В переводе на украинский С. Скляренко (середина XX в.) два из этих *їх* сохраняет, а три меняет на *їхній*: *син їхній виховувався; ї вважає їх нікчемність за благо; він старався задовольнити їхню цікавість; золото і срібло блищало на їх робах*, а также:

(14 русск.) *Да и прилично ли, сударья, русской боярыне или боярышне находиться вместе с немцами-табачниками да с їх работниками?* [А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1827)].

(14 укр.) *Та ї чи пристойно, пані, російській боярині чи бояришні бути разом з німцями-тютюнниками та з їхніми робітниками?* [Олександр Пушкін. Арап Петра Великого (С. Скляренко, 1953)].

Из пяти *їх* в «Майская ночь, или Утопленница» Н. В. Гоголя (*подстрекающий їх любопытство; холод и мрак вод їх; низкие їх стены; я какой-нибудь їх брат; тело їх было как будто сваяно из прозрачных облак*) переводчик М. Рьльский два меняет на *їхній* (*їхню цікавість підбурюючи; холод і морок вод їхніх; низькі їх стіни; я їх брат; тіло їх було прозоре, як хмарки*).

Большое влияние на становление современной украинской нормы оказала книга представителя поколения 1920-х гг., проведшего 20 лет в заключении и ссылке, писателя Бориса Антоненко-Давыдовича «Как мы говорим». Ее первое издание, появившееся в 1970 г., подверглось разгромной критике со стороны официальных партийных и научных учреждений, зато в эмиграции, а после перестройки и на Украине она переиздавалась неоднократно и стала распространенным пособием для редакторов. Антоненко-Давыдович указывает, что *їх* встречается иногда в функции притяжательного местоимения (и дает пример из Шевченко), но «теперь в художественной литературе и живой народной речи преимущество отдается притяжательному местоимению *їхній*». Далее он рекомендует придерживаться формы *їхній*, «чтобы избежать лишнего параллелизма» [Антоненко-Давыдович 2010: 159—160].

2.3. Современное состояние

В постсоветский период нормативные рекомендации Антоненко-Давыдовича возобладали: форма *їхній* в значении притяжательного местоимения нередко считается единственно правильной и безусловно господствует в письменных текстах. В русско-украинском словаре [Жайворонок 2006] для русского притяжательного *їх* указано соответствие «*їхній*, реже *їх*».

Ср., например, популярное пособие для журналистов [Волошак 2003: 120]: в колонке «неправильно» указано *їх ватажок* ‘их вожак, предводитель’, в колонке «правильно» — *їхній ватажок*. Отклонения от этого правила в текстах 1990—2000-х гг. единичны и связаны с абстрактными именами ситуаций, где притяжательное местоимение кодирует актанти ситуации (*їх вплив* = *то, як вони впливають*), например:

- (15 укр.) *Обговорюється роль порушень мегакариоцитопоезу при ХМЛ та їх вплив на якість життя пацієнтів* [Український медичний журнал: анотації до статей (2007—2010)].
- (15 русск.) *Обсуждается роль нарушений мегакариоцитопоеза при хронической миелоидной лейкемии и их влияние на качество жизни пациентов* [Украинский медицинский журнал: аннотации к статьям (2007—2010)].
- (16 укр.) *Адже це особливий український етнос — поліщуки, і бездумне їх розселення, розчинення в масі знівельованого вже населення — хіба це не злочин проти України?* [Л. Костенко. Україна як жертва і чинник глобалізації катастроф (2002—2003)].
- (16 русск.) *Ведь это особый украинский этнос — полещуки, и бездумное их расселение, растворение в массе нивелированного уже населения — разве это не преступление против Украины?* [Л. Костенко. Украина как жертва и фактор глобализации катастроф (переводчик не указан)].

3. Белорусский язык

3.1. Местоимение *іхні*

В белорусском языке русскому *ихний* (*ихный*) соответствуют два морфологических варианта: *іхні* и *іхны*. Второй из них редок и считается «областным» [ТСБМ, 2: 565]; по корпусным данным (параллельный русско-белорусский корпус НКРЯ и одноязычный Белорусский N-корпус, <http://bnkorpus.info>), формы с твердой основой последовательно употребляли некоторые авторы, например М. Горецкий. Судя по толкованиям в ТСБМ, формы *іх* и *іхні* равнозначны (‘который принадлежит им’), ограничительных помет нет: можно даже усмотреть легкое предпочтение второй формы в том, что *іх* толкуется через *іхні*, но не наоборот. В параллельном белорусско-русском корпусе НКРЯ местоимение *іхні* употребляется начиная с самых ранних текстов, т. е. со второй половины XIX в., в частности с «Мужицкой правды» К. Калиновского, который все же предпочитает *іх*:

- (16 блр.) *Зямля вольна даецца ўсім мужыкам, бо гэта іхня зямля з дзядоў-прадзедоў, за гэту зямлю ніхто не мае адрабляць паничызны...* [К. Каліноўскі. Мужыцкая праўда. № 7 (1863)].
- (16 русск.) *Земля свободно отдается всем мужикам, потому что это их земля от дедов-прадедов, за эту землю никто не должен отрабатывать барщину...* [К. Калиновский. Мужичья правда. № 7 (перевод по изданию 1988 г.)].

По-видимому, никакой стилистической выделенности, простонародности авторы в этой форме не ощущают; изменяемое местоимение даже трижды появляется в современном переводе Евангелия (весьма высоком по стилю), два из них в постпозиции⁴:

- (17 русск.) *И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса...* [Деяния Апостолов (синодальный перевод) (1816—1862)].
- (17 блр.) *І мы вам дабравесцім пра абяцанне, дадзенае айцам, што Бог выканаў яго для нас, дзяцей іхніх, уваваскрэсіўшы Ісуса...* [Дзеянні Святых Апосталаў (Біблійная камісія Беларускай праваслаўнай царквы, 2010)].

⁴ Строго говоря, это перевод не с русского, а с греческого оригинала (хотя и решения русского Синодального перевода комиссия учитывала); параллельность этой пары текстов здесь несколько условна.

Есть и тексты, где наряду с *ixni* встречается или даже преобладает *ix*. Так, притяжательное *ix* доминирует в произведениях Я. Коласа и И. Шамякина; у В. Быкова и Я. Брыля конкурируют обе формы. В Белорусском N-корпусе в сочетании с мн. ч. сущ. *галава* 'голова' 28 раз употребляется притяжательное *ix* и 23 — *ixni*, в сочетании с сущ. *жыцце* 'жизнь' 117 примеров притяжательного *ix* и 37 — *ixni*. Как видим, для абстрактных существительных сочетаемость с *ix*, как и в современном украинском, выше.

3.2. Притяжательные адъективные местоимения единственного числа

В белорусском литературном языке, в отличие от украинского (и русского), присутствуют с тем или иным статусом также адъективные притяжательные местоимения 3-го лица ед. ч. — *ягоны* и *ейны*. Слово *ягоны* в [ТСБМ 5, 2: 490] помечено как «разговорный» синоним формы *яго*, слово *ейны* — формы *яе* [ТСБМ, 2: 241]. Судя по параллельному корпусу НКРЯ, местоимение *ейны* употребляется очень редко: *ейны* встретилось только два раза, а *ягоны* — 700 раз на полтора миллиона словоупотреблений. В Белорусском N-корпусе диспропорция не столь значительна, но тоже налицо: 2997 примеров на словоформу *ягоны* и 322 примера на словоформу *ейны*. Т. П. Ломтев [Ломтев 1961: 154—155] не упоминает формы *ейны*, впрочем, его формулировка не вполне аккуратна, как если бы *ягоны* могло относиться и к обладателю женского рода («*ягоны брат* и *яго* или *яе брат*»). Местоимение *ягоны* отмечено в корпусе начиная с произведений основоположников белорусской советской прозы Я. Мавра и М. Горецкого. Последний в целом предпочитает притяжательное *яго*; так, одна из его повестей называется *У чым яго крывуда?* (*В чем его обида?*). Местоимение *ягоны*, как и *ixni*, конкурирует с несклоняемой притяжательной формой, причем выбор сильно зависит от предпочтений автора. По Белорусскому N-корпусу для слова *жыцце* соотношение *яго* : *ягоны* — 197 : 83, а для слова *дом* — 40 : 33; предпочтения, вероятно, также связаны с абстрактной и конкретной семантикой.

3.3. Нормативный статус

По Ломтеву [Ломтев 1961: 155], «притяжательные местоимения, обозначающие принадлежность 3-му лицу, в литературном языке употребляются сравнительно редко, в народных говорах они употребляются весьма широко». Согласно [Кривицкий и др. 2008: 149], эти формы «не выходят за сферу художественной литературы, публицистики». Действительно, в составленном В. А. Кошечко корпусе белорусских научных текстов Corpus Albaruthenicum (<http://grid.bntu.by/corpus/>) нет вхождений местоимения *ixni* и только один пример местоимения *ягоны*. Краткая грамматика [Лукашанец 2007: 294] относит все три изменяемых притяжательных местоимения 3-го лица, включая *ixni* (в отличие от ТСБМ, где это касалось только *ягоны* и *ейны*), к употребительным в «разговорной речи». По-видимому, эти и подобные стилистические и ограничительные пометы привели к тому, что слова *ixni* и *ягоны*, несмотря на их высокую частотность в текстах, не включены в словарь морфологического анализатора белорусского языка, разработанный И. В. Совпелем и адаптированный компанией «Яндекс», который в настоящее время используется в параллельных корпусах НКРЯ; таким образом, они пока не получают в корпусе адекватной разметки.

4. Белорусский и украинский: общее

4.1. Соответствия русского *ixний*

На материале параллельного корпуса заметно, что у ряда переводчиков с русского языка на украинский и белорусский слово *ixний* (*ixni*) наделяется той же маркированно просторечной окраской, что и русское *ixний*. Так, в белорусских переводах «Хамелеона» А. П. Чехова (переводчик К. Крапива), «Гранатового браслета» А. И. Куприна (переводчик Л. Соловей),

«Собачьего сердца» М. А. Булгакова (переводчик А. Жук) слово *ixni* выступает только как эквивалент русского просторечного *ихний* в устах персонажей; в других местах данных текстов эти переводчики переводят русское *их* как *ix*. Ту же стратегию выбрал при переводе «Хамелеона» на украинский и А. Хуторян. Заметим, что Кондрат Крапива — не только писатель, но и главный редактор ТСБМ, в котором, как мы видели, никаких ограничительных помет у слова *ixni* нет. Видимо, необходимость передать русскую оппозицию *их / ихний* толкает переводчика к использованию «готовой» украинской или белорусской пары, и сама по себе такая передача может свидетельствовать о семантике соответствующих нерусских форм лишь косвенно.

С другой стороны, Алесь Жук в переводе «Мастера и Маргариты» использует *ixni* и в нейтральном контексте. Сам Булгаков применил *ихний* один раз, фактически закавычив, безусловно, ради передачи стилистически специфической речи придуривающегося Коровьева (см. ниже пример 21), а в переводе Алеся Жука форма *ixni* появляется еще пять раз там, где у М. А. Булгакова неизменяемое *их*, в том числе в частях, посвященных евангельским событиям, написанных более высоким стилем, чем московские:

(18 русск.) *Томление солдат и брань их по адресу разбойников были понятны. Опасения прокуратора насчет беспорядков, которые могли произойти во время казни в ненавидимом им городе Ершалаиме, по счастью, не оправдались* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)].

(18 блр.) *Пакуты салдат і іхнюю лаянку можна было зразумець. Боязь пракуратара, што можна пачацца бунт у час пакарання ў ненавісным горадзе Ершалаіме, на іхчасце, не апраўдалася* [Міхаіл Булгакаў. Майстар і Маргарыта (А. Жук, 1994)].

Разумеется, далеко не все булгаковские притяжательные *их* переводчик превращает в *ixni*, большая часть сохранена, но системы в этом нам усмотреть не удалось; вот любопытный пример, в котором одно-единственное русское *их*, относящееся к однородным членам, было удвоено и переведено двумя разными способами:

(19 русск.) *Ты не всемогущий бог. Ты черный бог. Проклинаю тебя, бог разбойников, их покровитель и душа!* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)].

(19 блр.) *Ты не ўсемагутны бог. Ты чорны бог. Пракляцце табе, бог бандытаў, іхні абаронца і іх душа!* [Міхаіл Булгакаў. Майстар і Маргарыта (А. Жук, 1994)].

4.2. Восточнославянские и польские адъективные дериваты местоимений

Нормативная кодификация украинских и белорусских адъективных форм притяжательных местоимений 3-го лица противопоставляет эти языки соседним славянским — как русскому, так и польскому. Польское местоимение *ichni* употребляется редко, имеет позднее происхождение и носит такой же просторечный и ненормативный характер, как и в современном русском. Ср. примеры на *ichni* из параллельного корпуса НКРЯ:

(20 польск.) — *Kacerze zowią się husyci, a bierze się to od ichniego proroka Husa, nie zaś od gęsiów* [Andrzej Sapkowski. Narrenturm (2002)].

(20 русск.) — *Еретики зовутся гуситами, а берется это от ихного пророка Гуса, а вовсе не от каких ни гусей* [Анджей Сапковский. Башня шутов, переводчик Е. Вайсброт].

(21 русск.) *Зато развязный клетчатый сам отрекомендовался финдиректору, назвав себя «ихний помощник»* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)].

(21 польск.) *Za to nonszalancki kraciasty sam się dyrektorowi przedstawił jako «ichni asystent»*. [Michał Bułhakow. Mistrz i Małgorzata, переводчики I. Lewandowska, W. Dąbrowski].

Польское влияние гипотетически можно усмотреть разве что для притяжательных прилагательных (местоимений) с суффиксом *-sk-*; впрочем, не исключено и общее с польским восточнославянское развитие. В польском отмечен с XV в. [Brückner 1957: 205] ряд форм

на *-ski: mojski, twojski, jegojski, naski, waski, swojski* [Rospond 1979: 223], из него частотным в современном языке является только последнее. Соответствующие восточнославянские формы характеризуются определенной идиоматизацией значения. В белорусской грамматике [Лукашанец 2007: 294] отмечено также устаревшее и диалектное местоимение *наскі* ‘наш’, употребляющееся в языке художественной литературы. В параллельном корпусе НКРЯ встретилось четыре примера этого слова — все в прямой речи, трижды у М. Горького (переведено как *наиенский*) и один раз в выполненном М. Стрельцовым переводе «Буранного полустанка» Ч. Айтматова (*не наскія ідэі* в соответствии с *чуждые идеи* в оригинале). Местоимение *наський* (в [Гринченко 1908—1909, II: 526]: «наш, нам принадлежащий, а не иностранный»; в [СУМ, 5: 210]: «разг. то же, что *наш*») дважды отмечено в украинско-русском параллельном корпусе — в романе XIX в. А. Свидницкого (*на насъке, а не на московське* ‘по-нашему, а не по-русски’) и в современной критической статье (переведено как *доморощенный*). Белорусское *свойскі* ‘приятельский; домашний (о животных)’ и укр. *свійський* ‘привычный; домашний (о животных)’ [Гринченко 1908—1909, IV: 108; СУМ, 9: 84], как и русск. *свойский*, связаны с сильной идиоматизацией и описываются в словарях как прилагательные. Русские просторечные (и тоже в некоторой степени идиоматизированные) лексемы *наш-ен-ский, ваш-ен-ский* являются результатом несколько иного словообразовательного развития.

5. Ихний в восточнославянских языках: подводя итоги

Итак, корпусный анализ показывает, что в русском языке слово *ихний* в XIX в. было весьма распространено в речи носителей литературной нормы, а со второй половины века через художественную литературу попало в письменные тексты, активно использовалось в них и, по-видимому, было на грани вхождения в нормативный язык. Во второй четверти XX в. кодифицирующими словарями и справочниками слово было признано ненормативным и, благодаря нормализаторским усилиям советской лингвистической традиции, к концу третьей четверти XX в. стало восприниматься как просторечное. В XXI в. слово стало общеизвестным маркером неграмотной речи, но, несмотря на это, регулярно используется в речи культурных людей или в рамках языковой игры, в мысленных кавычках, или со смещенным, непрямым значением.

Так и не увенчавшееся нормативным закреплением распространение формы *ихний* в русском литературном языке XIX — начала XX в. вкуче со стремлением избежать неоднозначности несклоняемых форм и гармонизировать синтаксис с морфологией (ср. аргументацию Антоненко-Давыдовича), вероятно, дало толчок для кодификации адъективных местоимений в литературных украинском и белорусском языках. В украинском литературном языке *їхній* появилось позже, чем в русском, но постепенно вытеснило форму *їх*, превратилось фактически в единственный нормативный вариант. В современном белорусском *іхні* хоть часто и характеризуется в лингвистической литературе как разговорное, широко и, по-видимому, без стилистической окраски употребляется и в письменных текстах, по крайней мере в художественных и публицистических.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антоненко-Давидович 2010 — Антоненко-Давидович Б. Д. Як ми говоримо. Київ: Книга, 2010. [Antonenko-Davydovych B. D. *Jak my govorymo* [How we speak]. Kyev: Knyga, 2010.]
 БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М., 1948—1965. [*Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [A dictionary of modern standard Russian]. Vol. 1—17. Moscow, 1948—1965.]
 Буслаев 1959 — Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. [Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Russian historical grammar]. Moscow: Uchpedgiz, 1959.]

- Волк 2014 — Волк В. С. Синтаксис притяжательных местоимений и адъективная деривация // *Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований*. Т. X. Ч. 2. СПб.: Наука, 2014. С. 510—533. [Volk V. S. Syntax of possessive pronouns and adjective derivation. *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*. Vol. X. Part 2. St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 510—533.]
- Волошак 2003 — Волошак М. Неправильно — правильно: довідник з українського слововживання. Київ: Провіта, Українська видавнича спілка, 2003. [Voloshhak M. *Nepravyl'no — pravyl'no: dovidnyk z ukrai'ns'kogo slovovzhyvannja* [Correctly — incorrectly: a handbook of Ukrainian word usage]. Kyev: Prosvita, Ukrai'ns'ka Vydavnycha Spilka, 2003.]
- Гринченко 1908—1909 — Гринченко Б. Д. Словарь украинської мови. Т. I—IV. Київ: Киевская старина. 1908—1909. [Grynchenko B. D. *Slovar' ukrai'ns'koi' movy* [A dictionary of the Ukrainian language]. Vol. I—IV. Kyev: Kyevs'kaja Staryna, 1908—1909.]
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. 2-е изд. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1881. [Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Vol. II. 2nd ed. St. Petersburg; Moscow: M. O. Vol'f, 1881.]
- Добрушина 2013 — Добрушина Е. Р. Норма-кодификация против нормы-интуиции, или Двести лет вместе с «ихний» // *Русский язык в научном освещении*. 2013. № 2 (26). С. 181—204. [Dobrushina E. R. Codified norm vs. intuitive norm, or two centuries with ikhni. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2013. No. 2 (26). Pp. 181—204.]
- Жайворонок 2006 — Жайворонок В. В. (ред.). Російсько-український словник. Київ: Абрис, 2006. [Zhajvoronok V. V. (ed.). *Rosijs'ko-ukrai'ns'kyj slovnyk* [A Russian-Ukrainian dictionary]. Kyev: Abrys, 2006.]
- Кривицкий и др. 2008 — Кривицкий А. А., Михневич А. Е., Подлужный А. И. Белорусский язык: для говорящих по-русски. Минск: Высшая школа, 2008. [Krivitskii A. A., Mikhnevich A. E., Podluzhnyi A. I. *Belorusskii yazyk: dlya govoryashchikh po-russki* [The Belorussian language: for Russian-speaking people]. Minsk: Vysheishaya Shkola, 2008.]
- Кримський 1929 — Кримський А. Ю. (ред.). Російсько-український словник. Т. 2. Вип. 1 (З—К). Київ: ДВУ, 1929. [Kryms'kyj A. Ju. (ed.). *Rosijs'ko-ukrai'ns'kyj slovnyk* [A Russian-Ukrainian dictionary]. Vol. 2. No. 1 (Z—K). Kyev: DVU, 1929.]
- Ломтев 1961 — Ломтев Т. П. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. М.: Высшая школа, 1961. [Lomtev T. P. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika vostochnoslavjanskikh yazykov* [A comparative-historical grammar of East Slavic languages]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1961.]
- Лукашанец 2007 — Лукашанец А. А. (ред.). Кароткая граматыка беларускай мовы: фаналогія, марфаналогія, марфалогія. Минск: Беларуская навука, 2007. [Lukashanec A. A. (ed.). *Karotkaja gramatyka belaruskaj movy: fanalogija, marfanalogija, marfalogija* [A short grammar of the Belorussian language: phonology, morphonology, morphology]. Minsk: Belaruskaja Navuka, 2007.]
- МАС — Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1981—1984. [Slovar' russkogo yazyka [The dictionary of the Russian language]. Evgen'eva A. P. (ed.). Vol. 1—4. Moscow, 1981—1984.]
- Митрополит Іларіон 1961 — Митрополит Іларіон. Граматично-стилістичний словник Шевченкової мови. Вінніпег: Інститут Дослідів Волині, 1961. [Mytropolyt Ilarion. *Gramatychno-stylistychnyj slovnyk Shevchenkovoï movy* [The grammar-stylistic dictionary of Shevchenko's language]. Vinnipeg: Instytut Doslidiv Volyni, 1961.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Ожегов, Шведова 1998 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4е изд. М., 1998. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The defining dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow, 1998.]
- ООВС — Опыт областного великорусского словаря. СПб.: Академия наук, 1852. [Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya [Great Russian regional dictionary]. St. Petersburg: Academy of Sciences, 1852.]
- ПОС — Псковский областной словарь. Вып. 13. СПб.: СПбГУ, 2003. [Pskovskii oblastnoi slovar' [Pskov regional dictionary]. No. 13. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ, 2003.]
- Сидоренская 1960 — Сидоренская И. Д. Некоторые наблюдения над словообразованием неличных местоимений в псковских говорах // Доклады на конференции по региональной лексикографии, 29—31 марта 1960 г. в г. Псков. С. 9—16. [Sidorenskaya I. D. A study of non-personal pronouns derivation in Pskov dialects. *Doklady na konferentsii po regional'noi leksikografii 29—31 marta 1960 g. v g. Pskov* [Reports of the Conference on regional lexicography, March 29—31, 1960 in Pskov]. Pp. 9—16.]

- Синявський 1941 — Синявський О. Н. Норми української літературної мови. 2-е изд. Львів: Українське Видавництво, 1941. [Synjavs'kyj O. N. *Normy ukrai'ns'koi' literaturnoi' movy* [Norms of the standard Ukrainian language]. L'viv: Ukrai'ns'ke Vydavnytstvo, 1941.]
- Словарь XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 6. М.: Наука, 1979. [*Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.* [A dictionary of the XI—XVII centuries Russian language]. Vol. 6. Moscow: Nauka, 1979.]
- Словарь XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Т. 9. СПб.: Наука, 1997 [*Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [A dictionary of the XVIII century Russian language]. Vol. 9. St. Petersburg: Nauka, 1997.]
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 8, 12. Л.: Наука, 1977. [*Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A dictionary of Russian folk dialects]. No. 8, 12. Leningrad: Nauka, 1977.]
- СУ — Толковый словарь русского языка. Т. 1—4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. [*Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka* [The defining dictionary of the Russian language]. Ushakov D. N. (ed.). Vol. 1—4. Moscow, 1935—1940.]
- СУМ — Словник української мови. Т. 1. Київ: Наукова думка, 1970; Т. 4. 1973; Т. 5. 1974; Т. 9. 1978. [*Slovyk ukrai'ns'koi' movy* [A dictionary of the Ukrainian language]. Kyev: Naukova Dumka. Vol. 1. 1970; Vol. 4. 1973; Vol. 5. 1974; Vol. 9. 1978.]
- СУЛМ 1969 — Сучасна українська літературна мова. Морфологія. Київ: Наукова думка, 1969. [*Suchasna ukrai'ns'ka literaturna mova. Morfologija* [Modern Standard Ukrainian. Morphology]. Kyev: Naukova Dumka, 1969.]
- ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 2. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1978, Т. 5. Кн. 2. 1984. [*Tlumachal'y slownik belaruskaj movy.* [An explanatory dictionary of the Belorussian language]. Minsk: Belaruskaja Saveckaja Jencyklapedyja. Vol. 2. 1978; Vol. 5. Book 2. 1984.]
- Українська грамматика 1986 — Украинская грамматика. Київ: Наукова думка, 1986. [*Ukrainskaya grammatika* [Ukrainian grammar]. Kiev: Naukova Dumka, 1986.]
- УРС — Українсько-російський словник. Т. 2. Київ: АН УРСР, 1958. [*Ukrai'ns'ko-rosijs'kyj slovnyk* [A Ukrainian-Russian dictionary]. Vol. 2. Kyev: The Ukrainian Academy of Sciences, 1958.]
- Brückner 1957 — Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza powszechna, 1957.
- Rospond 1979 — Rospond S. *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa: PWN, 1979.

Статья поступила в редакцию 21.08.2014.

ПОКАЗАТЕЛЬ *to* КАК СРЕДСТВО АКЦЕНТУАЦИИ
ИМПЛИКАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ
(на примере союза *если... то*)*

© 2015 г. Ольга Евгеньевна Пекелис

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Россия
opekelis@gmail.com

В статье предпринята попытка описать и объяснить условия употребления компонента *to* в составе двойных союзов в русском языке. В фокус рассмотрения помещен условный союз *если... то*, однако и прочие союзы, совместимые с *то* (*когда... то, раз... то, поскольку... то, пока... то* и др.), учтены предлагаемым описанием. Демонстрируется, что специфическая функция *то* состоит в акцентуации имплицативного отношения, выражаемого союзом. Такая точка зрения позволяет объяснить условия конкуренции двойного союза *если... то* с одиночным *если*, состав союзов, сочетающихся с *то*, и соотносительную частотность вариантов с *то* и без *то* для разных союзов.

Ключевые слова: двойной союз, коррелятив, союз *если... то*, условное придаточное, сочинение, подчинение

THE MARKER *to* AS A MEANS FOR HIGHLIGHTING
IMPLICATIVE RELATIONS
(case study of *если... то* 'if... then' conjunction)

Olga E. Pekelis

Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russia
opekelis@gmail.com

In this paper we are concerned with factors underlying the use of the correlative element *to* that appears in combination with some subordinating conjunctions in Russian. We focus on the distribution of the conditional construction *если... то* ('if... then'), but other conjunctions compatible with *то* (*когда... то, раз... то, пока... то* etc.) are taken into consideration as well. We argue that the function of *то* is to contrastively emphasize the implicative relation expressed by the corresponding subordinating conjunction. The suggested interpretation helps to explain facts concerning the distribution of *если... то*, the range of conjunctions combining with *то* and the comparative frequency of *то* usage with different conjunctions.

Keywords: correlative conjunction, conditionals, coordination, subordination

Введение

Настоящая работа посвящена анализу показателя *то*, выступающего в позиции коррелятивного компонента двойного союза. Наиболее типично соединение *то* с союзом *если*, поэтому конструкция *если... то* — в центре нашего интереса. Однако другие союзы, соединяющие *то* (*поскольку, когда, пока* и т. п.), также не остаются за рамками рассмотрения¹.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №13-06-00179.

¹ Помимо компонента *то*, в близкой коррелятивной функции в русском языке может выступать целый ряд показателей: *так, значит, следовательно* и др. Ср.:

Неоднократно высказывалась мысль, что компонент *то* в составе союза *если... то* более или менее факультативен. В [РГ 1980: § 3011] *то* назван «коррелятом, не имеющим специальной семантической нагрузки». В [Гладкий 1982: 162] говорится, что употребление *то* «может давать только стилистический эффект». В работе [Урысон 2011], содержащей подробнейший семантический анализ союза *если*, принято решение не различать варианты *если* и *если... то*, несмотря на то что компонент *то*, возможно, «выражает некоторую тонкую семантику» [Там же: 14].

В пользу того, что некоторая семантика у *то* в самом деле имеется, говорит существование контекстов, в которых варианты *если* и *если... то* дополнительно распределены, т. е. возможен только какой-то один из вариантов. Внимание к таким контекстам привлечено в работе [Podlesskaja 1997], где рассмотрены некоторые ограничения на употребление *то*. Перечислим эти ограничения (сохраняя оригинальные примеры и оценку примеров).

1. Употребить *то* невозможно в случае, когда вводимое *если* придаточное помещено в сферу действия фокусной частицы, например, *только*. Ср.:

(1) *Только если операцию сделают немедленно, (*то) останется еще какая-то надежда его спасти.*

2. Наличие *то* недопустимо в контексте вводного употребления придаточного. Ср.:

(2) *Если я не ошибаюсь, (*то) нам направо.*

3. *То* нельзя опустить, если препозитивная клауза с *если* представляет собой общее описание некоторой ситуации, а постпозитивная клауза служит для конкретизации некоторого возможного варианта протекания этой ситуации. Ср.:

(3) *Если я поеду в Москву, *(то) завтра.*

4. Наличие *то* обязательно в конструкции с союзом *если*, имеющим сопоставительное, а не условное значение:

(4) *Если в прошлом году в моде были длинные юбки, *(то) этой весной молодые девушки предпочитают мини.*

5. Наличие *то* желательно или даже обязательно в контексте «рамочных» конструкций типа *Что касается X...* Ср.:

(5) *Что касается меня, *²(то) я на конференцию не поеду.*

Данную совокупность фактов предложено объяснять наличием у *то* особой дискурсивной функции, состоящей в том, что *то* маркирует придаточное как тему предложения.

Приведем предлагаемое объяснение для каждого из перечисленных запретов 1—5. Несочетаемость *то* с фокусными частицами обосновывается тем, что фокусная частица наделяет придаточное статусом ремы. Придаточное во вводной функции не употребляется с *то* по аналогичной причине: такое придаточное не имеет статуса темы. *То* в составе конструкций с «конкретизирующей» постпозитивной клаузой и с сопоставительным *если* обязательно потому, что семантика обеих конструкций располагает к тематической роли придаточного. В первом случае придаточное служит для называния общей ситуации, которая далее конкретизируется; во втором случае придаточным задается основа для сопоставления. Наконец, рамочные конструкция типа *Что касается X* способствуют

Поскольку она ребенка не планировала, так и воспитывать его не собирается [И. Свиarenко. Дети людям не игрушка (1997) // «Столица»];

Если «Пежо» замер в потоке, следовательно, что-то случилось [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)].

В настоящей работе никакие коррелятивы, кроме *то*, не рассматриваются.

использованию *то* потому, что основная функция таких конструкций состоит как раз в кодировании темы.

Изложенное описание компонента *то* по ряду причин не кажется исчерпывающим.

Во-первых, сами по себе условия употребления *то* требуют уточнения. Так, не все фокусные частицы препятствуют употреблению *то*, ср. приемлемость сочетания *если... то* с частицей *даже*:

- (6) *Даже если все это шутки — насчет Хаттынаха, то все равно, сегодня уже я на работу не пойду* [В. Шаламов. Колымские рассказы (1954—1961)]².

Вводное употребление придаточного также не всегда исключает наличие *то*, ср.:

- (7) *Если не ошибаюсь, то у ядерного оружия особый статус* [коллективный. ЯОК (2009—2012)].

Во-вторых, предложенное объяснение наблюдаемых фактов оставляет без ответа ряд вопросов. Укажем некоторые моменты, представляющиеся спорными.

Фокусные частицы, вопреки своему традиционному названию, могут вводить не только ремю, но и тему. Как показано в работе [Янко 2001], основная функция таких частиц состоит не в рематизации, а в привнесении семантики контраста; контрастной же бывает и рема, и тема. Ср. (знаком // обозначен контрастный тематический акцент):

- (8) *Петя проиграл, Вася проиграл, и только Ваня// выиграл* (пример из [Янко 2001: 55]).

Но если фокусная частица не обеспечивает придаточному рематического статуса, объяснение указанного выше ограничения 1 на основе трактовки *то* как маркера темы становится неочевидным.

Не кажется убедительным и объяснение ограничения 2. Действительно, вводное придаточное не является прототипической темой. Но чаще всего такое придаточное выступает в роли темы атонической (о понимании термина см. [Там же: 76]), т. е. к теме все же ближе, чем к реме. Ср. стандартность восходящего тематического акцента на вводном придаточном при условии его препозиции:

- (9) *Если не ошибаюсь/, то у ядерного оружия особый статус.*

Непонятно, почему маркер тематического статуса придаточного (если *то* действительно является таковым) несовместим с придаточным — атонической темой.

Наконец, трактовка *то* как тематического маркера не объясняет, почему с *то* не сочетается целый ряд союзов, стандартно употребляющихся в препозиции — ведь последняя ассоциируется как раз с тематическим статусом. Ср. недопустимость *то* при союзе *хотя*:

- (10) *Хотя погода прекрасная, (*то) сестры уже начинают волноваться и глядят неотрывно в море* [А. Кузнецов. Между Гринвичем и Курневкой (2002)].

Цель настоящей работы — предложить системное описание компонента *то*, которое позволило бы пролить свет на сколь можно большее количество фактов его употребления.

Работа состоит из трех разделов. В разделе 1 приведены ограничения, регулирующие возможность употребить *то* совместно с союзом *если*. Выделены четыре случая таких ограничений: *то* обязательно (раздел 1.1), *то* желательно (раздел 1.2), *то* нежелательно (раздел 1.3), *то* невозможно (раздел 1.4). В разделе 2 обозначена предлагаемая трактовка *то*. В порядке обоснования этой трактовки предложено восходящее к ней объяснение ограничений, рассмотренных в разделе 1. Раздел 3 посвящен анализу компонента *то* в сочетании с другими союзами (*поскольку, так как, пока, когда* и т. п.). Показано, что предлагаемое описание *то* адекватно языковым фактам и за пределами союза *если... то*: в частности,

² Примеры с указанием источника здесь и далее, если не сказано иное, заимствованы из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

оно позволяет объяснить, почему одни союзы (*если, поскольку, пока* и др.) сочетаются с *то*, а другие (*хотя, оттого что* и др.) нет.

Уточним два момента.

В типологической литературе неоднократно отмечалась семантико-синтаксическая близость условных конструкций с коррелятивным компонентом к коррелятивным конструкциям с указательным местоимением (ср.: *Кто не работает, тот не ест*); см. [Geis 1985; Bhatt, Pancheva 2006] и др. Русский язык, по-видимому, не является исключением; этимологическая близость компонента *то* к указательному местоимению *тот* уже об этом свидетельствует. Тем не менее, в настоящей работе данная проблематика оставлена за рамками рассмотрения.

Второе уточнение терминологическое. В конструкции с союзом *если... то* мы называем за в и с и м о й клаузу, вводимую компонентом *если* (такая клауза при наличии *то* всегда препозитивна), а г л а в н о й клаузу, содержащую компонент *то*. Аналогичную терминологию мы принимаем и для других двойных союзов с компонентом *то*. Эта терминология предполагает, что вводимую *если* клаузу мы считаем подчиненной клаузе, содержащей *то*. Вообще говоря, такая синтаксическая трактовка двойных союзов не общепринята: в ряде работ (см., например, [Тестелец 2001: 263]) указывается на близость таких союзов к сочинительным. Краткое и частичное обоснование нашего синтаксического подхода представлено в разделе 2.2 (см. Примечание 3). Впрочем, этот подход в работе содержательно не используется, он нужен нам в сугубо терминологических целях.

1. Условия употребления *если... то*

В настоящем разделе изложены только факты употребления *то* в составе союза *если... то*, а вся интерпретация фактов помещена в раздел 2.

1.1. *То* обязательно

Опустить *то* обычно невозможно в эллиптических контекстах: таких, в которых в главной постпозитивной клаузе некоторый фрагмент эллиптирован. Будем различать два вида таких контекстов.

1. В главной клаузе эллиптировано подлежащее; антецедентом эллиптического пробела является подлежащее зависимой клаузы. Ср. невозможность опустить *то* в этом случае³:

- (11) <С идеями не так.> *Если она настоящая, [?](то) подчинит себе все* [Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)]⁴.
- (12) *Если Путник отказывается платить, [?](то) теряет 2 пункта Силы* [М. Пухов. Оживляж на монитор].

В отсутствие эллипсиса наличие *то* не требуется:

- (13) *Если она настоящая, она подчинит себе все.*
- (14) *Если Путник отказывается платить, он теряет 2 пункта Силы.*

2. В главной клаузе эллиптирован фрагмент, соответствующий части придаточного за вычетом союза (этот случай будем далее называть «широким эллипсисом») ⁵. Ср.:

- (15) *Если она полюбит, ^{*}(то) навсегда* (пример из [Урысон 2011: 22]).

³ Данный факт в несколько иной формулировке отмечается в [Апресян, Пекелис 2011].

⁴ Здесь и далее оценка сконструированных и модифицированных корпусных примеров опирается на интуицию автора и на мнение нескольких информантов (в зависимости от примера, от трех до пяти человек).

⁵ Данная формулировка по сути, хотя и не по форме, близка ограничению 3 из списка ограничений, предложенных в [Podlesskaya 1997] (см. список во Введении).

- (16) *Если он вспоминал о ней, *(то) всегда с неприязнью* (пример из [Там же: 41]).

Как и в первом случае, восстановление эллиптированного фрагмента повышает приемлемость варианта без *то* (хотя результат такого восстановления, как часто бывает при эллипсисе, может оказаться мало естественным):

- (17) *Если она полюбит, она полюбит навсегда.*
 (18) [?]*Если он вспоминал о ней, он вспоминал всегда с неприязнью.*

Рассмотрим поведение *если... то* в двух указанных контекстах подробнее.

Прежде всего покажем, что запрет на опущение *то* в отсутствие в главной клаузе выраженного подлежащего вступает в силу именно в тех условиях, которые сформулированы выше: при эллипсисе подлежащего (но не при его отсутствии по другим причинам) и при условии, что антецедентом пробела выступает подлежащее зависимой клаузы.

В самом деле, запрет на опущение *то*, как правило, не касается конструкций, в которых отсутствует кореферентная связь между невыраженным подлежащим главной клаузы и подлежащим придаточного (независимо от того, можно ли говорить об эллипсисе). Так, в (19а, б) главная клауза представляет собой безличную конструкцию; в (20а, б) — неопределенноличную; соответственно, нет ни эллипсиса, ни кореферентной связи двух субъектов:

- (19) а. *Если это не удастся, следует накачанную камеру опустить в воду* [Руководство по эксплуатации велосипеда (1978)].
 б. *А если убеждения не помогут, придется принять более решительные меры* [И. Сталин. Речь на Первом Всесоюзном совещании стахановцев (1935) // «Правда»].
 (20) а. *Если он не понимает, готовят официальную ноту, в которой указывают срок на сборы — в норвежском случае — «до конца недели», но может быть, и «в 24 часа»* [Н. Леонов, Н. Геворкян. Кому мешают русские шпионы // «Коммерсантъ-Власть» (1998)].
 б. *Но, если возникает критическая ситуация, действуют согласно инструкциям по жестким циклограммам, заранее расписанным и отработанным на Земле* [В. Лебедев. А нужны ли мы Марсу? // «Наука и жизнь» (2007)].

Обратим внимание на то, что, если предложения (20а) и (20б) модифицировать таким образом, чтобы невыраженное подлежащее главной клаузы оказалось кореферентно выраженному подлежащему зависимой, потребность в *то* возрастет:

- (21) *Если они не удовлетворены предлагаемыми условиями, [?](то) готовят официальную ноту.*
 (22) *Если они попадают в критическую ситуацию, [?](то) действуют согласно инструкциям.*

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Опущение *то* в контексте типа (21) как будто приемлемо в специальных условиях синтаксического параллелизма⁶, ср.:

- (23) *Если дипломаты удовлетворены предлагаемыми условиями, [?](то) идут на мировую, а если они не удовлетворены — готовят специальную ноту.*

Здесь сочинены два сложных предложения с союзом *если*, с синтаксической и коммуникативной точек зрения устроенные симметрично. Как видим, в этом случае опущение *то* во втором сочиненном предложении более приемлемо, чем вне конструкции с параллелизмом (ср. (23) и (21)). Примечательно, однако, что опущение *то* в первом сочиненном предложении все равно остается сомнительным.

В следующем примере имеются основания усматривать эллипсис подлежащего в главной клаузе, однако кореферентности с подлежащим зависимой клаузы нет — антецедентом невыраженного подлежащего выступает элемент предтекста. Как видно, наличия *то* в этом случае не требуется:

⁶ Благодарим за это наблюдение В. И. Подлесскую.

- (24) *Целимся в универ. Если не потянем, хочет тогда с колледжа начать, а потом доучиваться* [Наши дети: Подростки (2004)].

Наконец, показательное поведение *то* в таких предложениях, в которых позицию кореферентных субъектов двух клауз занимает местоимение *это* — запрет на опущение *то* в этом случае особенно жесткий. Ср.:

- (25) *Однако если это произойдет, *(то) коснется прежде всего туристов, вылетающих в Европу* [Московский транзит (2002) // «Турифо»].
 (26) *«Если это окажется правдой, *(то) будет действительно экстраординарным событием», — заявил Джон Эллис (John Ellis), теоретик из ЦЕРНа* [П. Котляр. Скорость света — не предел // «Детали мира» (2011)].

Дело в том, что субъектное *это* имеет здесь ситуативный антецедент, а в этом случае оно, как правило, не может подвергаться эллипсису. Ср. допустимость эллиптического сокращения субъекта *он* в (27а) и невозможность такого сокращения субъекта *это* в (27б):

- (27) а. — *Почему ребенок плачет?* — (Он) *хочет есть.*
 б. — *Это оказалось правдой?* — Нет, **(это) оказалось выдумкой.*

Тем не менее, за счет наличия компонента *то* даже и такой, в общем случае невозможный, эллипсис субъектного *это* становится допустимым (ср. (25), (26)).

Итак, необходимость в наличии *то* регулируется предложенной выше формулировкой: опущение *то* сомнительно, если в главной клаузе эллиптировано подлежащее, а антецедентом эллиптического пробела выступает подлежащее зависимой клаузы⁷. Однако в рамках этой формулировки указанная закономерность требует следующего уточнения: запрет несколько строже при эллипсисе подлежащего 3 лица, чем подлежащего 1 лица. Ср. примеры (11), (12) выше, где эллиптировано как раз подлежащее 3 лица, а также следующие группы примеров — в (28), с подлежащим 3 лица, опущение *то* сомнительно, тогда как в (29), с подлежащим 1 лица, такое опущение приемлемо.

3 л и ц о:

- (28) а. *<Хотя здесь существует один опасный момент:> если они привыкнут жить на всем готовом, ?(то) потеряют способность к выживанию* [Э. Савкина. «Хотелось бы посмотреть вживую на Била Гейтса» (2002) // «Дело» (Самара)].
 б. *Если Генпрокуратура будет последовательной, ?(то) заведет дело и против РФФИ* [Создается Госсовет-2 // «Коммерсантъ-Daily» (2003)].
 в. *<Хуже, что не указан номер МАГАТЭшного документа, то есть,> если читатель захочет отыскать публикацию агентства, ?(то) будет вынужден разгадывать ребус* [коллективный. ОЯТ. Облученное ядерное топливо (2010)].

1 л и ц о:

- (29) а. *<Никогда не знаешь, какая дорога в жизни твоя, и> если я упущу этот шанс, ^{OK}(то) буду жалеть* [А. Рудницкая, Джеймс Кук. Почему аборигены не съели Кука // «Русский репортер» (2008)].
 б. *Меня рано называть художником, но если я буду заниматься этой специальностью, ^{OK}(то) постараюсь проявить себя как художник* [И. Грекова. Дамский мастер (1963)].
 в. *Если я буду хорошо учиться, ^{OK}(то) смогу стать таким же знаменитым, как Потапов* [Г. Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)].

⁷ Данной формулировкой не учитываются разграничения синтаксического эллипсиса и нулевого анафорического местоимения (так называемого «малого pro»). Аргументы в пользу того, что запрет на опущение *то* касается собственно эллиптических контекстов, см. в разделе 2.2.

Сказанное не означает, что при подлежащем 1 лица опущение *то* всегда возможно, ср. сомнительность опущения в следующем примере:

- (30) *Если я останюсь, [?](то) замерзну, а это вызовет еще большие подозрения в обществе моржей!* [С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен (1998)].

И наоборот, в контексте подлежащего 3 лица отсутствие *то* может быть не только допустимо, но и желательно, ср. следующее предложение:

- (31) *Если гости собрались, (^{??}то) подумают, что уехал или еще там чего, и все по домам разойдутся* [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь» (2001)].

Дело в том, что допустимость *то* в обсуждаемом эллиптическом контексте определяется не только эллипсисом, но и другими факторами, в частности, семантическими: *то* в составе *если... то* вносит в предложение особую семантику (см. об этом раздел 2.1), так что на уместность или неуместность *то* может воздействовать, например, лексический состав клауз (см. обсуждение примера (31) в разделе 2.4). Поэтому относительно связи между лицом подлежащего и допустимостью опущения *то* ограничимся следующим утверждением: при прочих равных условиях опущение *то* в контексте эллипсиса подлежащего 1 лица часто более приемлемо, чем такое опущение при эллипсисе подлежащего 3 лица⁸. Ср. следующие минимальные пары:

- (32) а. *А если кто болеет, [?](то) лечится в китайском городском госпитале* [Б. Ефимов. Десять десятилетий (2000)].
 б. *А если я болеваю, ^{OK}(то) лечусь в китайском городском госпитале.*
- (33) а. *Меня рано называть художником, но если я буду заниматься этой специальностью, ^{OK}(то) постараюсь проявить себя как художник* [И. Грекова. Дамский мастер (1963)].
 б. *Если он будет заниматься этой специальностью, [?](то) постарается проявить себя как художник.*

Обратимся ко второму типу эллиптического контекста, препятствующего опущению *то* — к «широкому» эллипсису. Следующие примеры иллюстрируют данный тип эллипсиса и запрет на опущение *то*:

- (34) а. *Я решила, что вместе с ним больше не выйду на сцену никогда и если что-то и буду делать, ^{*}(то) только сама* [С. Спивакова. Не всё (2002)].
 б. *Один тракторишко если и выделят, ^{*}(то) — утиль* [Б. Екимов. Пиночет (1999)].
 в. *А если сэр Фрэнсис чем-то интересовался, ^{*}(то) активно* [Е. Свердлов. Гениальность: гены? культура? стохастика? // «Вестник РАН» (2009)].
 г. *Если и переговариваются, ^{*}(то) негромко* [П. Бурмистров. Отель: на сцене и за кулисами // «Русский репортер» (2011)].

В том, что причина запрета на опущение *то* — именно эллипсис, убеждает упомянутое выше наблюдение: восстановление эллипсиса способствует смягчению запрета. Так, при полном или частичном восстановлении эллиптированного фрагмента (в 34 а—г)

⁸ Противопоставлением 1 и 3 лица не исчерпывается зависимость между типом эллиптированного субъекта и возможностью опустить *то*. Во-первых, для форм 1 лица значение имеет еще и категория числа: при субъекте 1 лица единственного числа опущение *то* как будто происходит несколько легче, чем при субъекте 1 лица множественного числа. Ср.:

- (i) *Если мы получим экономический статус, [?](то) сможем привлечь деньги инвесторов на эти цели* [А. Андрущенко. Защищая Чечню (2003) // «Итоги»].
 (ii) *Если я получу экономический статус, ^{OK}(то) смогу привлечь деньги инвесторов на эти цели.*

Во-вторых, прояснения требует статус форм 2 лица с точки зрения возможности опустить *то*. Эти и подобные вопросы остаются за рамками работы.

приемлемость варианта без *то* заметно повышается; остающаяся шероховатость обусловлена, как кажется, лишь самим фактом восстановления эллипсиса:

- (35) а. *Если что-то и буду делать, буду делать только сама.*
 б. *Один тракторишко если и выделят, выделят утиль.*
 в. *А если сэр Фрэнсис чем-то интересовался, он интересовался активно.*
 г. *Если и переговариваются, переговариваются негромко.*

Эллиптический контекст не единственный, требующий наличия *то*. Еще один такой контекст представляет собой конструкция *если не А, то В*, иллюстрируемая следующими примерами:

- (36) а. *Из этого следовало: русская литература приобрела **если не всемирное, *(то) общеевропейское** значение* [В. Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // «Октябрь» (2002)].
 б. *Когда его звали к девяти — знаете? — бушевала она с такой уверенностью, как если бы Ландау был **если не мужем ее, *(то) братом*** [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир»].
 в. *Попав в такое место и услышав разговоры о краденном миллионе, даже сведущий человек, даже уголовный адвокат — **если не испугается, *(то) задумается*** [А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)].

Синтаксическое своеобразие данной конструкции состоит в том, что союз *если... то*, во-первых, употребляется совместно с отрицательной частицей *не* и, во-вторых, соединяет не клаузы, а составляющие меньшего объема (группы прилагательного в (36а), именные группы в (36б), глагольные группы в (36в))⁹.

Семантическое своеобразие конструкции определяется наличием у нее следующей презумпции — назовем ее «**презумпцией неравенства сил**»: «ситуация А является в некотором смысле более сильной, чем ситуация В»¹⁰. Сила ситуации А может проявляться по-разному: например, в том, что ситуация А включает в себя ситуацию В (ср. (36а): всемирное значение предполагает и общеевропейское, но обратное неверно). Или в том, что в наивной картине мира ситуация А престижнее или выигрышнее, чем ситуации В (ср. (36б)). Или в том, что, согласно общепринятым представлениям, для наступления А требуется более мощный стимул, чем для наступления В (ср. (36в)).

1.2. *То* желательно

Под «желательностью» *то* мы имеем в виду два типа случаев: 1) использование *то* обязательно, но «напрашивается»; 2) отсутствие *то* снижает приемлемость предложения, но не превращает его в неграмматичное.

Перечислим контексты, в которых желательно наличие *то* при союзе *если*.

Первый такой контекст иллюстрируют следующие примеры:

- (37) *Если ты «Аппассионату» играешь, **то** с этой музыкой как-нибудь справишься* [Запись LiveJournal (2004)].
 (38) *Если Вася эту задачу решил, **то** Петя уж точно решит.*

⁹ Обязательность компонентов *не* и *то* в этом случае дает основания некоторым авторам считать *если не... то* отдельным союзом, см., например, [Санников 2008: 423].

¹⁰ Под выражениями «ситуация А» и «ситуация В» здесь и далее в связи с данной конструкцией мы понимаем смыслы, образуемые соединением компонентов А и В с соответствующим общим для А и В, но вынесенным за пределы собственно конструкции смысловым компонентом (т. е., например, смыслы «русская литература приобрела всемирное значение» (ситуация А) и «русская литература приобрела общеевропейское значение» (ситуация В) для предложения (36а)).

И в (37), и в (38) *то* можно опустить, однако вариант с *то* кажется предпочтительным.

Основная особенность данной конструкции — наличие у нее следующей презумпции: ‘ситуация А является более труднодостижимой, чем ситуация В’. Так, в (37) подразумевается: ‘сыграть «Аппassionату» труднее, чем эту музыку’. Аналогичная презумпция в (38): ‘добиться того, чтобы эту задачу решил Вася, труднее, чем добиться решения от Пети’. Такая презумпция представляет собой разновидность «презумпции неравенства сил», отмеченной нами выше в связи с сочетаниями типа *если не мужем, то братом* (см. раздел 1.1).

Обратим внимание, однако, что при общности указанной презумпции между двумя конструкциями имеются и существенные различия.

Синтаксическое различие состоит, во-первых, в том, что в примерах типа (37) и (38) не требуется наличия отрицания в первом из соединяемых элементов; во-вторых, союз *если...то* связывает здесь клаузы, а не составляющие меньшего объема.

Семантическое различие состоит в том, что «презумпция неравенства сил» играет не вполне одинаковую роль в семантике двух конструкций. К вопросу о том, какова эта роль и как она связана с потребностью в *то*, мы вернемся в разделе 2.3.

Второй контекст, предрасполагающий к использованию *то* — это контекст контрастивного выделения внутренней части придаточного, т. е. придаточного за вычетом союза. Ср.:

- (39) <Если с ним можно иметь дело, как с человеком, и Лева тоже его посоветует, — возьмем Терещенко.> А если нет, то Борис поедет в Киев и договорится с Дольским [А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975—1977)].
- (40) <Посадочка небольшая, решили мы, обегаем за тридцать минут.> Если действительно есть грибы, то завтра утром отправимся в большой, настоящий лес [В. Солоухин. Третья охота (1967)].
- (41) <Поэтому, поскольку есть биологическая необходимость сохранения вида, человечество не должно погибнуть. <...>> А если все-таки мы все вместе должны спастись, то путь к этому лежит через создание мирового правительства [Вяч. Вс. Иванов. Задачи и перспективы наук о человеке (2007)].

В каждом из примеров (39)—(41) ситуация придаточного А рассматривается на фоне ситуации не-А, т. е. находится в фокусе контраста. Так, в (39) противопоставляются смыслы ‘с ним можно иметь дело’ vs. ‘с ним нельзя иметь дело’; в (40) — смыслы ‘грибы есть’ vs. ‘грибов нет’; в (41) контрастируют смыслы ‘мы должны спастись’ vs. ‘мы не должны спастись’. Как и в предыдущем случае, использование *то* здесь не обязательно (ср. возможность опустить *то* в (39)—(41)), однако, по-видимому, более естественно, чем отсутствие *то*.

К данному типу контекста примыкает конструкция *Если говорить обо мне, то...*, а также семантически близкие (хотя и не содержащие союза *если*) *Что касается меня, то...*, *Что до меня, то...* Ср.¹¹:

- (42) <Конечно, наши волнения относились не только к проблеме радиоактивности, но и к успеху испытания; однако,> если говорить обо мне, то эти заботы отошли на второй план по сравнению с тревогой за людей [Г. Горелик, А. Сахаров. Наука и свобода (2004)].
- (43) *Что касается меня, то очень хотел бы сыграть врача* [Е. Иванова. Оперативник Гармаш дослужился до «Любовника» (2002) // «Финансовая Россия»].
- (44) *Что до меня — то я убежден, что террористов необходимо обнаруживать, разоблачать и карать, но я же не о себе говорю, а о Соне* [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)].

¹¹ В случае, когда конструкция *Если говорить обо мне* не находится в сфере действия контраста, она часто употребляется как вводная. Но если контраст способствует употреблению *то*, то вводность служит, наоборот, препятствием для употребления *то*. Так, в предложении *Но эти заботы, если говорить обо мне, (*то) отошли на второй план* наличие *то* исключено, поскольку придаточное имеет вводную функцию (о чем свидетельствует, в частности, типичная для вводности интерпозиция придаточного). Подробнее об употреблении *то* в контексте вводного придаточного см. раздел 2.5.

Во всех таких случаях внутренняя часть придаточного подвергнута контрастивному выделению (скажем, в (42) *я* противопоставлен *другим* — а именно, мое отношение к «этим заботам» сопоставляется с отношением других). И снова использование *то* оказывается не обязательным, но предпочтительным. Так, в основном корпусе НКРЯ обнаруживается 1 143 вхождения конструкции *что касается..., то* (при контактном расположении элементов) и только 533 вхождения данной конструкции без *то*¹².

Наконец, третий тип контекста, располагающего к использованию *то*, представляет собой особую разновидность так называемого иллокутивного употребления союза *если* — такого употребления, при котором союз связывает не пропозиции двух клауз, а пропозицию одной клаузы с модальным компонентом другой (см. [Падучева 1985: 46]). Ср.:

- (45) <Ежится-то он действительно ежится, и побаивается, но> *если подвести итог, ?(то) буржуа совершенно благоденствует* [Ф. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях (1863)].

Хотя с точки зрения уместности *то* этот тип контекста принадлежит настоящему разделу, мы откладываем его обсуждение до раздела 1.3, посвященного случаям нежелательности *то*. Дело в том, что иллокутивное употребление *если* в общем случае не способствует, а наоборот — препятствует использованию *то*. Контекст же типа (45) представляет собой исключение из правил и потому не может быть рассмотрен раньше самого правила.

1.3. *То* нежелательно

Под «нежелательностью» *то*, по аналогии с «желательностью», мы понимаем случаи двух типов: 1) отсутствие *то* необязательно, но предпочтительно; 2) наличие *то* снижает приемлемость предложения, но не превращает его в неграмматичное.

К известным нам контекстам нежелательности *то* относятся некоторые иллокутивные и близкие к иллокутивным употреблениям союза *если*. Под термином «иллокутивность» понимается достаточно разнородный круг явлений (см. [Санников 2008: 53—66]). Не пытаясь охватить их все, выделим два основных типа иллокутивного употребления, располагающего к отсутствию *то*: 1) вводное употребление придаточного; 2) собственно иллокутивное употребление союза *если*.

1) Вводное употребление придаточного

Вводное употребление придаточного, вводимого союзом *если*, иллюстрируют следующие примеры:

- (46) *Если не ошибаюсь, наибольший интерес в его телевизионных программах вызывает номер с воздушными полетами* [И. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)].
- (47) *Впрочем, если говорить серьезно, для физика такой яркости дарования, как Зельдович, далекий пример не так впечателен, как внутренние мотивы* [Г. Горелик, А. Сахаров. Наука и свобода (2004)].
- (48) *Если верить преданиям, они находились там, где теперь карта рассечена пополам кровавым рубцом — на Сокольнической ветке, где-то за Спортивной* [Д. Глуховский. Метро 2033 (2005)].
- (49) *Если вы помните, в православной и вообще в христианской религии дело обстоит именно так* [Ordinamenti (2004) // «Экран и сцена»].

Поясним, почему данные употребления близки иллокутивным и в чем мы видим признаки их «вводности».

¹² Запросы: «“что” на расстоянии 1 от “касается” на расстоянии 1 от (S|SPRO), асс bсomma на расстоянии 1 от “то”»; «“что” на расстоянии 1 от “касается” на расстоянии 1 от (S|SPRO), асс bсomma на расстоянии 1 от “то”».

В настоящем смысле иллокутивными предложения типа (46)—(49), по-видимому, нельзя назвать потому, что союз не связывает здесь, как в случае типично иллокутивного употребления, пропозицию одной клаузы с иллокутивной модальностью другой. Вместе с тем в (46)—(49) налицо близкое явление: союз соединяет пропозицию зависимой клаузы с некоторым модальным компонентом главной. Так, в (46) подразумевается: ‘если не ошибаюсь, верно, что наибольший интерес...’ (данное употребление союза близко тому, что в англоязычной традиции называют «эпистемическим употреблением», см. [Verstraete 1999]).

Теперь о вводности. Вслед за [Зализняк 1992] мы будем считать, что один из важнейших содержательных признаков вводности состоит в отсутствии у вводной клаузы коммуникативной значимости; последняя проявляет себя, в частности, в неспособности принимать логический (контрастивный) акцент¹³. К числу формальных признаков вводности относится свобода расположения вводной клаузы в предложении, причем интерпозиция для вводного употребления более типична, чем препозиция.

Примеры (46)—(49) обладают обоими названными признаками. Во-первых, придаточное с трудом принимает контрастивный акцент, ср. неестественность такого акцента, скажем, на глаголе *ошибаюсь* в (46)¹⁴. Во-вторых, в каждом из примеров допустима интерпозиция придаточного, причем для придаточного в этом случае особенно характерна типичная для вводности просодия, характеризующаяся аллегровым темпом и снижением интенсивности коммуникативно релевантного акцента:

- (50) *Наибольший интерес в его телевизионных программах, если не ошибаюсь, вызывает номер с воздушными полетами.*
- (51) *Для физика такой яркости дарования, как Зельдович, далекий пример, если говорить серьезно, не так влиятелен, как внутренние мотивы.*
- (52) *Они находились, если верить преданиям, там, где теперь карта рассечена пополам кровавым рубцом — на Сокольнической ветке, где-то за Спортивной.*
- (53) *В православной и вообще в христианской религии, если вы помните, дело обстоит именно так.*

Правда, невводное придаточное также обычно допускает интерпозицию, однако не склонно получать в этом случае указанную просодию. Ср. естественность полноценного коммуникативно релевантного акцента на существительном *магната* в следующем предложении:

- (54) *Впереди молодого человека, если он не сын магната, пустота и безысходность [А. Андреев. Будущее принадлежит нам! (2003) // «Завтра»].*

Итак, в предложениях (46)—(49) имеет место, во-первых, вводное употребление придаточного и, во-вторых, близкое к иллокутивному употребление союза *если*. Покажем теперь, что в данных условиях использование *то* нежелательно.

При начальной позиции придаточного, как в (46)—(49), наличие *то* не полностью исключено, однако исходные варианты без *то* кажутся предпочтительными:

- (55) *Если не ошибаюсь, (то) наибольший интерес в его телевизионных программах вызывает номер с воздушными полетами.*
- (56) *Впрочем, если говорить серьезно, (то) для физика такой яркости дарования, как Зельдович, далекий пример не так влиятелен, как внутренние мотивы.*
- (57) *Если верить преданиям, (то) они находились там, где теперь карта рассечена пополам кровавым рубцом — на Сокольнической ветке, где-то за Спортивной.*
- (58) *Если вы помните, (то) в православной и вообще в христианской религии дело обстоит именно так.*

¹³ В [Зализняк 1992] рассматривается вводное употребление клауз, подчиняющих придаточные изъяснительные (ср.: *Он, я думаю, уже не придет*), однако основные обобщения, как кажется, применимы и к нашему случаю.

¹⁴ В предложении (47) контрастивный акцент на наречии *серьезно* допустим, но в этом случае придаточное осмысливается как не вводное. См. об этом ниже.

Для сравнения, в корпусе для конструкции *если не ошибаюсь* (при ее начальной позиции в предложении) обнаруживается только 13 вхождений с *то* и 232 вхождения — без *то*¹⁵.

При интерпозиции вводного придаточного *то* невозможно вовсе (так что, строго говоря, данный случай относится к разделу 1.4, посвященному несовместимым с *то* контекстам):

- (59) *Наибольший интерес в его телевизионных программах, если не ошибаюсь, (*то) вызывает номер с воздушными полетами.*
- (60) *Для физика такой яркости дарования, как Зельдович, далекий пример, если говорить серьезно, (*то) не так влиятелен, как внутренние мотивы.*
- (61) *Они находились, если верить преданиям, (*то) там, где теперь карта рассечена пополам кровавым рубцом — на Сокольнической ветке, где-то за Спортивной.*
- (62) *В православной и вообще в христианской религии, если вы помните, (*то) дело обстоит именно так.*

Отметим, что при невводном употреблении придаточного структура типа (59)—(62) — с интерпозицией придаточного — для союза *если...то* хотя и весьма нетипична, но не исключена, ср.:

- (63) *Бедные олигархи, обципаные жирные гуси, ободранные на лыко березы, если бы вернуть 99-й год, то, может быть, поддержали бы на президентских выборах Зюганова или направили в президенты Потанина [А. Проханов. Как Ходорковскому пролезть сквозь игольное ушко (2003) // «Завтра»].*
- (64) *Раньше парень, если он не пил, то копил деньжата, голодал и холодал, спал на деревянных нарах, только бы стать самостоятельным хозяином, а теперь ребята не понимают даже, как к этому можно стремиться [Самоуважения стало больше (1930) // «Известия»].*

Тот факт, что запрет на употребление *то* при интерпозиции придаточного жестче, чем такой запрет при препозиции придаточного, согласуется с нашим предположением о связи между этим запретом и вводностью. В самом деле, для вводного придаточного интерпозиция, как выше отмечено, типична; вводность, так сказать, более бесспорна в случае интерпозиции. Этим объясняется бóльшая жесткость запрета.

Нежелательность *то* в указанных «вводно-иллокутивных» контекстах имеет одно регулярное исключение (уже упомянутое выше в разделе 1.2, ср. пример (45)). Исключением служат контексты, в которых соответствующее вводно-иллокутивное придаточное помещено в сферу действия контраста, т. е., по сути, теряет свойство вводности (сохраняя, однако, свойство иллокутивности). Так, в следующих предложениях — хотя, на первый взгляд, они похожи на предложения (46)—(49) — наличие *то* не только возможно, но предпочтительно:

- (65) *<Можно, конечно, списать последние аварии на известную российскую традицию: каждый август в стране случается какая-нибудь гадость — то подлодка затонет, то дефолт грянет, то еще что-нибудь случится. Наверное, это потому, что ответственные люди уходят в отпуск, оставляя на своем месте менее ответственных. А если не уходят, то сидят на работе усталые и невнимательные.> Но **если говорить серьезно**, [?](то) **российская космическая отрасль имеет массу проблем** [Г. Тарасевич. Почему грузовики падают с неба // «Русский репортер» (2011)].*
- (66) *<В силу своего положения мы играем активную публичную роль. Да и законы, которые силами наших фракций принимаются в Думе, есть воплощение партийной политики.> **Если подвести итог**, [?](то) **все решения, которые были приняты на предыдущем совещании Генсовета, продиктованы самой жизнью, а не подковерными интригами, которые в них пытались усмотреть наши оппоненты и недоброжелатели** [А. Градов. «Медведи» залили партийный фундамент (2003) // «Аргументы и факты»].*

¹⁵ Запросы: ««если» first на расстоянии 1 от не на расстоянии 1 от «ошибаюсь» на расстоянии 1 от «то» асomma»; ««если» first на расстоянии 1 от не на расстоянии 1 от «ошибаюсь» на расстоянии 1 от -«то» асomma».

(67) (= (42)) *Конечно, наши волнения относились не только к проблеме радиоактивности, но и к успеху испытания; однако, если говорить обо мне, [?](то) эти заботы отошли на второй план по сравнению с тревогой за людей* [Г. Горелик, А. Сахаров. Наука и свобода (2004)].

Контрастивное прочтение придаточного в примерах (65)—(67) навязывается контекстом. В (65) Говорящий подчеркивает, что теперь собирается «говорить серьезно», потому что до того говорил н е с е р ь е з н о. В (66) для Говорящего существенно, что далее последует резюме, итог, поскольку раньше речь шла о частностях. Наконец, в (67) обсуждается отношение к «этим заботам» Говорящего на фоне отношения других людей, что опять-таки сообщает придаточному контрастивное прочтение (см. также обсуждение этого примера в разделе 1.2).

Отметим, что желательность или нежелательность *то* не зависит непосредственно от лексического состава придаточного: те же самые клаузы, которые в (65)—(67) помещены в контрастивный контекст, вне этого контекста могут функционировать в обычном вводном режиме, и в этом случае наличие *то* снова оказывается нежелательным. Так, в следующем предложении (68) вводимое *если* придаточное совпадает с придаточным в примере (66); но если в (66) предпочтительно наличие *то*, то в (68) предпочтительно, наоборот, отсутствие *то*:

(68) *<А часть из предприятий предлагалось не акционировать, а сделать МУПами. В общем, депутаты на это тоже соглашались.> Если подвести итог, ^(то) благополучному государственному предприятию, имеющему гарантированные рынки сбыта продукции и стабильное экономическое положение, не так-то просто стать частным* [М. Спиричева. Частникам — только рухлядь? (2003) // «Богатей» (Саратов)].

Различие между (66) и (68) видится в том, что в (66) клауза *если подвести итог* имеет большую коммуникативную значимость, чем в (68). В (66) эта клауза маркирует тот факт, что Говорящий завершил перечисление частностей и теперь переходит, так сказать, на новый уровень в структуре текста — на уровень подведения итогов. В (68) же — хотя подведение итогов, очевидно, тоже имеет место — столь явного скачка на новый «уровень» не происходит; следующая за придаточным главная клауза (*благополучному государственному предприятию* <...>) во многом продолжает нить, обозначенную в предтексте. Тем самым, подытоживание не оказывается (или оказывается в меньшей степени) контрастивно сопоставлено с перечислением частностей.

Итак, если обычно вводно-иллокутивное употребление придаточного способствует отсутствию *то*, то в указанном особом классе случаев имеет место обратное: отсутствие *то* нежелательно. Теперь мы можем охарактеризовать данный класс случаев в общем виде. Это контексты, в которых:

- союз *если* связывает не две пропозиции, а пропозицию с модальным компонентом, т. е. его употребление близко к иллокутивному;
- вводимая *если* клауза по своему лексическому составу похожа на вводную (ср. выше *если говорить серьезно, если говорить обо мне, если подвести итог* и т. п.), однако по существу вводной не является, поскольку помещена в сферу действия контраста, с вводностью несовместимого¹⁶.

Тот факт, что именно контекст контраста формирует исключение из общей закономерности, не кажется удивительным. Напомним, что контрастивное выделение придаточного в целом способствует употреблению *то* (см. раздел 1.2).

¹⁶ Отдельный вопрос — чем же обеспечивается лексико-семантическое сходство клаузы с вводной. Или иначе: какие лексико-семантические признаки объединяют прототипические вводные клаузы. По-видимому, один из таких признаков, общих для вводных клауз, состоит в отсутствии особой информативной значимости.

2) Собственно иллокутивное употребление *если*

Собственно иллокутивным мы называем такое употребление союза, при котором союз связывает пропозицию одной клаузы с иллокутивной модальностью другой. Данное употребление союза *если* представлено в следующих примерах:

- (69) *Если ты такой умный, как называется столица Никарагуа?* (пример из [НОСС 2003: 916]).
 (70) *<Александр предупредил меня также, что дважды в неделю ему нужно ходить на репетиции хора, в котором он поет и с которым выступает на концертах. Будет он отлучаться и по другим делам — он баллотируется на должность советника супрефекта в Восточном округе Москвы, а ведь в декабре выборы. — Саши!> Если честно, зачем вам нужен мой ремонт?* [Т. Савельева. Пишите письма (1997) // «Столица»].

Здесь *если* связывает пропозицию придаточного с вопросительной иллокутивной модальностью главной клаузы. Так, в (69) говорится: ‘если ты такой умный, скажи мне: как называется столица Никарагуа?’. Пример (70) уместно интерпретировать аналогичным образом: ‘если говорить начистоту, ответьте мне: зачем вам нужен мой ремонт?’

В этих условиях наличие *то* нежелательно, ср.:

- (71) ²*Если ты такой умный, то как называется столица Никарагуа?*
 (72) ²*Если честно, то зачем вам нужен мой ремонт?*

Отметим, однако, что сомнительность *то* определяется здесь не только самим наличием иллокутивной конструкции, но и двумя дополнительными моментами.

Существенно, во-первых, что иллокутивное прочтение является в (69) и (70) единственно возможным. Неиллокутивная интерпретация исключена потому, что между связываемыми пропозициями (‘ты умный’ и ‘столица Никарагуа имеет такое-то название’, ‘честно’ и ‘вам нужен мой ремонт’) просто нет осмысленной связи, которую мог бы выразить союз. При наличии такой связи структурно аналогичная конструкция может интерпретироваться как неиллокутивная, и компонент *то* становится допустим. Ср.:

- (73) *Если ты такой умный, то почему ты нанимаешься на работу, а не нанимаешь на нее?* [В. Пелвин. Generation «П» (1999)].

Между ‘умом’ и ‘поступлением на работу’ наличествует ясная связь, поэтому (73) допускает неиллокутивное прочтение, при котором придаточное помещено в сферу действия вопросительного оператора: ‘почему, имея ум, ты нанимаешься на работу?’¹⁷.

Второй существенный момент обнаруживается при обращении к иллокутивным конструкциям с императивной, а не вопросительной иллокутивной модальностью. Наличие *то* в них обычно допустимо. Ср.:

- (74) *Если ты такой умный, то распоряжайся, начальник* [Н. Леонов. Лекарство от жизни (2001)].
 (75) *Если ты такой умелый, то старайся и писать правильно!* (Яндекс).

Особенность императивной иллокутивной конструкции — в том, что, как правило, она может быть синонимично перефразирована в виде неимперативной и неиллокутивной конструкции¹⁸. Ср. для (74) и (75) соответственно:

¹⁷ Ср. пример, имеющий аналогичную (73) коммуникативно-синтаксическую структуру и бесспорно неиллокутивный:

Когда и этого не будет, то что произойдет? [К. Леонтьев. Сквозь нашу призму (1880)] — ‘Что произойдет в тот момент, когда не будет и этого?’

В сфере действия вопросительного слова *что*, помещенного в постпозитивную главную клаузу — препозитивное придаточное, вводимое союзом *когда*.

¹⁸ На этом основании в [Санников 2008: 65—66] предложения типа (74), (75) исключены из числа иллокутивных.

- (76) *Если ты такой умный, я разрешаю тебе распоряжаться.*
 (77) *Если ты такой умелый, я прошу тебя стараться писать правильно.*

Вопросительная иллокутивная конструкция аналогичным свойством не обладает: регулярного способа перефразировать семантику вопроса, не используя формального показателя вопросительной модальности (вопросительного слова или частицы, специальной «вопросительной» интонации), по-видимому, не существует.

Два отмеченных момента можно обобщить следующей формулировкой: запрет на употребление *то* в составе собственно иллокутивной конструкции отчетливо проявляется тогда, когда беспорна сама по себе иллокутивная функция союза.

Подведем итог. По крайней мере две разновидности иллокутивного употребления союза *если* препятствуют употреблению *то*: вводное и собственно иллокутивное употребление. В первом случае регулярным исключением служит формально близкая вводной контрастная конструкция, в которой наличие *то*, наоборот, желательно.

1.4. *То невозможно*

Наличие *то* категорически неприемлемо в случае, когда союз *если* входит в сферу действия контрастной частицы *только* [Podlesskaya 1997]. Так, ввести *только* в следующее предложение с *если... то* невозможно (ср. (78а) и (78б)):

- (78) а. *Если соус будет недостаточно острым, то можно добавить красный молотый перец* [Рецепты национальных кухонь: Скандинавская кухня (2000—2005)].
 б. **Только если соус будет недостаточно острым, то можно добавить красный молотый перец.*

Ср. также невозможность ввести *то* в следующий пример с *только если*:

- (79) *<А удовлетворять утонченные гастрономические вкусы ему было просто некогда и не на что. Обычно мы закусывали блинами и бутербродами с колбасой.> Только если получали приглашение на какое-нибудь застолье, (*то) нам перепало что-то поприличнее* [Е. Пашина. «Анекдотам о себе я бы только порадовался» (2002) // «Дело» (Самара)].

В НКРЯ сочетания *если... то* с *только* встречаются, однако *только* в этом случае выступает в другом значении — противительном, близком *но*, и имеет своей сферой действия все сложное предложение, а не только придаточное:

- (80) *Только если цены на бензин (выросшие, к слову, с прошлой зимы на 25—30 процентов) регулирует рынок, то стоимость газа, электроэнергии, кубометра воды и прочих благ устанавливает государство* [ФЭК признала тарифы энергетиков обоснованными (2003) // «Богатей» (Саратов)].
 (81) *Только если я пойду на них, то подставлю спину тем самым печенегам, которых ты уговорил идти к Дунаю ценою собственного глаза* [Б. Васильев. Ольга, королева русов (2002)].

Обратим внимание, что говорить на основании указанного запрета о несочетаемости *то* с контрастивными частицами в целом было бы неверно: как отмечалось во Введении, *то* сочетается с частицей *даже* (см. об этом также в Заключении). Правда, *то* не сочетается с контрастивной частицей *именно*, однако этот запрет вряд ли следует считать свойством союза *если... то*, поскольку и сам союз *если* избегает сочетаний с *именно*. Ср. сомнительность следующего предложения:

- (82) *??Именно если погода будет хорошая, мы пойдем гулять.*

В корпусе обнаруживается лишь пять примеров с сочетанием *именно если*, причем все они представляются, по меньшей мере, нестандартными. Ср.:

- (83) *Именно если наследственностьотягощена — ни капли спиртного!* [А. Москаленко, В. Д. Рылов. Двусторонняя и обоюдоострая // «Знание — сила» (1987)].

Еще один контекст, несовместимый с *то*, заимствован нами из серии работ, посвященных английскому аналогу *если... то* — конструкции *if... then* ([Iatridou 1994: 198; Crnić 2008] и др.)¹⁹. Ср.:

- (84) *Завтра мы обязательно поедем за город. Если будет жарко, поедем.*

- (85) а. *И если холодно будет, (*то) поедем.*
б. *И если холодно будет, (то) тоже поедем.*

В предложении (85а), если оно служит продолжением последовательности предложений (84), компонент *то* недопустим. При этом в (85б), отличающемся от (85а) только наличием слова *тоже*, *то* возможно. Назовем данный тип контекста «перечислительным».

Наконец, третий случай, исключающий наличие *то*, — это уже рассмотренный в разделе 1.3 контекст интерпозиции вводного придаточного.

1.5. Условия употребления *то*: обобщение

Приведенные ограничения на употребление *то* резюмированы в таблице 1. Двум основным столбцам таблицы соответствуют типы контекстов и степень допустимости в них *то* («+» означает, что употребление *то* обязательно; «+/-» — *то* желательно; «-/+» — *то* нежелательно; «-» — *то* невозможно). Отметим, что случаи употребления *то* в таблице сгруппированы иным способом, чем в разделах 1.1—1.4: не по степени приемлемости *то*, а по типам контекста.

Таблица 1

Условия употребления *то* в составе *если... то*

Тип контекста		Допустимость <i>то</i>	
Эллипсис	Эллипсис подлежащего	+/-	
	«Широкий» эллипсис	+	
Конструкция с презумпцией «неравенства сил»	<i>Если не мужем, то братом</i>	+	
	<i>Если Вася решил эту задачу, то Петя ее точно решит</i>	+/-	
Контраст на внутренней части придаточного		+/-	
Иллокутивное употребление <i>если</i>	Вводность	Придаточное в интерпозиции	-
		Придаточное в препозиции	-/+
	Собственно иллокутивное употребление		-/+
	Иллокутивность + контраст		+/-
<i>Только если</i>		-	
«Перечислительный» контекст		-	

¹⁹ В [Iatridou 1994] предложена трактовка *if... then*, частично совпадающая с предлагаемым нами ниже описанием *если... то*: *then*, по мысли автора, вносит в *If A, then B* пресуппозицию «Неверно, что (если не-А, то В)» (о «нашей» трактовке см. раздел 2.1). Тем не менее, мы не стремились последовательно учитывать факты употребления *if... then*, поскольку заранее ясно, что русское *то* существенно отличается. В частности, сфера употребления у *то* заметно шире, чем у *then*, ср. русские союзы *поскольку... то*, *пока... то* (см. раздел 3) и отсутствие у них аналогов с *then* в английском.

2. Функции *то* и объяснение рассмотренных ограничений

2.1. О функциях *то* в составе *если... то*

У компонента *то*, входящего в состав союза *если... то*, предположительно имеется две функции, из которых одна — собственно семантическая, другая — семантико-синтаксическая.

Собственно семантическая функция *то*, как мы надеемся ниже продемонстрировать, состоит в том, чтобы **усиливать имплицативное отношение, выражаемое союзом *если***. Это усиление того же рода, что и подчеркивание, выражаемое контрастивным акцентом. Ср. высказывание *Маша пришла*, произносимое с интенсивным акцентом на глаголе и подразумевающее, что из двух возможностей — ‘Маша пришла’ и ‘Маша не пришла’ — имеет место первая. Аналогичный эффект имеет и использование компонента *то* при союзе *если*: оно вызывает к жизни типичное для контраста (см. [Янко 2001: 47]) сравнение двух альтернатив — наличие vs. отсутствие между двумя пропозициями соответствующего имплицативного отношения — и выбор в пользу первой из них.

Конкретизируем предлагаемое описание *то* на материале следующей пары примеров (86а) и (86б), различающихся только наличием *то*:

- (86) а. *Если погода будет хорошая, мы пойдем гулять.*
 б. *Если погода будет хорошая, то мы пойдем гулять.*

Согласно нашей гипотезе, в (86б), во-первых, ярче и категоричнее, чем в (86а), выражено наличие имплицативной связи между ситуацией А (‘погода будет хорошая’) и ситуацией В (‘мы пойдем гулять’). Во-вторых, в (86б) отрицается возможность отсутствия такой связи. Последний семантический компонент реализуется как указание на отсутствие аналогичной имплицативной связи у А с ситуацией, отличной от В (с ситуацией не-В), и у ситуации, отличной от А (ситуации не-А), с В. Иными словами, в (86б) подразумевается: ‘не может быть так, чтобы хорошая погода была, а прогулки не было’; ‘не может быть так, чтобы хорошей погоды не было, а прогулка была’.

Отметим, что второй из указанных смыслов присутствует и в примере (86а): условная конструкция, как известно, обычно выражает не только необходимое, но и достаточное условие (см. [Geis, Zwicky 1971]). Однако в отсутствие компонента *то* этот смысл имеет статус импликации (возникновение которой обычно объясняют постулатами Грайса, см. [Падучева 1985: 44]), тогда как *то* выводит его на ассертивный уровень.

Из-за того, что смыслы, определяющие семантику *то*, весьма тонкие, а один из смыслов, пусть менее отчетливо, присутствует и в условной конструкции без *то*, семантический контраст между предложениями типа (86а) и (86б) — без *то* и с *то* — не очевиден. Чтобы, тем не менее, обосновать предлагаемую семантическую трактовку *то*, далее мы стремимся объяснить на основании этой трактовки ограничения на употребление *то*, рассмотренные в предыдущем разделе.

Вторая, **семантико-синтаксическая** функция *то* (независимая от собственно семантической) состоит в создании своего рода семантико-синтаксической симметрии между зависимой и главной клаузами. Синтаксическая симметрия возникает в результате того, что *то* обеспечивает наличие определенной грамматической зависимости главной клаузы от подчиненной — а не только подчиненной от главной, как в отсутствие *то* (ср. невозможность опустить придаточное, если в главном содержится *то*: **То мы пойдем гулять*). Семантическая симметрия возникает как отражение синтаксической: при наличии *то* не только подчиненная пропозиция не является семантически свободной — она служит модификатором главной, но и главная пропозиция семантически не свободна от подчиненной (ср. опять-таки невозможность ее изолированного употребления). Собственно, два аспекта данной взаимозависимости клауз, обусловленной наличием *то*, — синтаксический и семантический аспекты — вряд ли отделимы друг от друга.

Если собственно семантическая функция представляет собой специфическую особенность показателя *то*, то семантико-синтаксическая является, по-видимому, общей особенностью коррелятивного компонента двойных союзов. В порядке обоснования того, что данная семантико-синтаксическая функция у *то* в самом деле имеется, мы надеемся объяснить на ее основе одно из приведенных выше ограничений на употребление *то* — ограничение, действующее в эллиптическом контексте.

В целом раздел 2 посвящен выявлению связи между ограничениями на употребление *то* и предлагаемой для *то* трактовкой²⁰.

2.2. Эллипсис

Запрет на опущение *то* в контексте эллипсиса можно объяснить указанной выше семантико-синтаксической функцией *то*. А именно тем, что *то* создает симметрию, необходимую для эллипсиса.

Прежде чем привести такое объяснение, убедимся, что соответствующий запрет на опущение *то* касается именно эллипсиса. Основания усомниться в этом возникают в случае предполагаемого эллипсиса подлежащего: наряду с собственно синтаксическим эллипсисом, т. е. «невыражением элементов синтаксической структуры при антецеденте, создающем контекстную избыточность» [Тестелец 2011: 656], речь здесь может идти о нулевом анафорическом местоимении, так называемом «малом *рго*». Основное отличие (синтаксического) эллипсиса от *рго* вслед за [Franks 1995: 292] мы усматриваем в том, что наличие *рго* возможно и вне эллиптического контекста, т. е. в отсутствие антецедента невыраженного подлежащего²¹. Так, следующие реплики не требуют эллиптического контекста, и в отсутствие такового говорить об эллипсисе подлежащего в них нет оснований:

- (87) а. *Слушаю вас.*
 б. *Начинаем заседание.*
 в. *Для создания комфортных условий обслуживания убедительно просим вас заходить в отдел не более 4 человек* [Надписи на дверях и окнах (2004)].

Еще один контекст разграничения эллипсиса и *рго* — это контекст сложноподчиненного предложения, при котором невыраженное подлежащее придаточного *с в я з а н о* (в терминах «теории связывания» порождающей грамматики, см. [Тестелец 2001: 594—603]) подлежащим главной клаузы:

- (88) *Федя, решил, что Ø, станет летчиком.*

В контекстах типа (88) против эллиптической трактовки невыраженного подлежащего говорит тот факт, что такая трактовка противоречила бы известным закономерностям поведения полных (не местоименных) именных групп. Предположим, что в (88) эллиптировано подлежащее, т. е. исходная структура для этого предложения такова:

- (89) *Федя, решил, что Федя, станет летчиком.*

В этой структуре подлежащее главной клаузы *Федя* связывает подлежащее придаточного *Федя* (т. е. находится с ним в особом структурном отношении *к о м а н д о в а н и я* и помечено с ним одинаковым референциальным индексом). Между тем обычно полная именная группа не может занимать позицию, в которой она связана. Так, следующее предложение

²⁰ Не исключено, что двумя указанными функциями назначение показателя *то* не ограничивается. Вопрос о возможных других функциях *то* остается за рамками рассмотрения.

²¹ С. Фрэнкс называет случаи собственно эллипсиса «дискурсивным эллипсисом» (*discourse ellipsis*). В русской грамматической традиции противопоставляют «контекстуальный эллипсис» (возникающий в эллиптическом контексте) и «конситуативный» (не требующий антецедента) [Земская 2004: 137].

неграмматично при кореферентности двух подлежащих, поскольку в этом случае именная группа *Федя* оказывается связана местоимением *он*:

(90) **Он, решил, что Федя, станет летчиком.*

Поскольку анафорическое местоимение аналогичному ограничению не подчиняется (ср. возможность связывания местоимения *он* в *Федя, решил, что он, станет летчиком*), в контекстах типа (88) больше оснований говорить о рго, чем об эллипсисе подлежащего.

Обратимся теперь к интересующей нас конструкции с *если... то*. Эта конструкция не дает очевидных оснований для выбора между эллипсисом и рго — ни один из двух различительных признаков, указанных выше, здесь не «работает». Так, в предложении типа

(91) (= (12)) *Если Путник, отказывается платить, ?(то) Ø, теряет 2 пункта Силы* [М. Пухов. Оживляж на монитор]

наличествует эллиптический контекст, поскольку антецедентом невыраженного подлежащего выступает именная группа в том же предложении. Явных доводов в пользу связывания (которое свидетельствовало бы против эллипсиса) тоже нет, поскольку антецедент невыраженного подлежащего (*Путник*) входит в зависимую, а не в главную клаузу.

Тем не менее, хотя прямых свидетельств той или иной трактовки не обнаруживается, косвенные признаки говорят в пользу эллипсиса. Действительно, сами по себе условия, регулирующие запрет на опущение *то* в данной конструкции, дают основания думать, что запрет касается собственно синтаксического эллипсиса подлежащего. Напомним эти условия: во-первых, возможность опустить *то* зависит от лица подразумеваемого подлежащего — при 3 лице опущение *то* затруднено более, чем при 1 лице. Во-вторых, запрет касается лишь случая, когда подразумеваемое подлежащее кореферентно подлежащему зависимой клаузы, но не элементу предтекста.

Оба этих условия релевантны для противопоставления эллипсиса и рго.

Известно, что местоимения 3 лица (при их референтном употреблении) в меньшей степени склонны иметь нулевое выражение, чем местоимения 1 лица. Так, по данным [Holmberg, Nikanne 1994], в финском языке возможно опущение (так называемое рго-drop) референтных местоимений 1 и 2 лица, но не местоимений 3 лица. Похожая ситуация, согласно [Borer 1980], имеет место в иврите. В русском языке отсутствие выраженного референтного подлежащего 3 лица допустимо, по-видимому, только или преимущественно в эллиптическом контексте. Так, примеры (87 а—в) при замене формы 1 лица глагола формой 3 лица вне контекста оказываются сомнительными. Ср.:

(92) а. ??*Слушает вас.*

б. ??*Начинают заседание.*

в. ??*Для создания комфортных условий обслуживания убедительно просят вас заходить в отдел не более 4 человек.*

Данное отличие местоимений 1 и 2 лица от местоимений 3 лица связано, очевидно, с их дейктической природой: идентификация соответствующих референтов не требует наличия антецедента (ср. близкое замечание в [Ружичка 1986: 388]). Напротив, местоимения 3 лица употребляются преимущественно анафорически, в контексте антецедента, т. е. плохо совместимы с главной отличительной чертой рго — свободой от эллиптического контекста.

Раз возможность опустить подлежащее 3 лица зависит от наличия эллиптического контекста в большей степени, чем возможность опустить подлежащее 1 лица, можно говорить, что контекст 1 лица в большей степени располагает к трактовке невыраженного подлежащего в терминах рго, чем контекст 3 лица. Тот факт, что обсуждаемый запрет на опущение *то* особенно строгий как раз в контексте подлежащего 3 лица, косвенно свидетельствует о связи этого запрета именно с эллипсисом подлежащего.

На то же указывает и второе условие, регулирующее запрет на опущение *то*: наличие кореферентности между подразумеваемым подлежащим и субъектом придаточного. Дело

в том, что такая кореферентность предъявляет бесспорный эллиптический контекст: опускаемая часть и ее антецедент находятся в одном и том же предложении. Если же антецедент унаследован из предтекста (причем неизвестно, какое расстояние отделяет его от эллиптического фрагмента), граница между эллиптическим контекстом и неэллиптическим — а значит, граница между эллипсисом и *pro* — до некоторой степени размывается; оснований говорить об эллипсисе меньше. То, что именно в этом случае запрет на опущение *to* ослабляется, подтверждает связь запрета с эллипсисом.

Попытаемся теперь объяснить эту связь на основе предлагаемой семантико-синтаксической трактовки *если... то*.

Возможность эллипсиса коррелирует с наличием у предложения определенной симметрии. Об этом свидетельствует известная связь эллипсиса с сочинением: при сочинении возможностей для эллипсиса больше, чем при подчинении (см. [van Oirsouw 1987; Тестелец 2001: 262]). Существенно, что причина данной связи, по-видимому, как раз в симметрии, разнообразно проявляющейся при сочинении, но не в каких-то иных отличиях сочинения от подчинения.

Поясним сказанное на примере разновидности эллипсиса, известной как «гэппинг» (*gapping*). Считается, что гэппинг допустим при сочинении, но не при подчинении (см. [Тестелец 2001: 262]). Представляется между тем, что возможность гэппинга коррелирует не с собственно сочинением, а с семантико-грамматической симметрией, сочинению свойственной.

Аргумент в пользу связи гэппинга с семантической симметрией (а не с оппозицией сочинение vs. подчинение как таковой) находим в работе [Kehler 2002: 83—85]. В английском языке ряд сочинительных союзов различает симметричное и несимметричное прочтение: для союза *and* ('и') это, соответственно, соединительное и причинно-следственное прочтение; для союза *but* ('но') — сопоставительное и противительное прочтение; для союза *or* ('или') — разделительное и причинно-следственное прочтение. Однако в конструкции с гэппингом, по наблюдению А. Келера, каждый из союзов выступает только в соответствующем симметричном прочтении (хотя и при несимметричном употреблении союз остается сочинительным). Ср. предложение (93а) без гэппинга, где союз *and* может пониматься и в соединительном, и в причинно-следственном смысле, с предложением (93б), содержащим гэппинг и допускающим только соединительное прочтение:

- (93) а. *Al cleaned up the bathroom and Joe cleaned up the mess* ((i) 'Эл убрался в ванной, и/а Джо убрался в столовой'; (ii) 'Эл убрался в ванной, и тогда Джо убрался в столовой').
 б. *Al cleaned up the bathroom and Joe Ø the mess* ('Эл убрался в ванной, и/а Джо убрался в столовой').

О связи гэппинга с наличием семантической симметрии говорит и тот факт, что некоторые подчинительные союзы все же допускают гэппинг — при условии, что в их семантике присутствует определенная доля симметрии.

Таковы, например, подчинительные союзы *когда* и *пока*, совместимые с гэппингом в случае, когда выражаемые этими союзами семантические отношения интерпретируются как в определенной степени симметричные. Так, в (94а) заменить сочинительный союз *а* на подчинительный *когда* или *пока* невозможно (ср. (94б)); однако в (94в), где под влиянием контекста временное значение *когда* и *пока* дополняется более симметричным сопоставительным отношением, использование *когда* и *пока*, как кажется, приемлемо — по крайней мере, более приемлемо, чем в (94б).

- (94) а. *Маруф готовит шашлык, а Валиджан — супы* [Дорогая моя столица (1997) // «Столица»].
 б. *Маруф готовит шашлык, когда/пока Валиджан — супы.*
 в. *Маруф готовит шашлык, когда/пока Валиджан — супы, и наоборот.*

В следующем корпусном примере гэппинг применен к конструкции с союзом *пока*:

(95) *Папа (делая один взмах, пока сын — 10): Потом узнаешь...* [Коллекция анекдотов: сексопатологии (1970—2000)].

Неслучайным кажется, что и здесь в значении союза проглядывает оттенок сопоставления, вносящий определенную долю смысловой симметрии.

Связь гэппинга с наличием грамматической симметрии подтверждается тем, что — независимо от семантики отношения между клаузами — гэппинг часто невозможен в условиях препозитивного придаточного. Ср. приемлемость гэппинга в (96а) и его сомнительность в (96б):

- (96) а. *Маруф готовит шашлык, когда/пока Валеджан — супы, и наоборот.*
 б. *Когда/Пока Валеджан готовит супы, Маруф — шашлык, и наоборот.*

Можно думать, что препозитивное обстоятельственное придаточное находится по отношению к своей главной клаузе, в некотором смысле, в более зависимой позиции, чем та, которую занимает по отношению к главной клаузе постпозитивное придаточное. Это различие между препозитивным и постпозитивным придаточным имеет множество проявлений; назовем из них два.

- Постпозитивное придаточное может выступать как отдельное высказывание, а препозитивное не может, ср.:

- (97) а. *Это пятьсот пятьдесят Манькиных шоферов-дальнорейсовиков! Если считать каждого по червонцу* [В. Кунин. Кыся (1998—2000)].
 б. **{Если считать каждого по червонцу. Это пятьсот пятьдесят Манькиных шоферов-дальнорейсовиков!}*

- Конструкция с препозитивным придаточным не имеет сочинительного аналога: сочинительный союз не может занимать в сложном предложении начальную позицию (см. [Тестелец 2001: 262]).

Таким образом, конструкция с препозитивным придаточным отличается большей грамматической асимметрией, чем конструкция с постпозитивным придаточным. Этим и может объясняться контраст типа (96а, б).

Отметим, что указанное отличие препозитивного придаточного от постпозитивного релевантно не только для гэппинга, но и для некоторых других разновидностей эллипсиса, в частности, для интересующего нас эллипсиса подлежащего. В самом деле, эллипсис подлежащего главной клаузы затруднен, по-видимому, в контексте препозитивных придаточных с большинством подчинительных союзов, а не только в контексте рассматриваемого в статье препозитивного придаточного с союзом *если*²². Ср. следующие контрастные примеры с подчинительными союзами *хотя* и *когда* — эллипсис подлежащего в главной постпозитивной клаузе затруднен ((98а, б) и (99а, б) соответственно), при том что в постпозитивном придаточном аналогичный эллипсис возможен (98в, 99в):

- (98) а. *Хотя [вице-президенты США]_i и получают Нобелевские премии, Ø_i вовсе не являются учеными.*
 б. *Хотя [вице-президенты США]_i и получают Нобелевские премии, они_i вовсе не являются учеными.*
 в. *[Вице-президенты США]_i вовсе не являются учеными, хотя Ø_i и получают Нобелевские премии* [В. Губарев, М. Кузьмин. Академик Михаил Кузьмин: взгляд в глубины Байкала // «Наука и жизнь» (2008)].
- (99) а. *Когда контейнер, идет обратно, Ø_i не используется.*
 б. *Когда контейнер, идет обратно, он_i не используется.*
 в. *Контейнер не используется, когда Ø_i идет обратно* [Е. Селезнева. Гонят порожняк (2002) // «Дело» (Самара)].

²² Мы признательны анонимному рецензенту за это наблюдение.

Связь эллипсиса подлежащего с симметрией, по-видимому, менее тесная, чем связь с симметрией гэппинга; об этом свидетельствует, например, то, что эллипсис подлежащего в русском языке, в отличие от гэппинга, стандартно допустим при подчинении (ср. (98в), (99в)). Тем не менее, контрасты типа (98а—в), (99а—в) наводят на мысль, что и для эллипсиса подлежащего наличие определенной грамматической симметрии небезразлично²³.

Раз эллипсис требует симметрии, а наличие *то* является условием для допустимости эллипсиса, можно думать, что функция *то* как раз и состоит в создании симметрии.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Как отмечалось выше (см. Примечание 1 в разделе 1.1), запрет на опущение *то* при эллипсисе подлежащего главной клаузы смягчается в условиях синтаксического параллелизма, ср. приводившийся выше пример, где во втором из сочиненных предложений *то* отсутствует:

- (100) (= (23)) *Если дипломаты удовлетворены предлагаемыми условиями, то идут на мировую, а если они не удовлетворены — готовят специальную ноту.*

Это происходит, возможно, потому, что симметрия в этом случае обеспечивается синтаксическим параллелизмом.

Второй аргумент в пользу интерпретации компонента *то* как маркера семантико-синтаксической симметрии находим в поведении самого интересующегося нас союза *если*. У *если*, как известно, имеется, наряду с условным, сопоставительное значение, иллюстрируемое следующим примером (см. [Гладкий 1982]):

- (101) *Если на Западе Россия может диктовать условия, то в Китае ситуация иная* [«Российский газ Китаю нужен, но не любой ценой» (2010) // <http://www.rbcdaily.ru/2010/08/18/tek/503288.shtml>, 2010].

Важное отличие сопоставительного *если* от условного состоит в том, что для первого вариант с *то* в большинстве случаев является предпочтительным, ср. сомнительность опущения *то* в примере (101):

- (102) [?]*Если на Западе Россия может диктовать условия, в Китае ситуация иная.*

Это не значит, что при сопоставительном *если* отсутствие *то* недопустимо, ср. возможность опустить *то* в следующем предложении:

- (103) *Если раньше Васильев открывал спектакли-острова, ^{OK}(то) теперь в его распоряжении оказался целый континент* [А. Васильев. Как зеркало самого себя (2003) // «Театральная жизнь»].

Однако, скажем, для сопоставительной конструкции *если раньше, ... то теперь* в корпусе обнаруживается 74 варианта с *то* и только 5 — без *то*²⁴.

Поскольку сопоставительное отношение явно обладает большей семантической симметрией, чем отношение условное, более высокая потребность в *то* при сопоставительном *если*, чем при условном, согласуется с нашей гипотезой о *то* как о маркере симметрии.

²³ В английском языке, в отличие от русского, допустимость эллипсиса подлежащего коррелирует с оппозицией сочинение vs. подчинение (см. [Тестелец 2001: 262]):

- (i) *John lived in London and Ø studied medicine* ‘Джон жил в Лондоне и изучал медицину’.
 (ii) *John lived in London when he studied medicine* ‘Джон жил в Лондоне, когда он изучал медицину’.
 (iii) [?]*John lived in London when Ø studied medicine* ‘Джон жил в Лондоне, когда изучал медицину’.

²⁴ Запросы: ««если» на расстоянии 1 от «раньше» на расстоянии от 1 до 6 от «то» асомта на расстоянии 1 от «теперь»», ««если» на расстоянии 1 от «раньше» на расстоянии от 1 до 6 от «теперь» асомта».

ПРИМЕЧАНИЕ 3. Тот факт, что союз *если...то* в большей степени располагает к эллипсису, чем союз *если*, может дать основания думать, что *если...то* близок сочинительному союзу. Такое мнение действительно высказывалось [Podlesskaya 1997; Тестелец 2001: 263]. Однако имеются аргументы и против признания *если... то* сочинительным союзом.

Во-первых, *если... то* ведет себя как подчинительный союз в терминах иллокутивной силы. Одно из известных отличий сочинения от подчинения состоит в том, что в составе сложносочиненного предложения каждая из клауз всегда обладает собственной иллокутивной силой, тогда как подчиненная клауза собственной иллокутивной силы часто лишена (см., например, [Foley, Van Valin 1984; Verstraete 2005]). Данный признак иногда предлагается считать основой разграничения сочинения и подчинения в сфере полипредикации [Cristofaro 2003], т. е. чем-то более фундаментальным, чем формальные критерии вроде критерия эллипсиса. В сложном предложении с союзом *если... то* клаузы, по-видимому, не обладают собственной иллокутивной силой; об этом свидетельствует, например, невозможность парцелляции постпозитивной клаузы — выделения ее в отдельный речевой акт. Ср.:

(104) а. *Если погода будет хорошая, то мы пойдем гулять.*

б. *{*Если погода будет хорошая. То мы пойдем гулять*}.

Отметим, что далеко не все двойные союзы ведут себя аналогичным образом. Так, двойной союз *или... или*, традиционно признаваемый сочинительным [РГ 1980: § 3146], парцелляцию допускает, т. е. по признаку иллокутивной силы ведет себя как сочинительный:

(105) *Итог — точный: или ничего (кроме стихов) не будет — или будет книга моя о М. Или сейчас уже статья в местном журнале* [Э. Герштейн. Мандельштам в Воронеже (по письмам С. Б. Рудакова) (1985—2002)].

Во-вторых, против автоматического признания *если... то* сочинительным союзом на основании результатов формальных тестов говорит тот факт, что, по крайней мере, некоторые из этих результатов допускают и иное объяснение. Возможно, дело не в том, что наличие *то* сближает союз *если* с сочинением, а в том, что оно отдаляет *если* от прототипического подчинения.

Поскольку сочинение и подчинение традиционно образуют двучленную оппозицию, т. е. не имеют никакой третьей альтернативы, известные критерии разграничения сочинения и подчинения, по существу, причисляют к сочинению все, что не является прототипическим подчинением (и наоборот — причисляют к подчинению все, что не является прототипическим сочинением). Возможность существования третьего члена оппозиции этими критериями (в частности, критерием эллипсиса) не предусмотрена. Конструкция с *если... то* (как, по-видимому, конструкция с любым двойным подчинительным союзом) отклоняется от прототипического подчинения прежде всего в том, что обладает заметно большей симметрией, чем конструкция с одиночным подчинительным союзом. Уже само наличие союзного показателя в каждой из клауз (а не только в одной из них) способствует симметрии. Симметрия же ассоциируется с сочинением, а отсутствие симметрии — с подчинением, поэтому симметрия *если... то* сближает этот союз с сочинительным — но сближает, возможно, формально и только потому, что любое отклонение от подчинения квалифицируется как сочинение. Таким образом, «сочинительный» результат тестов может говорить о непрототипической подчинительной природе *если... то*, а не о его сочинительной природе.

Два приведенных аргумента кажутся нам достаточными, чтобы усомниться в справедливости квалификации *если... то* как сочинительного союза, но явно недостаточными, чтобы признать его подчинительным. Дело осложняется тем, что признаки сочинения и подчинения, как иногда считается, не являются взаимоисключающими: союз может быть сочинительным на уровне, скажем, семантики и подчинительным на уровне синтаксиса (см. о таких случаях [Culicover, Jackendoff 1997; Yuasa, Sadock 2002] и др.). Вопрос об окончательной интерпретации *если... то* в терминах сочинения и подчинения остается для дальнейшего исследования.

До сих пор речь шла об объяснении запрета на опущение *то* в контексте эллипсиса в целом. Остановимся подробнее на «широком эллипсисе».

В контексте «широкого эллипсиса» рассматриваемый запрет отличается особой строгостью (ср. (34а—г)); мы не знаем примеров, когда бы опущение *то* в условиях «широкого эллипсиса» было приемлемо. Чем объяснить данную строгость запрета? Причина видится в том, что в контексте «широкого эллипсиса» проявляет себя не только семантико-синтаксическая функция *то* (на основе которой мы выше объяснили общую связь между наличием *то* и эллипсисом), но и собственно семантическая функция. Напомним, что эта функция, согласно нашей гипотезе, состоит в акцентуации имплицативного отношения, выражаемого союзом. А именно, компонент *то* в конструкции *если А, то В* подчеркивает следующие два смысла: ‘не может быть так, чтобы было А, но не было В’; ‘не может быть так, чтобы было В, но не было А’.

Между тем первый из названных смыслов (‘не может быть так, чтобы было А, но не было В’) составляет неотъемлемую часть конструкции с «широким эллипсисом». Так, согласно [Урысон 2011: 41], предложение (106) содержит модальный компонент ‘не может быть так, чтобы она ехала куда-нибудь не в сопровождении мужа’, а предложение (107) содержит компонент ‘не может быть так, чтобы он вспоминал о ней не с неприязнью’:

(106) *Если она едет куда-нибудь, то всегда в сопровождении мужа.*

(107) *Если он вспоминает о ней, то всегда с неприязнью.*

Предположив, что компонент *то* имеет указанную собственно семантическую функцию, мы понимаем, почему в контексте «широкого эллипсиса» опущение *то* особенно нежелательно: данный контекст в большей степени, чем другие, обнаруживает потребность в выражении одного из смыслов, составляющих предполагаемую собственно семантическую функцию *то*.

Итак, запрет на опущение *то* в эллиптических контекстах оказалось возможным объяснить на основании предполагаемой семантико-синтаксической (а для «широкого эллипсиса» — еще и собственно семантической) функции *то*.

2.3. Конструкции с презумпцией «неравенства сил»

В разделах 1.1 и 1.2 рассмотрены две конструкции, содержащие данную презумпцию:

(108) а. (= (36а)) *Из этого следовало: русская литература приобрела если не всемирное, *(то) общеевропейское значение* [В. Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // «Октябрь» (2002)].

б. (= (37)) *Если ты «Аппассионату» играешь, то с этой музыкой как-нибудь справишься* [Запись LiveJournal (2004)].

Объясним потребность в *то* в случаях типа (108а, б) предполагаемой собственно семантической функцией *то*.

Прежде всего скажем подробнее о семантике двух конструкций. Их значение можно представить в следующем приблизительном виде:

(109) конструкция типа (108а) ≈ ‘Или ситуация А, или ситуация В имеет место. Если более сильная ситуация А не имеет места, то имеет место более слабая ситуация В’.

(110) конструкция типа (108б) ≈ ‘Если удалось достичь более сильной ситуации А, то более слабой ситуации В тоже удастся достичь’.

Оговоримся, что модальность и временная характеристика данных формулировок выбраны условно: они отражают соответствующие модальность и время предложений (108а, б), но вообще-то рассматриваемые конструкции могут иметь и иные модально-временные характеристики. Так, в формулировке (109) смысл ‘Или А, или В имеет место’ имеет реальную модальность. Но, скажем, в примере ...*бушевала она с такой уверенностью*,

как если бы Ландау был если не мужем ее, то братом [А. Волос. Недвижимость (2000) // «Новый мир»] соответствующий смысл получает (в наиболее естественном понимании) модальность контрафактическую ('как если бы верно было или А, или В'), потому что такова модальность включающей конструкцию клаузы. Точно так же в формулировке (110) прошедшее время предиката *удалось* отражает значение предложения (108б), но вообще-то данная конструкция может относиться и к будущему времени, ср.: *Если ты «Аппассионату» сыграл бы, то с этой музыкой как-нибудь справишься*. Задачи предложить общее семантическое описание двух конструкций мы не ставим.

Вместе с тем, у конструкций имеется и одно модальное различие общего характера. В конструкции типа (108а) может быть выражена уверенность Говорящего в том, что одна из ситуаций А или В имела, имеет или будет иметь место (ср. формулировку (109)). Между тем в (108б) ситуация А неизменно помещена в контекст посылки условного отношения, а такой контекст — за исключением контрафактического условия — характеризуется «снятой утвердительностью» (в понимании [Падучева 2005]), т. е. не предполагает оценки Говорящим истинности соответствующей пропозиции (ср. формулировку (110)). Таким образом, в (108б), в отличие от (108а), Говорящий выражает мнение только о наличии имплицативной связи между А и В, но не об истинностном статусе А или В. (Исключение, повторим, составляет контрафактическое условие, ср.: *Если бы ты раньше сыграл «Аппассионату», то сегодня ты бы и с этой музыкой справился*, где Говорящему известно о нереальности посылки.)

Данное семантическое различие двух конструкций связано, очевидно, с синтаксическим различием между ними. В (108а) некоторый общий для ситуаций А и В компонент вынесен за пределы собственно условной конструкции (ср. последовательность *русская литература приобрела*). Напротив, в (108б) ситуации А и В целиком включены в сферу действия условного союза.

Наряду с перечисленными различиями, у конструкций имеется два существенных семантических сходства. Первое мы выше уже назвали: это «презумпция неравенства сил» ('ситуация А в некотором смысле сильнее, чем ситуация В', подробнее см. раздел 1.1). Второе сходство состоит в наличии у обеих конструкций следующего модального компонента: 'Говорящий уверен, что ситуация А связана соответствующим имплицативным отношением с ситуацией В'; или короче: 'если А, то не может быть не В'. Так, в (108а) подразумевается: 'если русская литература не приобрела всемирное значение, то общеевропейское приобрела то ч н о'; аналогично в (108б): 'если верно, что ты играешь «Аппассионату», то с этой музыкой ты справишься н а в е р н я к а'.

Указанный компонент имплицитруется, по-видимому, презумпцией неравенства сил, при этом механизм такой импликация у двух конструкций несколько различается.

В конструкции типа (108а) из презумпции неравенства сил и мнения Говорящего о том, что или А, или В будет иметь (имело/имеет/могло бы иметь) место, имплицитруется: 'если более сильная ситуация А не будет иметь место, то уж более слабая ситуация В будет н а в е р н я к а'.

В конструкции типа (108б) — в отсутствие мнения Говорящего об истинностном статусе А — из презумпции неравенства сил и факта наличия между А и В соответствующей связи имплицитруется: 'если более сильная ситуация А будет иметь (имела/имеет/могла бы иметь) место, то и более слабая ситуация В тоже н а в е р н я к а будет иметь (имела/имеет/могла бы иметь) место'.

Указанный общий для конструкций модальный компонент как раз и позволяет выявить связь между потребностью в компоненте *то* в данных конструкциях и обосновываемой собственно семантической функцией *то*. В самом деле, компонент *то*, согласно нашей гипотезе, привносит в значение предложения тот самый смысл, который определяет общую модальную семантику двух конструкций: 'если А, то не может быть не-В'. Семантика *то* и семантика конструкций, таким образом, согласуются друг с другом, чем и объясняется потребность в *то*.

До сих пор мы обходили стороной различие между двумя конструкциями, касающееся поведения *то*: в конструкции типа (108б) наличие *то* только желательно, тогда как в (108а) оно обязательно (см. подробнее разделы 1.1 и 1.2). Причина данного различия видится в том, что конструкция типа (108а) до некоторой степени идиоматизирована (т. е. представляет собой «конструкцию» в терминах грамматики конструкций). Об этом свидетельствует синтаксическое своеобразие конструкции (108а), отличающее ее от случаев прототипического употребления союза *если... то* (в (108а) союз связывает неклаузальные составляющие; при компоненте А обязательно наличие отрицания; подробнее см. раздел 1.1). Для сравнения, предложения типа (108б) особого синтаксического своеобразия не обнаруживают: нет таких явных синтаксических признаков, которые бы отличали конструкцию типа (108б) от произвольного предложения с союзом *если... то*. Можно думать, что идиоматизация ведет к определенной синтаксической ригидности конструкции (108а), в частности, к невозможности опустить *то*.

Итак, предполагаемая собственно семантическая функция компонента *то* позволила объяснить особенности поведения *то* в составе конструкций с презумпцией неравенства сил.

2.4. Контраст на внутренней части придаточного

Желательность *то* и в этом случае объясняется предполагаемой собственно семантической функцией *то*. В самом деле, контрастивное выделение внутренней части придаточного (А в конструкции *если А, то В*) ведет к противопоставлению ситуаций А vs. не-А. Ср. приводившийся выше пример:

- (111) (= (40)) <Посадочка небольшая, решили мы, обегаем за тридцать минут.> Если действительно есть грибы, то завтра утром отправимся в большой, настоящий лес [В. Солоухин. Третья охота (1967)].

Здесь ситуация ‘есть грибы’ противопоставляется ситуации ‘нет грибов’. Контрастивность подчеркивается наличием в зависимой клаузе слова *действительно*, означающего, что Говорящий рассматривает как потенциально возможный вариант ‘нет грибов’.

В контексте условного союза противопоставление А vs. не-А порождает следующее «ассоциированное множество» (в терминологии [Янко 2001: 47])²⁵:

- (112) {‘А → В’; ‘не-А → В’}²⁶.

В соответствии с природой контраста, второй элемент данного множества Говорящим отбрасывается, а первый признается верным. Отрицание элемента ‘если не-А, то В’ осмысливается как ‘если не-А, то не-В’. В результате соответствующее контрастивное выделение сводится к конъюнкции утверждений: ‘А → В’ & ‘не-А → не-В’.

Отметим, что данная конъюнкция смыслов отчетливо слышится в контексте (111) и в отсутствие *то*, т. е. создается собственно семантикой контраста, ср.:

- (113) <Посадочка небольшая, решили мы, обегаем за тридцать минут.> Если действительно есть грибы, завтра утром отправимся в большой, настоящий лес.

В (113) утверждается: ‘если грибы есть, завтра отправимся в лес, а если их нет, не отправимся’. Правда, как выше отмечалось (см. раздел 2.1), смысл ‘не-А → не-В’ присутствует в условной конструкции и вне контраста, однако его присутствие в этом случае, так сказать, менее нарочито. Так, устранив из (113) слово *действительно*, подчеркивающее контрастивное выделение, получим предложение, в котором компонент ‘если не-А, то не-В’, как кажется, меньше бросается в глаза:

²⁵ Термин «ассоциированное множество» примерно соответствует более распространенному термину «множество альтернатив» (англ. «set of alternatives»).

²⁶ Здесь и далее для представления семантических компонентов, содержащих смысл ‘если’, используется знак импликации “→”.

(114) *Если есть грибы, завтра утром отправимся в большой, настоящий лес.*

Напомним, что собственно семантическую функцию *то* мы усматриваем, в частности, в том, что *то* усиливает именно этот смысл: ‘если не-А, то не-В’ (см. подробнее раздел 2.1). Стало быть, как и в предыдущем случае, здесь семантика контраста согласуется с семантикой *то*. Этим объясняется желательность *то* в контексте контраста.

В заключение рассмотрим следующий показательный пример:

(115) (= (31)) *Если гости собрались, подумают, что уехал или еще там чего, и все по домам разойдутся* [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь» (2001)].

Введение в (115) *то* представляется сомнительным, ср.:

(116) ^{??}*Если гости собрались, то подумают, что уехал или еще там чего, и все по домам разойдутся.*

Причина этого видится в том, что контекст данного примера сопротивляется акценту на смысле ‘не-А → не-В’, т. е. сопротивляется контрасту на внутренней части придаточного. В самом деле, попытавшись интерпретировать (115) в контрастном смысле, получим: ‘если гости собрались, они подумают то-то и то-то; а если не собрались, то не подумают’. Однако второй компонент данной конъюнкции смыслов абсурден: если гости не собрались, то и подумать они ничего не могут. Таким образом, в контексте (115) одновременно затруднены контрастивное выделение придаточного и *то*. Это отвечает предложенной интерпретации материала.

2.5. Иллокутивное употребление *если*

Напомним, что в рассмотренных нами случаях иллокутивного употребления — вводное и собственно иллокутивное употребление — наличие *то* нежелательно. Эта закономерность нарушается при контрастивном выделении вводного придаточного.

Объясним данную совокупность фактов предполагаемой собственно семантической функцией *то*.

Согласно нашей гипотезе, роль *то* состоит в акцентуации имплицативного отношения, выражаемого союзом. И вводный, и собственно иллокутивный контексты не располагают к такой акцентуации.

В самом деле, во вводной конструкции придаточное лишено коммуникативной значимости; основной коммуникативный вес приходится на главную клаузу — точнее, на ее пропозицию. Между тем связь каких смыслов акцентировал бы компонент *то*, будь он введен во вводную конструкцию? Очевидно, он акцентировал бы связь смыслов, непосредственно соединяемых с помощью союза *если*: во вводной конструкции это лишенная коммуникативной значимости пропозиция придаточного и модальный компонент главной клаузы. Таким образом, акцентуацию получили бы смыслы, которые по замыслу вводной конструкции должны быть «в тени», а то, что находится в фокусе внимания — пропозиция главной клаузы, — осталось бы вне акцентуации.

Так, в предложении

(117) (= (46)) *Если не ошибаюсь, наибольший интерес в его телевизионных программах вызывает номер с воздушными полетами* [И. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)],

где придаточное имеет функцию вводного, введение *то* акцентировало бы имплицативную связь между смыслами ‘не ошибаюсь’ и ‘верно, что’. Тем самым, акцентуация не затронула бы главного содержания данного предложения — пропозицию ‘наибольший интерес в его телевизионных программах вызывает номер с воздушными полетами’.

Другое дело, если вводная часть получает контрастивное выделение: в этом случае придаточное попадает в фокус внимания, и акцентирование имплицативной связи, которой это придаточное связано с другими смыслами, оказывается оправдано. Компонент

то в контексте примера (117) как раз и допустим при условии контрастивной интерпретации придаточного, подчеркивающей смысл: ‘если не ошибаюсь, то верно, что... а если ошибаюсь, то неверно’. Ср.:

(118) *Если не ошибаюсь, то наибольший интерес в его телевизионных программах вызывает номер с воздушными полетами.*

Связь между наличием *то* и желательностью контрастивного прочтения проявляется просодически: в (118), как кажется, более естественно, чем в (117), сообщить глаголу *ошибаюсь* интенсивный — контрастивный — акцент.

Нежелательность *то* в собственно иллокутивном контексте имеет близкую причину. Такой контекст предполагает, что придаточное служит функциональным обоснованием речевого акта, выраженного в главной клаузе (см. [Verstraete 1999]). Так, в предложении *Пока не забыл, деньги в верхнем ящике стола*, где союз *пока* употреблен иллокутивно, придаточное *пока не забыл* обосновывает необходимость утверждения *деньги в верхнем ящике стола*. Таким образом, и в этом случае коммуникативный вес сосредоточен в главной клаузе, придаточное же служит только ее обоснованием. Акцентуация имплицативной связи между пропозицией придаточного и иллокутивной модальностью главной клаузы противоречила бы данной специфике иллокутивной конструкции. Так, в предложении

(119) (= (69)) *Если ты такой умный, как называется столица Никарагуа?*

введение *то* акцентировало бы смысл ‘если ты такой умный, скажи мне’, что плохо совместимо с вспомогательной коммуникативной ролью этого смысла.

Итак, предлагаемая трактовка *то* позволяет объяснить и нежелательность *то* в иллокутивном (в том числе вводном) контексте, и нарушение этой закономерности в контексте контраста.

2.6. Контекст «только если»

Для удобства изложения повторим пример, иллюстрирующий несовместимость контрастивной частицы *только* с союзом *если... то* (при ее совместимости с союзом *если*):

(120) (= (79)) *<А удовлетворять утонченные гастрономические вкусы ему было просто некогда и не на что. Обычно мы закусывали беляшами и бутербродами с колбасой.> Только если получали приглашение на какое-нибудь застолье, (*то) нам перепало что-то поприличнее [Е. Пашина. «Анекдотам о себе я бы только порадовался» (2002) // «Дело» (Самара)].*

Объясним этот факт, опираясь на предложенную семантическую трактовку *если... то*.

Как всякая единица с семантикой контраста, *только* подразумевает наличие множества, ассоциированного с выделенным элементом, и процедуру выбора из него (об этом общем свойстве контрастивных частиц см. [König 1991: 60—119; Янко 2001: 53—61]). Так, согласно [Николаева 2013: 25], высказывание *Только старуха сидела молча* содержит следующие смысловые компоненты, вносимые словом *только*: а) были и другие; б) они не молчали. Применив данное представление о семантике *только* к предложению (120), приходим к следующей интерпретации этого предложения:

(121) ‘Мыслимы другие ситуации, способные привести к тому, чтобы нам перепало что-то поприличнее’; ‘другие ситуации не выступили в этой обуславливающей роли’.

Пусть А — ситуация, выражаемая зависимой клаузой в составе предложения (120), В — ситуация, выражаемая главной клаузой, а $C_1, C_2 \dots C_n$ — ряд альтернативных ситуаций, отличных от А и В. Тогда ассоциированное множество, вносимое в значение (120) словом *только*, можно изобразить в следующем виде:

(122) $\{A \rightarrow B; C_1 \rightarrow B \dots; C_n \rightarrow B\}$.

Семантика *только* состоит в том, чтобы выбрать первый элемент данного множества и отвергнуть все остальные.

Обратимся теперь к семантике компонента *то*. Покажем, что эта семантика вступает в противоречие с семантикой *только*. Для этого введем в предложение (120) *то*, элиминировав несовместимое с *то только*:

(123) *Если получали приглашение на какое-нибудь застолье, то нам перепало что-то попрличнее.*

В соответствии с трактовкой *то*, предложенной выше, компонент *то*, как и частица *только*, вносит в предложение значение контраста; контрастивному противопоставлению в этом случае подвергается факт наличия соответствующей имплицативной связи между зависимой ситуацией (А) и главной (В). Представим ассоциированное множество, вносимое в значение предложения (123) компонентом *то*, в следующем виде:

(124) $\{A \rightarrow B; \neg(A \rightarrow B)\}$.

Как мы предположили выше, второй компонент данного множества интерпретируется языком в виде аналогичной имплицативной связи между ситуациями не-А и В и между ситуациями А и не-В:

(125) $\{A \rightarrow B; \text{не-}A \rightarrow B; A \rightarrow \text{не-}B\}$.

Семантика *то* состоит в выборе первого элемента множества (125) и в отрицании второго и третьего элементов. Отрицание второго элемента, однако, сводится к утверждению ‘если не А, то не-В’, т. е. к объявлению имплицативной связи между А и В не только достаточной, но и необходимой, а этот смысл и без того содержится в значении условной конструкции (см. раздел 2.1). Поэтому контрастивное значение, выражаемое с помощью *то*, состоит, по существу, в принятии первого элемента множества (125) и в отрицании третьего элемента. Так что ассоциированное множество принимает двучленный вид:

(126) $\{A \rightarrow B; A \rightarrow \text{не-}B\}$.

Сравнив данное ассоциированное множество с ассоциированным множеством, привносимым словом *только*, понимаем, в чем заключается семантическое противоречие между *только* и *то*. *Только* предполагает, что фоном контраста — тем, что объединяет противопоставленные элементы, является, так сказать, константой ассоциированного множества — служит главная ситуация В. *То*, напротив, требует, чтобы такой константой стала зависимая ситуация А. Для удобства изложения приведем еще раз обсуждаемые ассоциированные множества (жирным шрифтом выделена «константа»):

(127) ТОЛЬКО: $\{A \rightarrow \mathbf{B}; C_{1-n} \rightarrow \mathbf{B}\}$.

(128) ТО: $\{\mathbf{A} \rightarrow B; \mathbf{A} \rightarrow \text{не-}B\}$.

Данные два требования разнонаправленны, а потому несовместимы в рамках одного предложения. Так, в следующем неприемлемом предложении

(129) **Только если получали приглашение на какое-нибудь застолье, то нам перепало что-то попрличнее*

компонент *то* подразумевает контрастивное противопоставление ситуаций ‘нам перепало’ и ‘нам не перепало’ в случае, когда мы получали приглашение. Сама ситуация получения приглашения, тем самым, рассматривается как исходная, фоновая, не подвергаемая сомнению. Частица *только* между тем навязывает противоположный ракурс рассмотрения ситуаций, выражая следующее контрастивное противопоставление: ‘нам что-то перепало в том случае, когда мы получали приглашение на застолье, или в каком-то ином случае’. Здесь фоновой оказывается ситуация ‘нам что-то перепало’. Поскольку же одна и та же ситуация не может одновременно и быть и не быть фоновой, совмещение слов *то* и *только* превращает предложение в неприемлемое.

Показательно, что *только* совместимо с условной конструкцией в случае, когда коррелятивную функцию в главной клаузе выполняет не компонент *то*, а наречие *тогда*. Ср.:

(130) *Только если он с трапа свалится, тогда меня позовешь* [А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)].

Функция *тогда* состоит здесь в подчеркивании того, что связь между посылкой и следствием условной конструкции является не только необходимой, но и достаточной. В самом деле, *тогда* может употребляться и в отсутствие *только* для выражения этого смысла, ср.:

(131) *Если он с трапа свалится — тогда меня позовешь.*

Предложение (131) означает: ‘зови меня, если он свалится с трапа, а если не свалится, не зови’.

Слово *только* вносит в предложение (130) близкую семантику, ср. это же предложение без *тогда*:

(132) *Только если он с трапа свалится, меня позовешь.*

Фраза (132) означает: ‘зови меня, если он с трапа свалится, но не в других ситуациях’.

Таким образом, операторы *только* и *тогда* действуют согласованно и потому совместимы в рамках одного предложения как усилители друг друга. Напротив, контрастивное действие *то* несовместимо с действием *только*, поскольку направлено в противоположную сторону (в указанном выше смысле)²⁷:

(133) **Только если он с трапа свалится, то меня позовешь.*

Итак, предложенная семантическая трактовка союза *если... то* позволила объяснить, почему этот союз не сочетается с частицей *только*: причина в том, что *то* и *только* представляют собой контрастивные операторы с разнонаправленными сферами действия, так что их встреча в одном предложении ведет к конфликту сфер действия.

2.7. «Перечислительный» контекст

Повторим для удобства изложения пример, иллюстрирующий данный контекст:

(134) (= (84)) *Завтра мы обязательно поедем за город. Если будет жарко, поедем.*

(135) (= (85)) а. *И если холодно будет, (*то) поедем.*

б. *И если холодно будет, (то) тоже поедем.*

Объясним неуместность *то* в (135а) и приемлемость *то* в (135б) предполагаемой собственнo семантической функцией *то*.

Запрет на употребление *то* в (135а) обусловлен семантическим воздействием наречия *обязательно*, входящего в состав предтекста (134), конкретизацией которого (135а) является. В самом деле, *обязательно* означает, что *мы поедем за город* п р и л ю б ы х у с л о в и я х.

²⁷ Сказанное не означает, что *тогда* несовместимо с *то*, ср.: *Если верить в галошу, то тогда надо всерьез давать объявление в газету: «Потерялся волшебник»* [М. Сергеев. Волшебная галоша, или Необыкновенные приключения Вадима Смирнова, его лучшего друга Паши Кашкина и 33 невидимок из 117-й школы (1971)]. Поскольку *то*, согласно предлагаемой трактовке, тоже подчеркивает достаточный характер условия, *тогда* в такой конструкции служит усилителем *то*. Отличие *тогда* от *только* видится в том, что *тогда* не вызывает к жизни серию альтернативных ситуаций $C_1 \dots C_n$, отличных от А и В (ср. выше (122)). Ср. пару предложений: (i) *Если верить в галошу, тогда надо всерьез давать объявление в газету* vs. (ii) *Только если верить в галошу, надо всерьез давать объявление в газету*: из (i) следует только, что ‘если не верить в галошу, объявление давать не надо’, тогда как (ii) подразумевает серию альтернативных ситуаций, способных вызвать необходимость в объявлении. Из-за данного отличия *тогда* от *только* сочетание *тогда* с *то* не ведет к несовместимости двух ассоциированных множеств типа (127) и (128), как в случае с *только* и *то*.

Это противоречит смыслу ‘не может быть так, чтобы было В, но не было А’, выражаемому, по нашей гипотезе, компонентом *то*. С одной стороны, *то* подчеркивает наличие имплицитивной связи между двумя данными положениями дел; с другой стороны, *обязательно* превращает положение дел В в ничем не обусловленное, истинное независимо от условий.

Почему наличием слова *тоже* в (135б) указанное противоречие снимается? Потому, что *тоже* нейтрализует воздействие *обязательно*. Дело в том, что *тоже* привносит в (135б) следующую презумпцию: ‘существует положение дел С, отличное от А, такое, что $C \rightarrow B$ ’ (см. толкование *тоже* в [Апресян 1988]). Этим отменяется представление о В как о ничем не обусловленном положении дел, навязанное наречием *обязательно*.

3. Другие союзы в сочетании с *то*

По данным НКРЯ, с компонентом *то*, помимо союза *если*, сочетаются также союзы *ежели*, *раз*, *поскольку*, *так как*, *когда*, *пока*²⁸. Ср. примеры для каждого из них:

- (136) а. *А ежели кто подкоп поведет, то я и в Индию напишу!* [М. Булгаков. Театральный роман (1936—1937)].
 б. *Раз такова воля собрания, то он, Председатель, обязан и будет ее выполнять* [В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)].
 в. *Поскольку история получилась длинной, то приведено лишь несколько эпизодов* [В. Карпов, Т. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии» (2004)].
 г. *Так как Сицилия считается центром всемирной мафии, то осмотр производился особенно строго* [В. Катаев. Алмазный мой венец (1975—1977)].
 д. *Когда зашел в клуб, то сразу бросилась в глаза Таня* [Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)].
 е. *Пока по льду едешь, то сани так с бугра на бугор и кидает* [М. Волошин. Суриков (1916)].

Данный факт рождает следующий круг вопросов.

1) Какова функция *то* в составе перечисленных союзов? Существует ли общая причина того, что союзы *если*, *ежели*, *поскольку*, *так как*, *раз*, *когда* и *пока* употребляются с одним и тем же коррелятивным компонентом?

2) Какова соотносительная частотность употребления *то* в составе перечисленных союзов и чем это соотношение объяснить?

3) Почему другие союзы не сочетаются с *то*? Ср. невозможность употребить *то* в паре, скажем, с союзами *оттого что* и *хотя*:

- (137) *Оттого что Клара знала теперь его невзгоды, (*то) его вялая улыбка сжимала ее сочувствием* [А. Солженицын. В круге первом (1968) // «Новый мир»].
 (138) *Хотя врачами определяется всего 3 степени опьянения (кроме перечисленных, еще и легкая), (*то) милиционеры, тонко чувствующие потребности сограждан, выделяли еще одну — «лежачую»* [С. Николаев. Трезвяк, каким он был (2003) // «Богатей» (Саратов)].

²⁸ Приведенный список не является исчерпывающим. С *то* сочетаются также стилистически маркированные союзы *коли* и *коль скоро*, семантически близкие *если* и *раз*; союз *как* в значении ‘когда’. Ср.:

Коли Перун с нами, то кто нам страшен? [Второе крещение Руси: на капище в Купчино снесут Перуна (форум) (2007)].

Как я начал докладывать, то мое невинное сердце шестнадцати лет стало поперек глотки [Е. Замятин. Слово предоставляется товарищу Чурыгину (1922)].

Рамки работы не позволяют рассмотреть подробно еще и эти союзы, тем более что описание компонента *то* в их составе потребовало бы предварительного анализа семантико-стилистической специфики данных союзов.

Предлагаемая трактовка компонента *то*, как кажется, подсказывает ответ на все поставленные вопросы.

Начнем с вопроса 1.

Сразу оговоримся, что представленное ниже описание *то* в контексте союзов *поскольку*, *так как*, *раз*, *когда* и *пока* (*ежели*, ввиду его синонимии с *если*, мы опускаем) является предварительным. Сколько-нибудь окончательное описание потребовало бы анализа данных союзов, по крайней мере не менее тщательного, чем предложенный выше анализ союза *если... то*. Рамки работы не позволяют остановиться на всех прочих союзах с той же степенью подробности.

Можно думать, что функция *то* в составе других, безусловных союзов — в целом та же, что и в составе *если... то*: контрастивное усиление имплицативного отношения, выражаемого союзом. Однако в зависимости от семантики конкретного союза эта функция получает несколько разные воплощения. Сравним семантику *то* в составе каждого из союзов с трактовкой *то*, предложенной для союза *если... то*.

Причинные союзы *раз*, *поскольку* и *так как* с точки зрения функции *то* ведут себя единообразно. Существенными для понимания семантики *то* являются две особенности значения этих союзов.

Прежде всего, все три союза выражают что-то вроде логического вывода, основанного на некоторой известной из конституции или знаний о мире общей закономерности. Так, предложение *Поскольку погода была плохая, (то) мы не пошли гулять* отсылает к следующей общей закономерности: ‘обычно, если погода плохая, люди не гуляют’. Опора на такую закономерность сближает данные союзы с семантической зоной условия; не случайно союзы *поскольку*, *так как* и *раз* традиционно толкуют через условную конструкцию *если... то* (см., например, [Латышева 1982]).

Вторая особенность данных причинных союзов состоит в том, что зависимая пропозиция, выражающая причину в составе конструкций с этими союзами, имеет истинностный статус, или, иначе, имеет утвердительную модальность. Этим, как известно, причинные союзы отличаются от условных *если* и *ежели*: посылка условного отношения является контекстом снятой утвердительности. Так, в примере (136а) зависимая пропозиция ‘кто подкуп ведет’ не имеет истинностного значения, тогда как соответствующие пропозиции в (136б—г) полагаются Говорящим истинными.

Напомним, что в конструкции *если А... то В* вносимый *то* акцент на имплицативном отношении, выражаемом союзом *если*, порождает, согласно нашей гипотезе, подчеркивание двух смыслов: ‘не может быть так, чтобы было А, но не было В’; ‘не может быть так, чтобы было В, но не было А’. Возникновение этих смыслов связано, как кажется, с упомянутой выше снятой утвердительностью: именно отсутствие у А истинностного значения порождает противопоставление А vs. не-А и, далее, В vs. не-В.

Поскольку в конструкциях с *поскольку*, *так как* и *раз* зависимая пропозиция А получает утвердительную модальность, акцент на имплицативном отношении, выражаемом этими союзами, не «имеет дела» со смыслом ‘не-А’. Так, предложение *Поскольку погода была плохая (А), то мы не пошли гулять (В)* не имплицитирует смысла ‘Неверно, что, поскольку погода была хорошая, мы не пошли гулять’. Именно такой смысл (‘Неверно, что (поскольку не-А, В)’) ожидался бы по аналогии с *если... то*, подчеркивающим, по нашей гипотезе: ‘Неверно, что (не-А → В)’.

Однако второй из ожидаемых смыслов — вовлекающий компонент ‘не-В’ — в контексте *поскольку*, *так как* и *раз* присутствует, принимая следующий вид: ‘Неверно, что (поскольку А, не-В)’. Или иначе: ‘поскольку А, не может быть не-В’. Таким образом, семантика *то* в контексте союзов *поскольку*, *так как* и *раз* сводится к усилению логического вывода, выражаемого этими союзами, к акцентуации смысла: ‘не может быть так, чтобы из А не последовало В’. Так, примеры (136б—г) отличаются от аналогичных предложений без *то*, как кажется, более явственным акцентом на бесспорности, неизбежности соответствующего следствия. Ср.:

(139) (= (136б)) *Раз такова воля собрания, то он, Председатель, обязан и будет ее выполнять.*
vs.

(140) *Раз такова воля собрания, он, Председатель, обязан и будет ее выполнять.*

(141) (= (136в)) *Поскольку история получилась длинной, то приведено лишь несколько эпизодов.*
vs.

(142) *Поскольку история получилась длинной, приведено лишь несколько эпизодов.*

(143) (= (136г)) *Так как Сицилия считается центром всемирной мафии, то осмотр производился особенно строго.*

vs.

(144) *Так как Сицилия считается центром всемирной мафии, осмотр производился особенно строго.*

Отметим, что возникновение смысла ‘не-В’, эксплуатируемого показателем *то*, в контексте союзов *поскольку, так как* и *раз* обеспечивается наличием в их семантике условного компонента. Подтверждением служит тот факт, что причинные союзы, не отсылающие к условию, не порождают и импликации, содержащей компонент ‘не-В’. Сравним два предложения:

(145) а. *Поскольку Балтийское море мелкое, в жару оно быстро прогревается.*

б. *Оттого что Балтийское море мелкое, в жару оно быстро прогревается.*

В (145а) прочитывается импликация: ‘а могло бы не прогреться, если бы было глубокое’. Между тем (145б) аналогичной импликации не предполагает — по крайней мере, не предполагает с той же очевидностью.

Итак, под воздействием семантики союзов *поскольку, так как* и *раз* функция *то*, по сравнению с контекстом союза *если*, претерпевает закономерное изменение и сводится к акцентуации логического следствия, выражаемого этими союзами.

Обратимся теперь к функции *то* в контексте союза *когда*. Данный союз в некоторых случаях выступает как синонимичный союзу *если* [Урысон 2011: 34], ср. (146а) и (146б):

(146) а. *Если шел дождь, лепили на веранде из пластилина* [С. Довлатов. Чемодан (1986)].

б. *Когда шел дождь, лепили на веранде из пластилина.*

Конструкция *Когда А, (то) В*, как и конструкция *Если А, (то) В*, может имплицировать смысл ‘когда/если не-А, то не-В’. Однако, как демонстрирует Е. В. Урысон, в случае союза *если* этот смысл порождается собственно союзом, т. е. является ингерентным компонентом его значения, тогда как в предложении с *когда* он навязывается контекстом. Так, в контексте (147) соответствующий смысл можно усмотреть и в конструкции с *если* (а), и в конструкции с *когда* (б) (в (б) для этого требуется контрастивное выделение глагола *приходил*). Однако в контексте (148) только пример с *если* (а) содержит данный смысл, а пример с *когда* (б) подразумевает, что ‘мы всякий раз сдавали экзамен’, т. е. ситуация А регулярно имела место (примеры заимствованы из [Урысон 2011: 36—38]):

(147) а. *Если отец приходил домой, мы ужинали.*

б. *Когда отец приходил домой, мы ужинали.*

(148) а. *Если мы сдавали экзамен, сразу шли в кино.*

б. *Когда мы сдавали экзамен, сразу шли в кино.*

Как мы стремились показать выше, значение *то* в составе *если... то* в значительной степени обусловлено «снятой утвердительностью» условного контекста: благодаря тому, что в конструкции *Если А, (то) В* не утверждается истинность А, возникают противопоставления А vs. не-А, В vs. не-В и, далее, смыслы, которые мы приписываем союзу *если... то*: ‘не может быть так, чтобы было А, но не было В’; ‘не может быть так, чтобы было В, но не было А’. Раз союз *когда* в ряде контекстов синонимичен союзу *если*, можно думать, что и функция *то* в этих контекстах состоит в подчеркивании данных двух

смыслов. Если это верно, то введение *то* в предложение (1476) — при наличии контрастивного акцента на глаголе *приходил* — оборачивается подчеркиванием смыслов ‘не бывало так, чтобы отец приходил, а мы не ужинали’; ‘не бывало так, чтобы отец не приходил, а мы ужинали’. Ср. (знаком // обозначен контрастивный акцент):

(149) *Когда отец приходил// домой, то мы ужинали.*

Подчеркнем, что предполагаемое семантическое отличие (149) от (1476) слишком тонкое, чтобы аргументировать им наше описание союза *когда*. В случае союза *если* такая аргументация, напомним, была в большей степени косвенной: мы опирались не на минимальные пары типа (1476)—(149), а на тот факт, что предлагаемое описание позволяет объяснить особенности употребления *то* совместно с *если*. Аналогичный анализ союза *когда... то* остается за рамками настоящей работы.

Какова семантика *то* в контекстах, в которых *когда* не синонимичен *если*, т. е. ситуация А в конструкции *Когда А, то В* получает утвердительную модальность (ср. (1486))? Можно думать, что и здесь *то* служит все той же общей цели — акцентуации имплицитивного отношения, выражаемого союзом. Однако в этом случае значение *когда* сводится к констатации факта соприкосновения ситуаций А и В во времени, так что функция *то* оказывается максимально «выхоленной»: *то* подчеркивает, что ситуация А соприкасается во времени именно с ситуацией В, но не с ситуацией не-В. В соответствии с этим, примеру (136д), содержащему *когда... то* как раз в обсуждаемом значении, можно сопоставить следующую приблизительную интерпретацию:

(150) (= (136д)) *Когда зашел в клуб, то сразу бросилась в глаза Таня* ≈ ‘Ситуация ‘я зашел в клуб’ соприкоснулась во времени с ситуацией ‘бросилась в глаза Таня’; неверно, что ситуация ‘я зашел в клуб’ соприкоснулась во времени с ситуацией, отличной от ситуации ‘бросилась в глаза Таня’.

Обратимся, наконец, к союзу *пока... то*. В отличие от *когда*, союз *пока* ни в каком контексте не снимает утвердительность с вводимой им пропозиции: в *Пока А, (то) В* пропозиция А имеет истинностный статус (см. также сноску 34). Поэтому противопоставлений А vs. не-А и В vs. не-В (в том виде, в каком они возникают при *если* и *когда*) союз *пока* не порождает. Функция *то* в контексте *пока* получает близкое, но все же видоизмененное воплощение, обусловленное семантической спецификой этого союза. Дело в том, что союз *пока* представляет зависимую ситуацию как временной интервал, рамками которого ограничена главная ситуация [РГ 1980: § 2965]. Этим порождается следующее противопоставление: временной интервал, в который имеет место ситуация А и, следовательно, ситуация В, противопоставляется временному интервалу, в который А, а следовательно, и В, не имеют места. Таким образом, если в контексте союзов *если* и *когда* (а отчасти — также *поскольку*, *так как* и *раз*, см. выше) противопоставляются истинность А и не-А и В и не-В безотносительно временного интервала, то в контексте *пока* противопоставляются интервал, когда истинно А и В, и интервал, когда истинно не-А и не-В. В результате функция *то* сводится к акцентуации данного противопоставления, т. е. к акцентуации смысла: ‘в интервал времени, когда А истинно, В тоже истинно; в интервал, когда истинно не-А, истинно не-В’. Так, предложению (136е) с *пока... то* можно сопоставить следующую интерпретацию:

(151) (= (136е)) *Пока по льду едешь, то сани так с бугра на бугор и кидает* [М. Волошин. Суриков (1916)] ≈ ‘В период времени, когда едешь по льду, сани кидает с бугра на бугор, а когда по льду не едешь — не кидает’.

В отсутствие *то* смысл ‘когда не А, то не В’ в значении конструкции *Пока А, В*, по видимому, также присутствует — подобно тому, как конструкция *Если А, В* (без *то*) имплицитно ‘не-А→не-В’. Однако функция *то* состоит в акцентуации данного смысла, в выведении его на более осязаемый уровень. Так, элиминация *то* из предложения (151) = (136е) оборачивается, как кажется, затемнением соответствующего смысла:

(152) *Пока по льду едешь, сани так с бугра на бугор и кидает.*

Сказанным мы завершаем ответ на поставленный выше вопрос 1. Как мы надеялись показать, общая функция *то* в составе союзов *если... то, ежели... то, так как... то, поскольку... то, раз... то, когда... то* и *пока... то* одна и та же (акцентуация имплицативного отношения, выражаемого союзом), однако под влиянием семантики конкретных союзов она получает разное воплощение.

Обратимся к вопросу 2 о соотносительной частотности вариантов с *то* и без *то* для разных союзов.

В таблицах 2 и 3 представлены результаты поиска соответственно в основном и синтаксическом корпусе НКРЯ. Отметим, что из поиска по основному корпусу мы исключили союз *раз*, поскольку результат мог бы быть недостоверен ввиду омонимии союза с существительным. В синтаксическом корпусе оказался технически невозможен поиск составных союзов, ввиду чего вне рассмотрения остался союз *так как*.

Таблица 2

**Соотносительная частотность вариантов с *то* и без *то*
для союзов *ежели, если, так как, поскольку, когда, пока* (основной корпус)**

СОЮЗ	Количество вхождений с <i>то</i> ²⁹	Всего в корпусе	% вхождений с <i>то</i>
<i>ЕЖЕЛИ</i>	2 582	17 344	14,89%
<i>ЕСЛИ</i>	57 175	412 874	13,85%
<i>ТАК КАК</i>	3 066	56 184 ³⁰	5,46%
<i>КОГДА</i>	13 449	464 683	2,89%
<i>ПОСКОЛЬКУ</i>	693	26 446	2,62%
<i>ПОКА</i>	346	105 075	0,33%

Таблица 3

**Соотносительная частотность вариантов с *то* и без *то*
для союзов *ежели, если, раз, поскольку, когда, пока* (синтаксический корпус)**

СОЮЗ	Количество вхождений с <i>то</i> ³¹	Всего в корпусе	% вхождений с <i>то</i>
<i>ЕЖЕЛИ</i>	3	8	37,50%
<i>ЕСЛИ</i>	607	1 643	26,98%
<i>РАЗ</i>	10	29	25,64%
<i>КОГДА</i>	58	1 004	5,46%
<i>ПОСКОЛЬКУ</i>	13	230	5,35%
<i>ПОКА</i>	0	152	0%

Как видим, данные двух корпусов в целом совпали. По частотности употреблений с *то* союзы делятся на три группы. Первую составляют союзы *ежели, если* и *раз*, для которых употребление с *то* наиболее частотно. Во вторую группу входят *поскольку, так как* и *когда*, «средние» по частотности *то*. Наименьшая частотность варианта с *то* у союза *пока*.

Объясним наблюдаемое соотношение частотности, опираясь на предложенную трактовку *то*.

²⁹ Пример запроса: «“поскольку” CONJ на расстоянии от 1 до 6 от “то” асомма».

³⁰ Запрос: «“так” на расстоянии 1 от “как” –amark».

³¹ Пример запроса: «‘если’ ‘то’ со связью соотнос».

Согласно нашей гипотезе, компонент *то* служит для контрастивного подчеркивания импlicative отношения, выражаемого союзом, т. е. для акцента на следующих смыслах: ‘верно, что А и В связаны данным импlicative отношением’; ‘неверно, что А и В не связаны данным импlicative отношением’. Встав на такую позицию, априори можно было ожидать, что последний смысл так или иначе вовлечет в поле зрения Говорящего ситуации не-А и не-В. И действительно, смысл ‘неверно, что А и В не связаны данным импlicative отношением’, как мы надеялись показать на материале союза *если*, получает в языке следующее развитие: ‘неверно, что отличные от А и В ситуации — ситуации не-А и не-В — связаны данным импlicative отношением’. Неудивительно, что подобное развитие оказалось наиболее востребованным именно в контексте условных союзов: эти союзы создают снятую утвердительность, т. е. как раз противопоставление А vs. не-А и В vs. не-В. Таким образом, максимальная частотность *то* при данных союзах согласуется с нашим представлением о семантике *то*.

На первый взгляд, в предлагаемую картину не укладывается поведение союза *раз*. По своему лексическому значению *раз* ближе к *поскольку* и *так как*, чем к *если*, отсюда можно было бы ожидать и близкого к *поскольку* и *так как* уровня частотности *то*. Однако, как видно из таблицы 3, по частотности *то* союз *раз* примыкает к *если*.

Разгадка кроется, как кажется, в тонких семантических особенностях союза *раз*. Согласно [Панова, Хадарцев 2000], данный союз маркирует известность Слушающему (но не Говорящему!) вводимой им ситуации, тогда как *поскольку* и *так как* маркируют известность соответствующей ситуации Говорящему. Так, реплика *Раз сегодня холодно, мы останемся дома* уместна как реакция на сообщение о погоде, услышанное от только что пришедшего гостя. В этом случае пропозиция ‘сегодня холодно’ известна гостю, но сам автор реплики с союзом *раз* еще не вполне «вступил во владение» соответствующей информацией³². Между тем союзы *поскольку* и *так как* в аналогичном контексте неуместны: предложение *Поскольку (Так как) на улице холодно, мы останемся дома* допустимо в устах человека, уже владеющего данной информацией, но не того, кто только-только ею овладевает. Данная коммуникативная специфика союза *раз* сближает его с условными союзами. В самом деле, снятая утвердительность, характерная для условного контекста, как раз означает, что Говорящему неизвестен истинностный статус посылки. Таким образом, условный союз маркирует неизвестность Говорящему истинностного статуса посылки, *поскольку* и *так как* — известность этого статуса, а *раз* располагается посередине, маркируя известность соответствующего статуса Слушающему, но не обязательно — Говорящему (см. этот вывод в [Панова, Хадарцев 2000: 166])³³.

Итак, *раз* сближается с *если* и удаляется от *поскольку* и *так как* именно в том, что мы назвали существенным для употребления *то*: в истинностном статусе вводимой союзом ситуации. Следовательно, высокая частотность *то* в контексте *раз* объяснима в рамках предлагаемого описания.

Обратимся ко второй по частотности *то* группе союзов: *поскольку*, *так как* и *когда*. Их промежуточное положение между условными союзами, с одной стороны, и союзом *пока*, с другой, объяснимо на основе представленного выше анализа данных союзов. Для *поскольку* и *так как* более низкая, по сравнению с *если* и *ежели*, частотность *то* объясняется тем, что в контексте *поскольку* и *так как* А получает утвердительную модальность, не образуя противопоставления А vs. не-А (подробнее см. выше). Для *когда* частотность

³² Новую информацию, только что полученную Говорящим, обычно не относят к фонду его знаний, см. [Панова, Хадарцев 2000: 165; Akatsuka 1985].

³³ О союзе *раз* имеется значительная литература, см. [Иорданская 1988; Санников 2001; Урысон 2011: 45—64]. В контексте настоящей работы, однако, наиболее плодотворным представляется подход к описанию *раз*, разработанный в [Панова, Хадарцев 2000], поскольку он позволяет на основе одного и того же параметра охарактеризовать отличие *раз* от *поскольку* и *так как*, с одной стороны, и сходство *раз* с *если*, с другой.

то ниже потому, что *когда* лишь в определенных контекстах синонимичен *если*, а в других контекстах также навязывает А истинностный статус.

Вместе с тем, все три союза имеют существенные основания для сочетания с *то*. Для *поскольку* и *так как* эти основания обеспечиваются условным компонентом в значении союзов, создающим противопоставление В vs. не-В (подробнее см. выше). Для *когда* основанием служит синонимия (в определенных контекстах) с союзом *если*.

Союз *пока* между тем не создает ни противопоставления А vs. не-А, ни противопоставления В vs. не-В: обе клаузы в предложении с этим союзом всегда получают утвердительную модальность (в отличие от *если*, *когда*); в значении *пока* не содержится условного компонента (в отличие от *поскольку*, *так как* и *раз*)³⁴. Этим объясняется самая низкая позиция данного союза в таблицах 2 и 3. Тем не менее, некоторое смещенное противопоставление — не самих ситуаций А vs. не-А, В vs. не-В, а временных интервалов, в которые эти ситуации истинны — в контексте союза *пока* реализуется. Поэтому *пока* все-таки сочетается с *то*, пусть и реже других союзов.

На этом мы завершаем рассмотрение поставленного выше вопроса 2. Нам остается ответить на вопрос 3: почему прочие союзы не сочетаются с *то*.

Причина, по-видимому, в том, что другие союзы не дают оснований ни для противопоставлений А vs. не-А, В vs. не-В, ни для какого-то смещенного осмысления этих противопоставлений, как в случае с союзом *пока*. Обосновать данное утверждение в общем виде — для всех вообще союзов — не представляется возможным. Конкретизируем его для двух союзов, упомянутых выше, — *оттого что* и *хотя*.

Для удобства изложения повторим примеры, иллюстрирующие несочетаемость *оттого что* и *хотя* с *то*:

(153) (= (137)) *Оттого что Клара знала теперь его невзгоды, (*то) его вялая улыбка сжимала ее сочувствием* [А. Солженицын. В круге первом (1968) // «Новый мир»].

(154) (= (138)) *Хотя врачами определяется всего 3 степени опьянения (кроме перечисленных, еще и легкая), (*то) милиционеры, тонко чувствующие потребности сограждан, выделяли еще одну — «лежащую»* [С. Николаев. Трезвяк, каким он был (2003) // «Богатей» (Саратов)].

В конструкции *Оттого что А, В* обеим пропозициям А, В соответствует утвердительная модальность. В отличие от союза *поскольку*, *оттого что* не содержит отсылки к какому-то общему положению дел, удачно формулируемому посредством условной конструкции (см. обсуждение примеров (145а, б)). Соответственно, в контексте *оттого что* не рождается смыслов, эксплуатируемых, по нашему предположению, компонентом *то*.

Союз *хотя* представляет особый интерес. Дело в том, что *хотя* как раз содержит указание на некоторое общее положение дел и поэтому традиционно толкуется через условный смысл (см. [Урысон 2011]). Так, в предложении (154) подразумевается следующее «ожидание»: ‘если врачи определяют три степени опьянения, то и все остальные, в частности милиционеры, определяют столько же’. Раз *хотя*, подобно *поскольку*, содержит в своем значении условный компонент, почему же *хотя* не употребляется с *то*? Очевидно, потому, что имплицативное отношение, выражаемое *хотя*, состоит в о т р и ц а н и и соответствующей условной связи, тогда как семантика *поскольку* состоит, наоборот, в п о д т в е р ж д е н и и ее. В самом деле, в (154) говорится, что в данном случае — вопреки ожиданию — милиционеры выделяли больше степеней опьянения, чем врачи. Если в контексте *поскольку*

³⁴ Утвердительная модальность пропозиции, вводимой *пока*, имеет место и при сочетании этого союза с частицей *не*, ср.: *Пока в мире не существует автоматических карманных переводчиков, то должны применяться языки межнациональной коммуникации* [обобщенный. Язык мой? // «Вокруг света» (1990)]. Здесь истинностный статус имеет пропозиция ‘в мире не существует автоматических карманных переводчиков’. Рамками временного интервала, в котором эта пропозиция истинна, ограничена (в соответствии с общим значением союза *пока*) главная ситуация ‘должны применяться языки межнациональной коммуникации’. О композиционности сочетания *пока* и *не* см. [Падучева 2014].

компонент *то* подчеркивает логическое следование, образованное на основе соответствующего условного компонента, то в контексте *хотя* подчеркивать нечего: релевантность общего положения дел, выраженного в условном компоненте, обесценивается семантикой *хотя*.

Подведем итог. Предлагаемое описание *то* в составе союза *если... то* может быть перенесено на другие союзы, сочетающиеся с *то*: *ежели, поскольку, так как, раз, когда, пока*. Те модификации, которые претерпевает в контексте этих союзов семантика *то*, объяснимы закономерным воздействием семантики конкретных союзов. Данным подходом объясняется, кроме того, соотносительная частотность вариантов с *то* и без *то* для разных союзов, а также несочетаемость с *то* других союзов, в частности, *оттого что* и *хотя*.

Заключение

Согласно представленному описанию, компонент *то* в составе двойных союзов служит для контрастивного усиления имплицативного отношения, выражаемого союзом. По причинам, изложенным в разделе 3, наиболее полно такое усиление реализуется в контексте условных союзов. *То* в составе конструкции *Если/Ежели А, то В* порождает акцент на следующих смыслах: ‘не может быть так, чтобы было А, но не было В’; ‘не может быть так, чтобы было В, но не было А’.

Однако без поддержки контекста данные тонкие смыслы «тонут» в общей семантике условной конструкции, сливаясь со значением собственно условного союза. Вот почему экспликация семантики *то* сопряжена с трудностями. Решение этих трудностей мы видели на пути анализа контекстов, подчеркивающих и как бы высвечивающих предполагаемую функцию *то*.

Оказалось, что разные контексты высвечивают разные аспекты в значении *то*. Так, контексты «широкого эллипсиса» (см. раздел 2.2) и презумпции «неравенства сил» (см. раздел 2.3) эксплуатируют смысл ‘не может быть так, чтобы было А, но не было В’, входящий, по нашему предположению, в значение *то*; а, скажем, контекст контраста на придаточном (см. раздел 2.4) подчеркивает другой смысл, порождаемый использованием *то*, — ‘не может быть так, чтобы было В, но не было А’.

Указанную функцию компонента *то* мы выше назвали собственно семантической. Наряду с ней, у *то* имеется независимая семантико-синтаксическая функция, общая, по видимому, для всех коррелятивных компонентов двойных подчинительных союзов: такие компоненты создают своего рода семантико-синтаксическую симметрию между главной клаузой и зависимой.

Факт независимости двух функций представляется существенным. Его иллюстрацией служит конструкция с союзом *если* в сопоставительном, а не условном значении (см. о ней раздел 2.2). В самом деле, к сопоставительному отношению вряд ли вообще применим термин «имплицативный» — такое отношение не несет в себе никакого компонента каузальности, обусловленности, логического или пространственно-временного взаимодействия. Тем самым, о собственно семантической функции *то* в контексте сопоставительного *если* не приходится говорить: *то* здесь служит, как представляется, исключительно маркером семантико-синтаксической симметрии.

Две функции *то* могут конкурировать друг с другом. Так иногда происходит, по видимому, при сочетании *если... то* с частицей *даже*.

С одной стороны, уступительная семантика *даже* вступает в противоречие с предполагаемой собственно семантической функцией *то*, сообщая условной конструкции значение, противоположное значению *то*.

Так, в предложении

(155) *Даже если у меня есть свое мнение, я готов выслушать и другие точки зрения* (Яндекс).

даже служит для выражения следующей идеи: ‘можно было бы ожидать, что если у меня есть свое мнение, я не готов слушать другие точки зрения; но это не так’ (о семантике условно-

уступительных конструкций см., например, [König 1991: 79—83]). Таким образом, *даже если А, В* имплицитно означает ‘если А, не обязательно В’, тогда как *то*, по нашему предположению, выражает обратный смысл: ‘не может быть так, чтобы было А, но не было В’. Неудивительно, поэтому, что *то* в контексте (155) неуместен:

(156) ^{??}*Даже если у меня есть свое мнение, то я готов выслушать и другие точки зрения.*

С другой стороны, однако, в контексте *даже* могут действовать факторы, эксплуатирующие вторую — семантико-синтаксическую — функцию *то*. В следующем примере таким фактором служит «широкий эллипсис», требующий наличия *то* (см. подробнее раздел 1.1):

(157) *Даже если погибну, *(то) не зря* [коллективный. 17 мгновений весны (2005—2010)].

Здесь семантико-синтаксическая функция *то* «побеждает» собственно семантическую³⁵.

В качестве аналогии уместным кажется упомянуть свойства компонента *то* в составе совсем другой грамматической конструкции — *то* в сочетании с союзом *что*, вводящим сентенциальный актанта, ср.:

(158) *То, что Америку открыл Колумб, знает даже двоечник* [А. Алексеев. Легенда об одиноком герое // «Наука и жизнь» (2009)].

Известно, что возможность употребить *то* в составе данной конструкции регулируется разными, иногда противоречивыми, факторами. Так, согласно [Кобозева 2013], *то* маркирует информацию, сообщаемую в сентенциальном актанта, как данное. Этому описанию, однако, как будто противоречат некоторые матричные глаголы, чей сентенциальный актанта, с одной стороны, преимущественно соответствует новому, а с другой стороны — всегда вводится посредством *то*. Ср. глаголы *состоять (в том, что)*, *сводиться (к тому, что)* и т. п.:

(159) *Удобство программы состояло в *(том), что пользователи продолжали работать с таблицами Excel* [В. Кулаков. Уральский САПФИР // «Computerworld» (2004)].

В действительности, как кажется, примеры типа (159) не опровергают трактовку *то* в составе *то, что* как маркера определенного коммуникативного статуса придаточного. Просто в таких случаях в игру вступает другая — независимая и, по-видимому, более «сильная» — функция *то*: *то* обеспечивает морфологическую реализацию падежа, приписываемого предлогом, которым, в свою очередь, управляет матричный глагол³⁶.

Таким образом, взгляд на компонент *то* как на многофункциональный элемент, чьи функции могут реализовываться независимо друг от друга, находит подтверждение и за пределами двойных подчинительных союзов.

³⁵ В НКРЯ встречаются сочетания *даже если* с *то* и в неэллиптических контекстах, в которых семантико-синтаксическая функция *то* вроде бы ни при чем, ср.:

Даже если корпус устойчив, то все, что находится внутри, подвергнется значительным нагрузкам [коллективный. Флексиблюз (2011)].

Можно предполагать, что *то* употреблен здесь для акцентуации бесспорности главной ситуации. Эту последнюю функцию разумно трактовать как модификацию собственно семантической функции *то*, которая в своем исходном виде, как выше показано, противоречит семантике частицы *даже*. Подтверждением этой гипотезы служит то, что наличие в главной клаузе модальных выражений типа *наверняка, все равно* повышает приемлемость *то* в контексте *даже*, ср. следующие контрастные примеры:

(i) *Даже если у меня есть свое мнение, (^{??}то) я готов выслушать и другие точки зрения.*

(ii) *Даже если у меня есть свое мнение, ^{ок}то все равно я готов выслушать и другие точки зрения.*

Дальнейшее исследование вопроса остается за рамками работы.

³⁶ Упоминание об этой функции *то*, правда в других терминах, см. в [Исакадзе, Кобозева 1997: 154].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1988 — Апресян Ю. Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. С. 10—22. [Apresjan Yu. D. Types of communicative information for the explanatory dictionary. *Yazyk: sistema i ee funktsionirovanie*. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 10—22.]
- Апресян, Пекелис 2011 — Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Союз. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (Русграм, <http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011. [Apresjan V. Yu., Pekelis O. E. *Conjunction. Materials for the project of the Russian grammar corpus-based description* (Rusgram, <http://rusgram.ru>). Moscow, 2011. (in Russ., unpublished).]
- Гладкий 1982 — Гладкий А. В. О значении союза ЕСЛИ // Семиотика и информатика. Вып. 18. М.: ВИНТИ, 1982. С. 43—76. [Gladkii A. V. About the meaning of conjunction ESLI. *Semiotika i informatika*. No. 18. Moscow: VINITI, 1982. Pp. 43—76.]
- Зализняк 1992 — Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner Verlag, 1992. [Zaliznyak Anna A. *Issledovaniya po semantike predikativ vnutrennego sostoyaniya* [A study of semantics of internal state predicates]. München: Otto Sagner Verlag, 1992.]
- Земская 2004 — Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 3-е изд. М.: Флинта, Наука, 2004. [Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial language: linguistic analysis and the problems of study]. 3rd edition. Moscow: Flinta, Nauka, 2004.]
- Иорданская 1988 — Иорданская Л. Н. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian linguistics. 1988. Vol. 12. С. 239—267. [Semantics of the Russian conjunction *raz* (in comparison with other Russian conjunctions). *Russian linguistics*. 1988. Vol. 12. Pp. 239—267.]
- Исакадзе, Кобозева 1997 — Исакадзе Н. В., Кобозева И. М. Генеративная грамматика и русистика: проблемы падежа и вида // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: Издательство МГУ, 1997. [Isakadze N. V., Kobozeva I. M. Generative grammar and Russian linguistics: problems of case and aspect. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoi amerikanskoi lingvistiki*. Moscow: Moscow State Univ., 1997.]
- Кобозева 2013 — Кобозева И. М. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что» // Inkova O. (éd.). *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Bern: Peter Lang, 2013. Pp. 129—148. [Kobozeva I. M. Conditions of use of *to* before the complement clause with conjunction *chto*. *Du mot au texte. Études slavo-romanes*. Inkova O. (éd.). Bern: Peter Lang, 2013. Pp. 129—148.]
- Латышева 1982 — Латышева А. Н. О семантике условных, причинных и уступительных союзов в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1982. № 5. С. 51—59. [Latysheva A. N. Semantics of conditional conjunctions, conjunctions of reason and concessive conjunctions in Russian. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 1982. No. 5. Pp. 51—59.]
- Николаева 2013 — Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). 3-е изд. (1-е изд. — 1985 г.). М.: КД Libroком, 2013. [Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [Functions of particles in the utterance (based on the material of Slavic languages)]. 3rd edition (1st edition — 1985). Moscow: Librocom Book House, 2013.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- НОСС 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Апресяна Ю. Д. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Under general supervision of acad. Apresjan Yu. D. 2nd edition. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2003.]
- Падучева 1985 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. [Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Utterance and its relationships with reality]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Падучева 2005 — Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 17—42. [Paducheva E. V. Effects of suspended assertion: global negation. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2005. No. 2 (10). Pp. 17—42.]
- Падучева 2014 — Падучева Е. В. Эксплетивное отрицание и семантика союза *пока* // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. Даниэля М. А., Лютиковой Е. А., Плунгяна В. А. (гл. ред.), Татевосова С. Г., Федоровой О. В. СПб.: Алетейя, 2014.

- C. 339—350. [Paducheva E. V. Expletive negation and semantics of the conjunction *poka*. *Yazyk. Konstany. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. Daniel' M. A., Lyutikova E. A., Plungian V. A. (chief ed.), Tatevosov S. G., Fedorova O. V. (eds). St. Petersburg.: Aleteiya, 2014. Pp. 339—350.]
- Панова, Хадарцев 2000 — Панова Ю. Н., Хадарцев О. А. Эпистемический статус как параметр типологической классификации имплицативных конструкций (на материале русского и персидского языков) // Латышева А. Н., Цветкова Т. М. (ред.). Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Вып. 1. М.: Рус. учеб. центр МС, 2000. [Panova Yu. N., Khadartsev O. A. Epistemic status as a parameter of typological classification of implicative constructions (based on material of Russian and Farsi). *Slozhnoe predlozhenie: traditsionnye voprosy teorii i opisaniya i novye aspekty ego izucheniya*. No. 1. Latysheva A. N., Tsvetkova T. M. (eds). Moscow: International Cooperation Russian Learning Centre, 2000.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. II / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: in 2 vol. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Ружичка 1986 — Ружичка Р. Функционирование и классификация пустых категорий в русском литературном языке // *Zeitschrift für Slawistik*. 1986. Bd 31. № 3. S. 388—392. [Růžička R. Functioning and classification of empty categories in Standard Russian. *Zeitschrift für Slawistik*. 1986. Bd 31. No. 3. S. 388—392.]
- Санников 2001 — Санников В. З. Еще раз о союзе РАЗ // Сборник статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Sannikov V. Z. Conjunction RAZ revisited. *Sbornik statei k 80-letiyu Mikhaila Viktorovicha Panova*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2001.]
- Санников 2008 — Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. [Sannikov V. Z. *Russkii sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve* [Russian syntax in semantic and pragmatic space]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. [Testelets Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Тестелец 2011 — Тестелец Я. Г. Падеж как признак идентичности при эллипсисе в русском языке // Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог'2011». М.: РГГУ, 2011. [Testelets Ya. G. Case as a mark of identity in ellipsis in Russian. *Mezhdunarodnaya konferentsiya po komp'yuternoj lingvistike i intellektual'nym tekhnologiyam «Dialog'2011»*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Урысон 2011 — Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. [Uryson E. V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [An attempt of description of conjunctions semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2011.]
- Янко 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянских культур, 2001. [Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of the Russian speech]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2001.]
- Akatsuka 1985 — Akatsuka N. Conditionals and the epistemic scale. *Language*. 1985. Vol. 63. No. 3. Pp. 625—639.
- Bhatt, Pancheva 2006 — Bhatt R., Pancheva R. Conditionals. *The Blackwell companion to syntax*. Vol. 1. Everaert M., van Riemsdijk H. (eds). Oxford: Blackwell, 2006. Pp. 638—687.
- Borer 1980 — Borer H. Empty subjects in Modern Hebrew and constraints on thematic relations. *Proc. of 10th Annual meeting of the North Eastern linguistic society, Cahiers linguistiques d'Ottawa* 9. Jensen J. T. (ed.). Ottawa: University of Ottawa, 1980. Pp. 25—37.
- Cristofaro 2003 — Cristofaro S. *Subordination*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Crnič 2008 — Crnič L. Correlatives, conditionals and contrast. *Proc. of FASL*. Antonenko A., Bailyn J., Bethin C. (eds). 2008. Vol. 16.
- Culicover, Jackendoff 1997 — Culicover P. W., Jackendoff R. Semantic subordination despite syntactic coordination. *Linguistic inquiry*. 1997. Vol. 28. No. 2. Pp. 195—217.
- Foley, Van Valin 1984 — Foley W., Van Valin R. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Franks 1995 — Franks S. *Parameters of Slavic morphosyntax*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Geis, Zwicky 1971 — Geis M., Zwicky A. On invited inferences. *Linguistic inquiry*. 1971. Vol. 2. Pp. 561—566.

- Geis 1985 — Geis M. The syntax of conditional sentences. *Studies in generalized phrase structure grammar*. Geis M. (ed.). Columbus (OH): Department of Linguistics, OSU, 1985. Pp. 130—159.
- Holmberg, Nikanne 1994 — Holmberg A., Nikanne U. Expletives and subject positions in Finnish. *Proc. of the North East linguistic society*. Gonzalez M. (ed.). Amherst: GLSA, 1994. Vol. 24. Pp. 173—187.
- Iatridou 1994 — Iatridou S. On the contribution of conditional *then*. *Natural language semantics*. 1994. Vol. 2. Pp. 171—199.
- Kehler 2002 — Kehler A. *Coherence, reference and the theory of grammar*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2002.
- König 1991 — König E. *The meaning of focus particles*. London: Routledge, 1991.
- Podlesskaya 1997 — Podlesskaya V. I. Syntax and semantics of resumption: some evidence from Russian conditional conjuncts. *Russian linguistics*. 1997. Vol. 21. Pp. 125—155.
- van Oirsouw 1987 — van Oirsouw R. *The syntax of coordination*. London: Croom Helm, 1987.
- Verstraete 1999 — Verstraete J.-C. The distinction between epistemic and speech act conjunction. *Belgian essays on language and literature*. 1999. Pp. 119—130.
- Verstraete 2005 — Verstraete J.-C. Two types of coordination in clause combining. *Lingua*. 2005. Vol. 115. No. 4. Pp. 611—626.
- Yuasa, Sadock 2002 — Yuasa E., Sadock J. M. Pseudo-subordination: A mismatch between syntax and semantics. *Journal of linguistics*. 2002. Vol. 38. No. 1. Pp. 87—111.

Статья поступила в редакцию 03.09.2014.

ДИСТАНТНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В ТАБАСАРАНСКОМ ЯЗЫКЕ*

© 2015 г. Наталья Константиновна Богомолова

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия
n.bogomolova@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются инфинитивная и деепричастная конструкции с глаголом ‘хотеть’ в табасаранском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи). В этих конструкциях возможно дистантное согласование по лицу между местоимением, находящимся в зависимой клаузе, и матричным глаголом. В статье описаны параметры, влияющие на возможность дистантного согласования, и показано, что поведение этих конструкций в табасаранском языке не объясняется существующими синтаксическими подходами к анализу этого явления в других языках.

Ключевые слова: табасаранский язык, глагольное согласование с личными местоимениями, дистантное согласование с личным аргументом в конструкциях с глаголом ‘хотеть’

LONG-DISTANCE AGREEMENT IN TABASARAN

Natal'ya K. Bogomolova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia
n.bogomolova@mail.ru

This paper investigates the infinitive and converb constructions with the verb ‘want’ in Tabasaran (Lezgian branch of the East Caucasian family). In these constructions agreement across clausal boundaries from infinitive and converb complement clauses is possible where a first or second person argument in the dependent clause can control agreement on the matrix finite verb. This study focuses on parameters that regulate the possibility of long-distance agreement in these constructions and shows that Tabasaran data cannot be accounted for by existing theoretical approaches to long-distance agreement.

Keywords: Tabasaran, personal agreement, infinitive and converb constructions, long-distance agreement across clausal boundaries

1. Введение

В табасаранском языке представлены две параллельные системы маркирования личных аргументов. Первая система включает местоимения первого и второго лица, вторую систему образуют личные показатели, присоединяемые к финитной форме глагола. Глагольные местоименные показатели в большинстве случаев фонетически совпадают с формами соответствующих им личных местоимений (с точностью до регулярной редукции гласных). Обычно такое присоединение личного показателя к глаголу рассматривается как согласование, контролируемое местоимением первого или второго лица, находящимся в том же предложении [Магомедов 1955; 1965; Ханмагомедов 1970; Кибрик, Селезнев 1982]. В следующих примерах показаны случаи параллельного употребления местоимения и соответствующего

* Используемые в статье языковые данные относятся к говору с. Джули (северный диалект, Табасаранский район Республики Дагестан) и были собраны в 2008—2013 гг. Я приношу глубокую благодарность своему информанту Тажиру Гаджимагомедову, а также Д. С. Ганенкову, Т. А. Майсаку и Н. Р. Сумбатовой за обсуждение и комментарии к более ранней версии этой статьи. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 12-34-01255).

ему глагольного показателя в простом предложении, где глагольный маркер копирует местоименный аргумент, включая его лицо, число и падежную форму.

- (1) **rasul** **izu-x-na** **gi-di-zu-x-na**
 Расул(ABS) я-AD-LAT приходить-FUT-1SG-AD-LAT
 ‘Расул ко мне придет’.
- (2) **ivu-q** **q'u^h-g** **baj** **q-a-vu-q**
 ты-POST два-NN мальчик(ABS) POST-быть-2SG-POST
 ‘У тебя два сына’.
- (3) **iĉ-x-an** **guruška** **u^h<v>vu^h-nu-ĉ-x-an**
 вы-AD-ELAT кружка(ABS) <N>разбить-PFT-2PL-AD-ELAT
 ‘Вы разбили кружку’.

Такое согласование между личным местоимением и глаголом возможно не только в рамках клаузы, но также и в сложноподчиненном предложении между матричным глаголом и местоимением, находящимся в зависимой клаузе.

Известно, что одним из основных критериев канонического согласования является его локальность [Corbett 2003: 162]. Наиболее типичной для языков мира считается такая модель, при которой контролер согласования, т. е. единица, несущая согласовательные признаки (обычно род, число, падеж), и его мишень, т. е. единица, наследующая их, находятся в одной локальной области, например в одной клаузе. Несмотря на то что большинство случаев согласования в языках мира, по-видимому, соответствует этому критерию, в ряде языков все же были зафиксированы примеры дистантного согласования, при котором контролер и мишень находятся в разных клаузах (см. краткий обзор в [Тестелец 2001: 401], а также, например, в [Bhatt 2005] анализ дистантного согласования в хинди).

Нелокальное согласование ранее было обнаружено и в нескольких языках нахско-дагестанской семьи, родственных табасаранскому: арчинском [Кибрик 2005: 37], цахурском [Кибрик 1999: 371], цезском [Polinsky, Potsdam 2001], годоберинском [Haspelmath 1999], и, по-видимому, характерно для этой семьи в целом. Дистантным в этих языках может быть согласование по именному классу, при котором именная группа в абсолютиве, находящаяся в зависимой клаузе, контролирует согласовательный показатель в составе матричного глагола.

Дистантное согласование по классу также засвидетельствовано в диалектах табасаранского языка. В говоре селения Джули (северный диалект) оно возможно в конструкциях с деепричастной клаузой, где имя, стоящее в абсолютиве в зависимом предложении, может контролировать классный показатель на матричном глаголе. В примере (4а) показан стандартный случай согласования главного глагола со всей зависимой клаузой, когда глагол принимает классный показатель неодушевленного класса единственного числа. В примере же (4б), напротив, глагол несет классный показатель одушевленного класса, контролируемый из зависимой клаузы одушевленным аргументом в абсолютиве.

- (4a) **k_oc'1-ar.i-s** **šeʔ.ru** **rasul** **d-ilsun-di** **a^h<v>q:u^h-nu**
 собака-PL-DAT медведь(ERG) Расул(ABS) NN-ЛОВИТЬ-IPFCONV <N>ВИДЕТЬ-PFT
 ‘Собаки видели, как медведь ловил Расула’.
- (4б) **k_oc'1.i-s** **šeʔ.ru** **baj-ar** **d-ilsun-di** **a^h<r>q:u^h-nu**
 собака-DAT медведь(ERG) мальчик-PL(ABS) NN-ЛОВИТЬ-IPFCONV <NN>ВИДЕТЬ-PFT
 ‘Собака видела, как медведь ловил мальчиков’.

Кроме того, в табасаранском языке представлена не менее интересная разновидность дистантного согласования, а именно: нелокальным здесь также может быть и согласование по лицу. Подобное явление, насколько нам известно, ранее не отмечалось в языках данной семьи.

В настоящей статье мы сосредоточимся на двух типах конструкций с экспериенциальным глаголом ‘хотеть’, требующим при себе инфинитивный или деепричастный оборот. В том

случае, когда субъект матричного глагола совпадает с субъектом зависимой клаузы, в табасаранском языке используется инфинитивная конструкция, как в примере (5). Если же субъекты главной и зависимой клауз различаются, то употребляется деепричастный оборот, см. (6).

Инфинитивная конструкция

- (5) *rasul.di-s ivu-qri gaf-ar ap'u-s k:un-da*
 Расул-ДАТ ты-СОМТ слово-PL(ABS) делать-INF хотеть-PRS
 ‘Расул хочет поговорить с тобой’.

Деепричастная конструкция

- (6) *gaga.ji-s murad.li ivu-qri gaf-ar ap'-nu k:un-da*
 папа-ДАТ Мурад(ERG) ты-СОМТ слово-PL(ABS) делать-PFCONV хотеть-PRS
 ‘Папа хочет, чтобы Мурад с тобой поговорил’.

В таких конструкциях нас в первую очередь интересует поведение личных местоимений. И в том, и в другом примерах при наличии определенных дискурсивных условий¹ местоимение зависимой клаузы может повторяться в виде личного показателя на матричном глаголе ‘хотеть’. Дублирование происходит точно так же, как в простом предложении, см. примеры (1)—(3). В примере (7) местоимение первого лица в одном из локативных падежей² *izuqri*, находящееся в инфинитивной клаузе, контролирует личный показатель *-zuqri* на матричном глаголе. Пример (8) демонстрирует то же самое явление, но с местоимением второго лица *ivuqri* в деепричастной клаузе, которое повторяется на матричном предикате в виде показателя *-vuqri*.

- (7) *rasul.di-s ivu-qri gaf-ar ap'u-s k:un-da-zu-qri*
 Расул-ДАТ я-СОМТ слово-PL(ABS) делать-INF хотеть-PRS-1SG-СОМТ
 ‘Расул хочет поговорить со мной’.
- (8) *gaga.ji-s murad.li ivu-qri gaf-ar ap'-nu k:un-da-vu-qri*
 папа-ДАТ Мурад(ERG) ты-СОМТ слово-PL(ABS) делать-PFCONV хотеть-PRS-2SG-СОМТ
 ‘Папа хочет, чтобы Мурад с тобой поговорил’.

В следующем разделе мы рассмотрим согласование личных местоимений с глаголом в простом предложении. Третий раздел посвящен теоретическим подходам к анализу дистантного согласования в языках мира. В четвертом разделе будет показано, что табасаранское дистантное согласование не поддается анализу в рамках предлагаемых моделей. В пятом разделе подробно описываются свойства инфинитивной и деепричастной конструкций и условия возникновения дистантного согласования в них. В заключении подводятся итоги.

2. Личное согласование в простом предложении

Прежде всего вкратце опишем основные условия, при которых возникает согласование финитного глагола с личным местоимением в простом предложении (см. также [Кибрик, Селезнев 1982]; о согласовании в говоре селения Межгюль [Богомолова 2012]).

В простом предложении личное местоимение, находящееся в позиции субъекта³, обязательно вызывает согласование глагола. В примерах (9)—(10) местоименный субъект

¹ Об этих условиях на материале личного согласования в простом предложении см. [Богомолова 2012].

² Комитативное значение выражается двумя локативными показателями: показателем локализации *post -q*, указывающим на местонахождение за ориентиром, и директивным показателем *-di / -ri*, маркирующим направление в сторону ориентира.

³ Субъектом в табасаранском языке можно считать как минимум следующие виды аргументов: агенс переходного глагола, единственный аргумент непереходного глагола и экспериенцер

контролирует согласование при переходном и непереходном глаголе соответственно. В примере (11) экспериенцер в дативе, а в примере (12) субъект в локативном падеже согласуются с глаголом, аналогичные предложения без согласователя неграмматичны. Третье лицо не принимает участия в согласовании — (13).

- (9) **ivu** **dumu** **ap'-nu-va** || *ap'-nu
ты это(ABS) делать-PFT-2SG делать-PFT
'Ты это сделал'.
- (10) **izu** **qajivan** **a^cgi-da-za** || *a^cgi-da
я завтра уходить-PRS-1SG уходить-PRS
'Я завтра уезжаю'.
- (11) **ixu-s** **rasul** **a^c<ɾ>q:u^c-nu-xu-s** || *a^c<ɾ>q:u^c-nu
мы(EXCL)-DAT Расул(ABS) <NN>видеть-PFT-1PL(EXCL)-DAT <NN>видеть-PFT
'Мы видели Расула'.
- (12) **iĉ-x-an** **dumu** **šul-dar-ĉ-x-an** || *šul-dar
вы-AD-ELAT это(ABS) стать-(PRS)NEG-2PL-AD-ELAT стать-(PRS)NEG
'Вы не сможете этого (сделать)'.
- (13) **rasul.di** **dumu** **ap'i-di**
Расул(ERG) это(ABS) делать-FUT
'Расул сделает это'.

Несубъектный личный аргумент также может вызывать появление личного показателя на глаголе, однако это согласование не обязательно и определяется прагматикой ситуации.

- (14) **rasul.di** **ivu-s** **kümek** **ap'i-di** || **ap'i-di-vu-s**
Расул(ERG) ты-DAT помощь(ABS) делать-FUT делать-FUT-2SG-DAT
'Расул поможет тебе'.

Личный показатель маркирует такого участника ситуации, который, с точки зрения говорящего, занимает центральное положение в ситуации и, кроме того, вносит со своей стороны значимый вклад в осуществление описываемого действия. Так, в примере (14) предложение без глагольного показателя обозначает, что ситуация помощи происходит без какого-либо содействия участника второго лица: «Расул сам поможет тебе, ты можешь его об этом не просить». В предложении же с личным маркером на глаголе ситуация представлена иначе: Расул поможет только в том случае, если этот участник приложит со своей стороны какие-либо усилия, например, попросит Расула или же сделает все возможное, чтобы самому справиться с ситуацией.

Наконец, возможно согласование с двумя личными аргументами, субъектным и несубъектным, одновременно. Личный маркер, контролируемый вторым аргументом, и в этом случае факультативен, примеры (15)—(17).

- (15) **izu** **ivu** **aɣi-di-zu-va** || **aɣi-di-za**
я ты нести-FUT-1SG-2SG нести-FUT-1SG
'Я отвезу тебя'.
- (16) **izu** **ivu-s** **pul** **tuv-un-zu-vu-s** || **tuv-un-za**
я ты-DAT деньги(ABS) давать-PFT-1SG-2SG-DAT давать-PFT-1SG
'Я дал тебе денег'.
- (17) **izu** **ivu-x-na** **gi-di-zu-vu-x-na** || **gi-di-za**
я ты-AD-LAT приходить-FUT-1SG-2SG-AD-LAT приходить-FUT-1SG
'Я к тебе приду'.

экспериенциального глагола, т. е. те аргументы, которые, будучи выражены личными местоимениями, требуют обязательного согласования по лицу.

Такое двойное согласование связано с рядом ограничений, налагаемых на личный субъект. Согласование с несубъектным аргументом разрешено только при субъекте в немаркированной форме, что происходит при переходных и при непереходных глаголах, поскольку личные местоимения в табасаранском языке морфологически не различают эргатив и абсолютив. Кроме того, согласование со вторым аргументом разрешено, только если субъектом является первое лицо, как в примерах (15)—(17), но не второе. При нарушении хотя бы одного из этих условий двойное согласование невозможно, см. примеры (18) и (19).

- (18) *ivu izu-s kùmek ap'-nu-va-ja-s
ты я-ДАТ помощь делать-PFT-2SG-1SG-DAT
'Ты мне помог'.
- (19) *izu-s ivu g-a<Г>q:-u'n-ja-s-va
я-ДАТ ты(ABS) PF-<NN>видеть-PFT-1SG-DAT-2SG
'Я увидел тебя'.

В примере (18) субъект второго лица препятствует согласованию с несубъектным аргументом первого лица. В примере (19) дативный аргумент при экспериенциальном глаголе также блокирует согласование с несубъектным местоимением второго лица⁴.

3. Теоретические подходы к дистантному согласованию и клитизации

Как упоминалось выше, примеры с нелокальным согласованием (или дублированием клитик) представляют собой нарушение существующих в синтаксических теориях принципов и требуют специального объяснения. Основная идея, присутствующая в работах по теоретическому анализу дистантного согласования, заключается в том, что нелокальность контролера и мишени является лишь видимым явлением. Тестирование таких примеров в языках, где они возможны, показывает, что такого рода согласование очень часто поддается локальной интерпретации. Несмотря на то что внешне согласование происходит через границу клаузы, можно показать, что контролер и мишень в подобных случаях располагаются локально друг относительно друга. В целом возможны два типа «сближения» контролера и мишени. Первый из них состоит в том, что конструкция по своим синтаксическим свойствам ведет себя не как биклаузальная, а как моноклаузальная, клаузальной границы не обнаруживается. Второй заключается в том, что, несмотря на биклаузальность предложения, контролер и мишень находятся в одной локальной области, благодаря чему становится возможным согласование между ними.

В одной из обобщающих статей на эту тему [Polinsky 2003] предлагается типология дистантного согласования, включающая три возможности:

- 1) локальность через посредника (mediated locality),
- 2) подъем зависимого аргумента (raising),
- 3) реструктурирование клауз (restructuring).

Ниже мы кратко остановимся на каждой из этих конструкций и опишем синтаксические тесты, используемые для выявления того или иного типа дистантного согласования.

⁴ Даже такое краткое описание позволяет увидеть, что местоименные показатели в табасаранском языке лишь отчасти укладываются в классическое определение согласовательных аффиксов [Zwicky, Pullum 1983; Zwicky 1985]. Проявляя избирательность в комбинации друг с другом, они демонстрируют также и некоторые черты поведения, характерные для клитик, как, например, запреты на сочетаемость клитик в романских языках, связанные с лицом и падежом, см. [Heggie, Ordóñez 2005], а также с одушевленностью и топиальностью [Haspelmath 2004; Kallulli, Tasmowski 2008; Desouvrey 2005]. Несмотря на то что в работах по формальному синтаксису (см., например, [Anagnostopoulou 2005; Preminger 2011]) согласование и клитизация рассматриваются как явления, порождаемые разными синтаксическими механизмами, для дальнейшего анализа это противопоставление несущественно.

3.1. Локальность через посредника

Первый тип дистантного согласования был обнаружен в алгонкинских языках. Согласование возможно благодаря тому, что в главной клаузе имеется невыраженный элемент (проху), кореферентный той именной группе, которая находится в зависимой клаузе и выглядит как контролер согласования. В действительности, однако, именно невыраженный элемент главной клаузы «запускает» согласование с матричным глаголом. Такое согласование является каноническим, поскольку истинный контролер и его мишень располагаются в одной локальной области, в матричной клаузе. М. Полинская представляет подобное согласование в виде схемы (а) [Polinsky 2003: 284]:

- (а) $[_{IP} \text{Subject V+Agr}_1 \text{NP}_1 \text{ [}_{CP/PP} \dots \text{N}_1 \dots \text{]}]$
 проху embedded representation

Не останавливаясь подробно на свойствах скрытого контролера, укажем лишь те основные его признаки, которые будут нам необходимы для анализа табасаранских конструкций. Во-первых, контролер главной клаузы может быть выражен в предложении, причем возможно и одновременное употребление в зависимой клаузе кореферентной именной группы. Во-вторых, благодаря тому, что именная группа зависимой клаузы не является истинным контролером согласования, на нее не накладывается никаких грамматических ограничений. «Контролер» может занимать в зависимой клаузе любую позицию, в частности сирконстантную, как это представлено в одном из алгонкинских языков блэкфут, см. (20), или находиться в составе ИГ, как это происходит в языке фокс (также алгонкинской семьи), пример (21) [Polinsky 2003: 287].

- (20) nit-aiksim'sstat-ooxpi [omiistsi miistsi-istsi k-áxk-oxt-awaayákiook-ooxsi]
 I-think-3-1stAN.PL those stick-PL 2-might-means-hit-someone
 (букв. 'I expect them [you might hit someone with those sticks]')
 'I expect the sticks to hit you'.

- (21) mo-hč=mekoho ine-nemena·kwe wi·h=nesa-ci ki·hka·nwa·wahi
 even=EMPH think.thus.3.SUBJ.2PL.OBJ FUT=kill.3SUBJ.3OBJ.AOR 2PL.friends.OBV
 (букв. 'He intends you [he kill your friends]')
 'So, even he intends to kill your friends'.

В-третьих, истинный контролер главной клаузы может лишь частично референциально совпадать со своим антецедентом в зависимой клаузе. Показательными являются такие предложения, где согласование происходит только по одной из сочиненных именных групп вложенной клаузы. Тем самым грамматические характеристики ИГ зависимой клаузы и глагольного показателя в подобных случаях могут не совпадать, см. пример (22) из языка блэкфут [Polinsky 2003: 287]:

- (22) nits-iksstata-wa n-oxkó-wa (ki niistówa) n-áxk-a'po'takss-innaami
 1-want-3 1-son-3 and I 1-might-work-1PL
 (букв. 'I want of him [my son and I to work]')
 'I want my son and myself to work'.

3.2. Локальность благодаря подъему зависимого аргумента в главную клаузу

Второй тип дистантного согласования хорошо изучен и представлен во многих языках. В данном случае контролер и мишень, находящиеся в разных клаузах, сближаются благодаря операции подъема (raising). Иными словами, согласование происходит только потому, что аргумент зависимой клаузы передвигается, или «поднимается», в главную клаузу, где находит мишень согласования, матричный глагол. Семантически такой аргумент является частью вложенной клаузы, но синтаксически он находится в главной. Выделяют два случая

подъема — субъектно-объектный и субъектно-субъектный, которые представлены в виде схем (b) и (c) в [Polinsky 2003: 291]:

- (b) [_{IP} Subject Verb+ Agr_I Object_I [_{IP} ...t₁...]] I know him_I t₁ to love Pat;
 (c) [_{IP} Subject_I Verb+ Agr_I [_{IP} ...t₁...]] He_I seems t₁ to love Pat.

Основными характеристиками такого согласования является то, что, во-первых, контролером согласования может быть только субъект зависимой клаузы (так как подъем происходит только из позиции субъекта), во-вторых, он не может быть одновременно выражен в главной и зависимой клаузе и, в третьих, согласовательные показатели обладают точно теми же признаками, что и контролер, тогда как несовпадение грамматических характеристик, в отличие от первого типа, невозможно.

3.3 Локальность контролера и мишени благодаря моноклаузальности

Третий тип дистантного согласования получил название «реструктурирование» (restructuring), или «объединение клауз» (clause union). В таких случаях, несмотря на то что в предложении имеются два предиката, конструкция ведет себя как моноклаузальная и граница между клаузами не диагностируется. Тем самым образуется единый глагольный комплекс, в котором контролер и мишень согласования находятся в одной локальной области (схема (d) [Polinsky 2003: 296]):

- (d) Subject [Vp [Vp Np_I V+Agr_I]].

Известно несколько стандартных тестов на моноклаузальность полипредикативных предложений, в частности отрицание, возможность конфликтующих временных наречий, отсутствие позиции субъекта при инфинитиве [Wurmbrand 2001]. Считается, что в моноклаузальных конструкциях невозможно отрицание при зависимом предикате и употребление конфликтующих временных наречий при обоих предикатах, т. е. зависимая клауза в этом случае не может иметь независимую временную интерпретацию.

Похожий анализ дистантного согласования предлагался ранее для годоберинского языка в [Haspelmath 1999], где показано, что классное согласование, хотя внешне и выглядит как нелокальное, тем не менее происходит в моноклаузальной конструкции. В годоберинском языке такое согласование происходит между абсолютивом зависимой клаузы и матричными предикатами ‘начать’, ‘заканчивать’, а также предикатами ‘хотеть’, ‘знать’, ‘забывать’. В случае фазовых глаголов синтаксическое единство возникает благодаря тому, что эти предикаты ведут себя как вспомогательные глаголы и вместе со вторым предикатом образуют глагольный комплекс, конкретизирующий протекание действия во времени (прогрессив/комплетив).

В случае экспериенциальных глаголов (типа ‘хотеть’) также предлагается считать, что согласование с абсолютивом происходит в рамках одного моноклаузального глагольного комплекса. Более точно, такие сложные предложения с экспериенциальными глаголами могут иметь две различные структуры. Это видно по поведению матричного глагола: с одной стороны, глагол главной клаузы может иметь дефолтное⁵ согласование, с другой стороны, матричный предикат может согласовываться с абсолютивом, находящимся, как кажется, в зависимой клаузе.

В том случае, когда имеется дефолтное согласование, предложение является биклаузальным:

⁵ Дефолтным мы называем согласование по неодушевленному классу в единственном числе в тех случаях, когда в клаузе отсутствует именная группа в абсолютиве. В отечественном кавказоведении такие случаи часто интерпретируются как согласование с нефинитной формой глагола (в данном случае инфинитивом) либо всей клаузой.

- (23) jašu-ra kuaxata-be q,ard-i b-i?-ida
 девочка-AFF [письмо-PL(ABS) писать-INF] N-знать-НАВ
 ‘Девочка может написать письма’.

В случае же согласования с абсолютивом вложенной клаузы предложение является моноклаузальным, в котором матричный глагол представляет собой часть составного глагольного комплекса так же, как и в предложении с фазовым глаголом:

- (24) jašu-ra kuaxata-be q,ard-i r-i?-ida
 девочка-AFF письмо-PL(ABS) писать-INF NPL-знать-НАВ
 ‘Девочка может написать письма’.

Такой анализ основывается на нескольких фактах, из которых следует отметить два: порядок аргументов и фокусное выделение. В предложении, где элементы матричной клаузы следуют за элементами зависимой клаузы (типа ‘Книги забрать Али забыл’), возможны два типа согласования: дефолтное и согласование по абсолютиву. В предложении же, где элементы зависимой клаузы линейно разрываются элементами главной (‘Книги забыл Али забрать’), возможно только согласование по абсолютиву. Из этого, по-видимому, можно сделать вывод, что последнее предложение является моноклаузальным, поскольку в биклаузальных конструкциях вложение матричной клаузы в зависимую невозможно.

Что касается фокусирования, то в том случае, когда вся зависимая клауза находится в фокусе, матричный глагол имеет дефолтное согласование и не может иметь согласования с абсолютивом. Это позволяет рассматривать конструкцию такого типа как биклаузальную. В то же время, когда в фокусе находится одна из единиц зависимой клаузы, матричный глагол согласуется с абсолютивом, что говорит в пользу моноклаузальной интерпретации такого предложения (подробнее см. [Haspelmath 1999]).

Следует отметить, что с помощью реструктурирования объясняются также дистантные клитики, например, в романских языках (clitic climbing «подъем клитики»). В итальянских предложениях типа *Lo volevo vedere subito* ‘Я хотел его / это увидеть немедленно’ клитика *lo* хотя семантически и относится к зависимому глаголу *vedere*, клитизируется к матричному глаголу благодаря перестройке клауз (restructuring) и возникновению в результате этого единого глагольного комплекса [Wurmbbrand 2004].

3.4. Топикальность контролера

Несмотря на то, что во многих языках кажущееся дистантным согласование может быть тем или иным образом сведено к стандартной локальной конфигурации, засвидетельствованы и языки с настоящим дистантным согласованием. В частности, существование такого дистантного согласования было доказано на материале цезского языка [Comrie, Polinsky 1999; Polinsky, Potsdam 2001], см. также краткое обсуждение в контексте предлагаемых вариантов анализа нелокального согласования в уже цитированной работе [Polinsky 2003].

В цезском, как и в годоберинском, матричный глагол может принимать показатель согласования с абсолютивом зависимой клаузы. Синтаксические тесты показывают, что согласование происходит в биклаузальной конструкции, причем контролер согласования остается в зависимой клаузе. Главное условие, при котором абсолютив зависимой клаузы способен контролировать согласование на матричном глаголе, состоит в том, что он должен относиться к топикальной части высказывания. Для такой информационной структуры высказывания предлагается следующий формально-синтаксический анализ: предполагается, что на левой периферии клаузы имеется специальная проекция TopicP с определенной дискурсивной функцией, а именно, в спецификаторе этой проекции размещается топик клаузы. Соответственно, топикальный абсолютив зависимой клаузы передвигается в позицию спецификатора этой проекции в своей клаузе. Находясь в этой позиции, топик располагается достаточно локально по отношению к матричному предикату, благодаря чему и становится

возможным согласование матричного предиката с топикальным абсолютивом зависимой клаузы, см. следующую структуру [Polinsky 2003: 304]:

(e) [IP... V+Agr_i [TopicP NP_i [IP... t_i ...]]].

Такую синтаксическую интерпретацию подтверждают следующие факты. Во-первых, в случае, когда придаточная клауза сообщает новую информацию, т. е. не является топиком, матричный глагол не может согласовываться с абсолютивом. К тому же абсолютив зависимой клаузы, находящийся в сфере действия фокусной частицы, также не способен контролировать дистантное согласование. Во-вторых, вывод о том, что матричный глагол располагается локально по отношению к топикальной зоне, подтверждается тем, что вынос придаточной клаузы в начало предложения или вставка какой-либо единицы (например, еще одной клаузы) между главным глаголом и абсолютивом блокирует согласование между ними.

Таким образом, как видно, доминирующей при анализе дистантного согласования является модель, которая помещает контролер согласования и его мишень в одну локальную область независимо от того, каким способом создается эта локальность. В следующем разделе мы покажем, что табасаранский материал не укладывается ни в одну из предложенных интерпретаций и требует другого подхода к его анализу.

4. Дистантное согласование в табасаранском языке в типологической перспективе

Инфинитивные и деепричастные сентенциальные актанты при глаголе ‘хотеть’ в говоре селения Джули в отношении дистантного согласования во многом ведут себя одинаково. Во-первых, личное согласование с абсолютивом зависимой клаузы невозможно интерпретировать как «согласование через посредника», находящегося в главном предложении. Показательными здесь являются примеры с сочиненной ИГ в зависимой клаузе. В этом случае согласование возможно только при полном совпадении грамматических признаков контролера (всей сочиненной группы) и мишени, ни одна из вложенных именных групп не способна по отдельности согласовываться с матричным глаголом.

Инфинитивная конструкция

- (25) rasul.di-s izu-qri-na a^hhma^d.ri-qri
 Расул-ДАТ я-COMIT-ADD Ахмед-COMIT
 gaf-ar ap[’]-us k:un-da-ču-qri || *k:un-da-zu-qri
 слово-PL(ABS) делать-INF хотеть-PRS-1PL:EXCL-COMIT хотеть-PRS-1SG-COMIT
 ‘Расул хочет со мной и с Ахмедом поговорить’.

Деепричастная конструкция

- (26) rasul.di-s izu-na murad ut[’]uk:u-nu k:un-da-ča || *k:un-da-za
 Расул-ДАТ я-ADD Мурад(ABS) <NN>выгнать-PFCONV хотеть-PRS-1PL:EXCL хотеть-PRS-1SG
 ‘Расул хочет, чтобы меня и Мурада выгнали’.

Во-вторых, табасаранские примеры с дистантным согласованием не поддаются и анализу в терминах подъема. Напомним, что одним из важных критериев здесь является вовлеченность в согласовательные отношения только субъекта зависимой клаузы и неспособность других аргументов контролировать согласование. В табасаранском языке дистантное согласование не только не ограничивается вложенным субъектом, а, напротив, более предпочтительно с несубъектными ИГ, в частности локативными аргументами, как в примерах (7) и (8) выше.

Тесты на отрицание и конфликтующие наречия также не дают свидетельств в пользу того, что дистантное согласование происходит в моноклаузальной конструкции. Напротив,

возможность отрицания в придаточной клаузе, а также одновременное употребление конфликтующих наречий в двух клаузах показывают, что обе эти конструкции биклаузальны. Ниже приводятся примеры с зависимым инфинитивом, аналогичные примеры грамматичны и с деепричастной конструкцией.

- (27) rasul.di-s ivu-qri gaf-ar ap'i<dar>u-s k:un-da || k:un-da-vu-qri
 Расул-ДАТ ты-СОМТ слово-PL(ABS) делать<NEG>-INF хотеть-PRS хотеть-PRS-2SG-СОМТ
 'Расул хочет не разговаривать с тобой'.
- (28) ivu hac:i šuld-u-va=ki
 ты так стать-FUT-2SG=PTCL
 rasul.di-s zakur ivu sa-v vaz.l-in-lan ut'uk:u-s
 Расул-ДАТ завтра ты(ABS) один-N месяц-SUPER-ELAT <NN>выгонять-INF
 k:und-a || k:un-da-va
 хотеть-PRS хотеть-PRS-2SG
 'Ты так себя ведешь, Расул завтра захочет тебя выгнать уже через месяц'.

Надо отметить также, что в инфинитивной конструкции дистантное согласование не может происходить с аргументами зависимой клаузы второго уровня (например, в предложении типа 'Расул хочет прийти поговорить со мной'). Отметим, что ни в годоберинском, ни в цезском дистантное согласование «через клаузу» также невозможно. Однако в деепричастной конструкции такое согласование вполне допустимо.

- (29) dada.ji-s gaga.ji-s řalu.ri izu moskva.ji-s u<ř>χ-nu k:un
 мама-ДАТ папа-ДАТ дядя(ERG) я(ABS) Москва-ДАТ <NN>нести-PFCONV хотеть
 x-nu k:un-da || k:un-da-za.
 статья-PFCONV хотеть-PRS хотеть-PRS-1SG
 'Мама хочет, чтобы папа захотел, чтобы дядя взял меня в Москву'.

Далее мы покажем, что этот факт не является свидетельством того, что данная конструкция моноклаузальна. В разделе 5.3 обсуждаются примеры (55)—(57), дополнительно подтверждающие, что и инфинитивная конструкция не является моноклаузальной.

Наконец, дистантное согласование в табасаранском не зависит и от топикальности контролера, находящегося в зависимой клаузе. В том случае, когда личное местоимение зависимой клаузы фокусно выделяется, оно также способно согласовываться с матричным глаголом⁶.

Инфинитивная конструкция

- (30) rasul.di-s izu-qri-t'an la'χin ap'u-s k:un-dar-zu-qri
 Расул-ДАТ я-СОМТ-только работа делать-INF хотеть-(PRS)NEG-1SG-СОМТ
 'Расул хочет только со мной работать'.

Деепричастная конструкция

- (31) rasul.di-s sa-r izu-t'an d-is-nu k:un-dar-ar-za
 Расул-ДАТ один-NN я(ABS)-только NN-ловить-PFCONV хотеть-NEG-PRS-1SG
 'Расул хочет, чтобы только меня одного поймали'.

⁶ Тем самым дистантное согласование по лицу, по-видимому, никак не связано с коммуникативной структурой высказывания. Таким образом, невозможно объяснить рассматриваемые табасаранские примеры в терминах TopP, предложенной М. Полинской для цезского дистантного согласования, как и в целом невозможно постулировать проекцию с определенной дискурсивной функцией (топикальную или фокусную). Это, однако, не исключает возможности постулировать проекцию с какой-либо другой функцией. В настоящее время у нас нет данных о том, какой могла бы быть функция такой проекции.

Как видно, синтаксические тесты на специфические свойства типологически засвидетельствованных разновидностей дистантного согласования показывают, что таковое в табасаранском языке не относится ни к одному из выделяемых М. Полинской типов. Такое согласование невозможно объяснить в терминах подъема контролера, передвижения его в топикальную зону или моноклаузальной природы конструкции. Напротив, как мы видим, исследуемые конструкции являются биклаузальными, согласование в них возможно и при фокусном выделении контролера. Далее мы покажем, что в табасаранском одно из важных условий, влияющих на возможность дистантного согласования, состоит не столько в том, как структурно располагаются контролер согласования и матричный глагол по отношению друг к другу, сколько в том, как соотносятся грамматические и семантические свойства субъекта главной клаузы и личного аргумента зависимой клаузы — кандидата на роль контролера дистантного согласования.

5. Дистантное согласование в табасаранском языке

В биклаузальной конструкции условия возникновения личных показателей значительно отличаются от условий согласования в простом предложении, хотя семантика личного согласования при этом остается той же, — в биклаузальной конструкции, как и в моноклаузальной, личный показатель на матричном глаголе маркирует участника, который, с точки зрения говорящего, является центральным в описываемой ситуации. Примеры (32) и (33) демонстрируют разницу в интерпретации предложений.

- (32) *rasul.di-s ivu-x-na gu^s-s gič^u-u-du*
 Расул-ДАТ ты-АД-ЛАТ прийти-ИНФ бояться-FUT
 ‘Расул боится прийти к тебе’ (потому что, например, темно или дом находится в опасном месте).
- (33) *rasul.di-s ivu-x-na gu^s-s gič^u-u-du-vu-x-na*
 Расул-ДАТ ты-АД-ЛАТ прийти-ИНФ бояться-FUT-2SG-АД-ЛАТ
 ‘Расул боится прийти к тебе’ (Расул боится прийти из-за тебя).

В предложении (32) адресат никак не влияет на эмоции Расула, т. е. Расул боится прийти по причине, не связанной со вторым лицом, тогда как в примере (33) адресат является каузатором чувств Расула: Расул не приходит из-за него⁷.

Далее мы подробно опишем отличия в поведении личных показателей в биклаузальных конструкциях по сравнению с простым предложением. Сначала мы рассмотрим одинаковые условия, которые и в той и в другой конструкциях влияют на дистантное согласование, а затем остановимся на различиях между конструкциями, проявляющихся при дистантном согласовании.

5.1. Ограничения на дистантное согласование с личным аргументом в инфинитивной и деепричастной конструкциях

Употребление личных показателей в биклаузальных конструкциях имеет ряд ограничений. И в инфинитивной, и деепричастной конструкциях личный аргумент в дативе, находящийся в зависимой клаузе, не может согласовываться с матричным глаголом ‘хотеть’.

Инфинитивная конструкция

- (34) **rasul.di-s ivu-s pul tuv^u-s k:un-dar-vu-s*
 Расул-ДАТ ты-ДАТ деньги(ABS) давать-ИНФ хотеть-NEG-2SG-ДАТ
 ‘Расул не хочет давать тебе денег’.

⁷ Здесь мы даем примеры деепричастной и инфинитивной конструкций с глаголом ‘бояться’, поскольку с помощью них проще продемонстрировать семантическое различие между предложениями с дистантным согласованием и без него. В целом же предложения с глаголом ‘бояться’ ведут себя таким же образом, что и с глаголом ‘хотеть’.

Деепричастная конструкция

- (35) *rasul.di-s ivu-s pul tuv-nu k:un-dar-vu-s
 Расул-ДАТ ты-ДАТ деньги(ABS) давать-PCONV хотеть-NEG-2SG-ДАТ
 ‘Расул не хочет, чтобы тебе дали деньги’.

Напомним, что в простом предложении при субъекте третьего лица любой личный несубъектный аргумент способен контролировать согласование, в том числе и дативный, ср. пример (14). Можно предположить, что в сложном предложении запрет на согласование связан с падежным маркированием субъекта главной клаузы. Действительно, в примере (14) в простом предложении при эргативном субъекте согласование с дативным несубъектным аргументом разрешено, тогда как в (34) и (35) дативом оформлен субъект матричного глагола ‘хотеть’, вследствие чего согласование с дативным аргументом зависимой клаузы не происходит. Далее мы покажем, что такого объяснения недостаточно и запрет на согласование с личным местоимением в примерах (34) и (35) вызван, видимо, именно тем, что личный аргумент находится во вложенной клаузе.

Напомним, что похожая ситуация, когда в предложении имеется два одинаково маркированных аргумента, возможна в простой клаузе. Такая ситуация возникает при переходном глаголе, поскольку в табасаранском языке местоимения не различают эргатив и абсолютив. При этом каждый из личных аргументов, будучи субъектом предложения, может быть контролером согласования. Так, в примере (36) согласование контролируется аргументом первого лица, а в примере (37) — аргументом второго лица.

- (36) izu ivu d-is-nu-za
 я ты NN-любить-PFT-1SG
 ‘Я поймал тебя’.

- (37) izu ivu d-is-nu-va
 я ты NN-любить-PFT-2SG
 ‘Ты поймал меня’.

Вернемся к примерам (34) и (35). Глагол ‘хотеть’ требует при себе дативный субъект, и формально ничто не запрещает интерпретировать личный показатель на глаголе как относящийся к личному субъекту. Таким образом, эти предложения могли бы иметь значения ‘Ты не хочешь Расулу дать денег’ и ‘Ты не хочешь, чтобы Расулу дали денег’ соответственно.

Однако в исследуемых конструкциях не происходит ожидаемой реинтерпретации, при которой личный дативный аргумент является субъектом ситуации. При таком порядке слов информант сомневается не в интерпретации этих предложений, а в их грамматичности⁸. Невозможность реинтерпретации и запрет на дативный глагольный показатель, видимо, обусловлены тем, что рассматриваемые конструкции являются биклаузальными и личный аргумент в дативе находится в зависимой клаузе.

Дополнительным подтверждением этому являются примеры (38а) и (38б): в них присутствуют два местоименных аргумента, маркированных дативом, но только занимающий первую позицию в предложении контролирует личный показатель на глаголе. Контролер согласования второго лица возможен только в том случае, если первое лицо отделяется от последующего материала интонацией и паузой.

- (38) а. izu-s ivu-s pul tuv-u-s k:un-di-ja-s
 я-ДАТ ты-ДАТ деньги(ABS) давать-INF хотеть-PRS-1SG-ДАТ
 ‘Я хочу дать тебе денег’.

⁸ Только при перестановке личного аргумента в первую позицию субъектом при глаголе ‘хотеть’ однозначно становится второе лицо.

ivu-s rasul.di-s pul tuv-u-s k:un-du-vu-s
 ты-ДАТ Расул-ДАТ деньги давать-INF хотеть-PRS-2SG-ДАТ
 ‘Ты хочешь дать Расулу деньги’.

6. izu-s ivu-s pul tuvu-s ?k:un-da-vus
 я-DAT ты-DAT деньги(ABS) давать-INF хотеть-PRS-2SG-DAT
 ‘Мне ты хочешь дать денег’.

Таким образом, несмотря на то что в предложении глагол способен в принципе принимать дативный местоименный показатель, согласование с более низким (в падежной иерархии) дативным аргументом блокируется. Видимо, аргумент — кандидат в контролеры, не должен претендовать на заполнение валентности матричного глагола, которую занимает главный субъект.

Еще один запрет в этих конструкциях связан с позицией зависимой клаузы в предложении. Если глагол несет личный показатель, контролируемый аргументом зависимой клаузы, он не может располагаться в абсолютном начале предложения. Если предложение начинается с зависимой клаузы, то дистантное согласование затруднено или же полностью блокируется. Напомним, что именно порядок слов является одним из тестов на моноклаузальность (см. обсуждение годоберинского случая выше).

Инфинитивная конструкция

- (39) izu-qri gaf-ar ap'u-s rasul.di-s *k:un-da-zu-qri || k:un-da
 я-СОМТ слово-PL делать-INF Расул-DAT хотеть-PRS-1SG-СОМТ хотеть-PRS
 ‘Расул хочет с тобой поговорить’.

Деепричастная конструкция

- (40) rasul ivu-x-na gu'nu gaga.ji-s ?k:un-da-vu-x-na || k:un-da
 Расул(ABS) ты-AD-LAT приходить-PFCONV папа-DAT хотеть-PRS-2SG-AD-LAT хотеть-PRS
 ‘Папа хочет, чтобы Расул к тебе пришел’.

Помимо общих для обеих конструкций запретов, каждая из них имеет и свои собственные ограничения на дистантное согласование.

5.2. Ограничения на дистантное согласование с личным аргументом в деепричастной конструкции

Один из факторов, влияющих на дистантное согласование в деепричастной конструкции, связан с тем, какова семантическая и синтаксическая роль потенциального контролера согласования. Наиболее проблематично дистантное согласование с агенсом при переходном глаголе. Такой субъект вложенной клаузы в большинстве случаев не может контролировать согласовательный показатель на матричном предикате.

- (41) ma'lim.di-s izu kitab u<v>χ-nu k:un-du || *k:un-du-za
 учитель-DAT я книга(ABS) <N>читать-PFCONV хотеть-FUT хотеть-FUT-1SG
 ‘Учитель хочет, чтобы я прочитал книгу’.

Однако этот запрет не абсолютный, и согласование в некоторых случаях разрешается. Интересно отметить, что в тех примерах, где это возможно, субъект выражен инклюзивным местоимением ‘мы’, т. е. главными участниками являются говорящий и слушающий одновременно — примеры (42) и (43). Тем не менее и это условие не является достаточным, и на возникновение согласования, видимо, еще влияет и семантика описываемой ситуации, см. пример (44).

- (42) gaga.ji-s iχu mašin gara<v>q:u-nu k:un-du-xa
 папа-DAT мы(INCL) машина(ABS) <N>купить-PFCONV хотеть-FUT-1PL(INCL)
 ‘Папа хочет, чтобы мы (с тобой) купили машину’.

- (43) ma^llim.di-s i^{xu} kitab u<v>χ-nu k:un-du-xa
 учитель-ДАТ мы(INCL) книга(ABS) <N>читать-PFT хотеть-FUT-1PL(INCL)
 ‘Учитель хочет, чтобы мы (с тобой) прочитали книгу’.
- (44) rasul.di-s i^{xu} ma^hamad u<ɾ>χ-nu k:un-da || ?k:un-da-xa
 Расул-ДАТ мы(INCL) Магомед(ABS) <NN>нести-PFT хотеть-PRS хотеть-PRS-1PL(INCL)
 ‘Расул хочет, чтобы мы (с тобой) отвезли Магомеда’.

Отметим, что в тех случаях, когда глагол может согласовываться с инклюзивным личным аргументом, при употреблении в этих же предложениях эксклюзивного местоимения согласования с ним не происходит, ср. следующий пример:

- (45) *gaga.ji-s i^{ču} ma^šin gara<v>q:u-nu k:un-du-ča
 папа-ДАТ мы(EXCL) машин(ABS) <N>купить-PFCONV хотеть-1PL(EXCL)
 ‘Папа хочет, чтобы мы купили машину’.

Способность инклюзивного местоимения хотя бы в отдельных контекстах контролировать согласование, по-видимому, обусловлена какими-то пока неизученными прагматическими факторами. Более подробно мы остановимся на интерпретации этих фактов ниже.

Иначе ведут себя субъект непереходного глагола и локативный субъект (напомним, что согласование с дативным субъектом запрещено). Находясь в зависимой клаузе, они способны контролировать согласование на главном предикате.

Субъект непереходного глагола

- (46) rasul.di-s izu uš-nu k:un-da-za || k:un-da
 Расул-ДАТ я(ABS) <NN>уходить-PFCONV хотеть-PRS-1SG хотеть-PRS
 ‘Расул хочет, чтобы я ушел’.

Локативный субъект

- (47) gaga.ji-s izu-q mu ma^šin q-a-di k:un-dar-zu-q || k:un-dar
 папа-ДАТ я-POST этот машина(ABS) POST-быть-IPFCONV хотеть-PRS:NEG-1SG-POST хотеть-PRS:NEG
 ‘Папа не хочет, чтобы у меня была эта машина’.

Тем не менее и в этих случаях контроль согласования из зависимой клаузы также разрешен не всегда. Следовательно, можно утверждать, что только несубъектные аргументы способны контролировать согласование без явных ограничений.

Пациенс в абсолютиве

- (48) rasul.di-s ivu ut^ʔuk:-nu k:un-du-va
 Расул-ДАТ ты(ABS) <NN>выгнать-PFCONV хотеть-FUT-2SG
 ‘Расул хочет, чтобы тебя выгнали’.

Локативный аргумент

- (49) rasul.di-s murad ivu-x-na gu^ʔ-nu k:un-da-vu-x-na
 Расул-ДАТ Murad(ABS) ты-AD-LAT приходить-PFCONV хотеть-PRS-2SG-AD-LAT
 ‘Расул хочет, чтобы Мурад к тебе пришел’.

Таким образом, требуют объяснения следующие факты: почему дистантное согласование с агентивным субъектом переходной зависимой клаузы в большинстве случаев блокируется, почему оно все-таки возможно при субъекте, выраженном инклюзивным местоимением, и почему оно не всегда разрешено с субъектом непереходного глагола.

Как кажется, ключевым здесь является соотношение субъектов главной и зависимой клаузы с точки зрения того, насколько главный субъект способен повлиять на исполнение ситуации, названной в зависимой клаузе, заставить личного участника выполнить желаемое (в случае предложений с глаголом 'хотеть'). Поскольку личный субъект непереходной вложенной клаузы в некоторых предложениях может контролировать согласование, а в других не способен, анализ примеров должен показать различия между предложениями, где есть согласование и где оно отсутствует. Оказывается, что дистантное согласование затруднено в конструкциях с непереходной вложенной клаузой и матричным субъектом с пониженной степенью волитивности, не способным в полной мере контролировать ситуацию зависимой клаузы, например, собака, как в примере (50), или ребенок, как в (51).

(50) kuc'.li-s izu ča-x-na gu^l-nu k:un-da || *k:un-da-za
 щенок-DAT я(ABS) REFL-AD-LAT приходить-PFCONV хотеть-PRS хотеть-PRS-1SG
 'Щенок хочет, чтобы я подошел к нему'.

(51) bic'ur.di-s izu ča-x-na gu^l-nu k:un-da || ??k:un-da-za
 ребенок-DAT я(ABS) REFL-AD-LAT приходить-PFCONV хотеть-PRS хотеть-PRS-1SG
 'Ребенок хочет, чтобы я подошел к нему'.

Другой случай, семантически близкий к указанному, представлен в предложениях, где зависимая клауза называет такую ситуацию, которая в принципе никак не связана с волитивностью главного субъекта, — она такова, что главный субъект не может влиять на действия личного субъекта. В примере (52) описана такая ситуация, которая зависит только от физической способности субъекта вложенной клаузы.

(52) rasul.di-s iz-x-an guzu-s x-nu k:un-da || *k:un-da-z-x-an
 Расул-DAT я-AD-LAT <NN>подняться-INF мочь-PFCONV хотеть-PRS хотеть-PRS-1SG-AD-ELAT
 'Расул хочет, чтобы я смог встать'.

В свете этого можно рассматривать и запрет на согласование с субъектом переходного глагола в деепричастной конструкции. Существенным для согласования является некоторое «весовое» (относительно иерархий лица, семантических ролей и грамматических функций) преимущество субъекта главной клаузы по отношению к субъекту зависимой клаузы, вследствие чего вложенный субъект не должен иметь слишком большой вес. Очевидно, агентивный субъект вложенной переходной клаузы сам по себе обладает достаточно большим весом по сравнению с субъектом главной клаузы, а использование личного показателя еще более увеличивает его значимость в ситуации. Зависимый субъект тем самым оказывается слишком выделенным по отношению к главному субъекту, и согласование блокируется. Единственным исключением из этого является поведение инклюзивного местоимения 'мы', которое в некоторых предложениях способно контролировать дистантное согласование.

В то же время, как кажется, и в случае дистантного согласования с инклюзивным местоимением прагматика описываемой ситуации имеет значение. В примерах (42) и (43) субъектом матричной клаузы являются участники 'папа' и 'учитель', имеющие высокий социальный статус и, с точки зрения говорящего, имеющие право и возможность влиять на ситуацию, описываемую зависимой клаузой. Согласование с личным аргументом зависимой клаузы в таких предложениях происходит без затруднений. С другой стороны, если способность субъекта повлиять на ситуацию зависимой клаузы не так очевидна, то согласование с личным аргументом затруднено, как в примере (44). Основываясь на этих примерах, мы можем сделать дополнительный вывод о том, что лицо как свойство контролера также оказывает влияние на грамматичность дистантного согласования, хотя роль этого компонента пока ясна не до конца.

Таким образом, в целом возможность дистантного согласования зависит от соотношения субъектов главной и зависимой клаузы. Похожий семантический параметр выявляется и при согласовании в простом предложении, в частности, невозможность двойного согласования

при субъекте второго лица и несубъектного личного аргумента первого лица связана с «весовым конфликтом» между личными аргументами, подробнее см. [Богомолова 2012: 22—23].

Этот же параметр определяет и способность личного локативного аргумента без видимых ограничений контролировать дистантное согласование. Такой аргумент не составляет конкуренции дативному субъекту главной клаузы ни по какому из релевантных параметров (лицо, семантическая роль, грамматическая функция), поэтому он может быть выделен как участник, вносящий свой вклад в описываемую ситуацию. Так, в примере (53) при неличном главном субъекте дистантное согласование возможно без ограничений, ср. пример (50), где на успешность согласования, как кажется, влияет тот факт, что субъект главной клаузы не называет человека.

(53) kuc'.l.i-s ča-n ejesi iz-x-an в-u<г>uđ' -nu k:un-da-z-x-an
щенок-DAT сам-GEN хозяин(ABS) я-AD-LAT PF-<NN>выходить-PFCONV хотеть-PRS-1SG-AD-ELAT
'Щенок хочет, чтобы хозяин отошел от меня'.

Таким образом, дистантное согласование в конструкции с деепричастной клаузой при матричном предикате 'хотеть' зависит от выполнения следующих условий:

- а) личный аргумент вложенной клаузы не может быть маркирован тем же падежом, что и субъект матричного предиката, т. е. дативом. Дативное личное местоимение из зависимой клаузы не способно согласовываться с глаголом;
- б) личный аргумент зависимой клаузы соотносится с субъектом главной клаузы по таким критериям, как семантическая роль и лицо. Для успешного согласования через клаузу более предпочтительным является такое соотношение личного аргумента и главного субъекта, когда личный аргумент располагается ниже на иерархии ролей, чем субъект матричной клаузы, т. е. является пациенсом или же имеет одну из ролей, выражаемых локативным падежом;
- в) дистантное согласование также иногда разрешается с личным субъектом зависимой клаузы, но только в том случае, если он выражен инклюзивным местоимением 'мы'.

В следующем разделе мы покажем, что похожие параметры определяют дистантное согласование в инфинитивной конструкции.

5.3. Ограничения на дистантное согласование с личным аргументом в инфинитивной конструкции

В инфинитивной конструкции в большинстве случаев дистантное согласование возможно только с локативным аргументом. Напомним, что субъект инфинитивного оборота всегда совпадает с субъектом главной клаузы, поэтому вопрос о согласовании с субъектом здесь не стоит. Остается объяснить случаи запрета на согласование с пациенсом зависимой клаузы, как в примере (54).

(54) rasul.di-s izu dina aču-s k:un-da || *k:un-da-za
Расул-DAT я(ABS) туда <NN>нести-INF хотеть-PRS хотеть-PRS-1SG
'Расул хочет отвезти меня туда'.

Это ограничение, как и запреты в случае с деепричастной конструкцией, очевидно, связано с биклаузальной природой конструкции, поскольку в простом предложении такого ограничения не возникает, и глагол с дативным субъектом способен принимать показатель согласования с абсолютным пациенсом:

(55) rasul.di-s izu a<в>q:-nu || a<в>q:-nu-za
Расул-DAT я(ABS) <NN>видеть-PFT <NN>видеть-PFT-1SG
'Расул видел меня'.

Заметим, что, кроме этого, в простом предложении при глаголе с падежной рамкой <датов, абсолютив> в качестве приоритетного может быть выбран как дативный экспериенцер,

так и абсолютный стимул. В таком случае глагол может принимать не субъектный дативный показатель, а показатель абсолютива.

- (56) izu-s ivu a<ᵣ>q:ni-ja-s || a<ᵣ>q:-nu-va
я-DAT ты(ABS) <NN>видеть-PFT-1SG-DAT <NN>видеть-PFT-2SG
'Я видел тебя'.

В инфинитивной же конструкции, если субъектом является личное местоимение (в абсолютиве), матричный глагол ни при каких условиях не может терять субъектный показатель и согласовываться с этим личным аргументом зависимой клаузы.

- (57) izu-s ivu aχu-s k:un-di-ja-s || *k:un-da-va
я-DAT ты(ABS) <NN>нести-INF хотеть-PRS-1SG-DAT хотеть-PRS-2SG
'Я хочу тебя отвезти'.

Пример (57) дополнительно показывает, что инфинитивная конструкция не является моноклаузальной, иначе в ней, как и в простом предложении, разрешалось бы согласование с аргументом, стоящим в абсолютиве.

Кроме этого, биклаузальность инфинитивной конструкции подтверждается поведением рефлексива *čav* 'сам' в позиции субъекта зависимой клаузы. Наиболее естественным в этой конструкции является использование рефлексива, совпадающего по падежу с матричным субъектом (т. е. маркированного дативом). Тем не менее рефлексив в падеже, требуемом вложенным предикатом, также разрешен, хотя подобные предложения менее привычны и требуют больше специфических прагматических условий.

- (58) rasul.di-s ča-s izu-qri gaf-ar ap'u-s k:un-da
Расул-DAT сам-DAT я-COMIT слово-PL(ABS) делать-INF хотеть-PRS
'Расул сам хочет поговорить со мной'.

- (59) rasul.di-s čav izu-qri gaf-ar ap'u-s k:un-da || k:un-da-zu-qri
Расул-DAT сам(ABS) я-COMIT слово-PL(ABS) делать-INF хотеть-PRS хотеть-PRS-1SG-COMIT
'Расул хочет сам со мной поговорить'.

Меньшая привычность предложений типа (59) показывает также и то, что в инфинитивной конструкции связь между клаузами более тесная, чем в деепричастной конструкции. Возможно, именно это и влияет на ограничение согласования с пациентивным аргументом.

Как мы видели, в деепричастной конструкции дистантное согласование определяется соотношением по целому ряду признаков главного субъекта и потенциального контролера, находящегося в зависимой клаузе. Для успешного согласования предпочтительнее, чтобы местоименный аргумент зависимой клаузы стоял ниже на ролевой и падежной иерархии, чем матричный субъект (лучше, если личный аргумент не является субъектом и не маркирован дативом, следовательно, он может быть пациенсом или быть выраженным локативным падежом). В инфинитивной же конструкции из-за более тесной связи между клаузами вложенный пациенс является более выделенным по отношению к матричному субъекту, чем в деепричастной клаузе. Видимо, единственным аргументом, не нарушающим ролевого равновесия с главным дативным субъектом, является несубъектный локатив зависимой клаузы, поэтому только он всегда может контролировать согласование в инфинитивной конструкции.

Интересно, что лицо аргумента зависимой клаузы также влияет на возможность согласования подобно тому, как это проявлялось в деепричастной конструкции. Несмотря на то что обычно пациенс не может контролировать дистантное согласование, такое согласование все же разрешено, если пациенс зависимой клаузы выражен инклюзивным местоимением:

- (60) rasul.di-s iχu aχu-s k:un-da-xa
Расул-DAT мы(INCL.ABS) <NN>нести-INF хотеть-PRS-1PL(INCL)
'Расул хочет нас (с тобой) отвезти'.

Таким образом, для возникновения дистантного согласования в деепричастной и инфинитивной конструкции должно выполняться несколько требований, предъявляемых как к порядку слов в предложении (позиция зависимой клаузы относительно элементов матричной), так и к свойствам потенциального контролера такого согласования. Выявленные параметры суммированы в таблице.

Таблица

Условия, влияющие на дистантное согласование

Оформление СА	Местоимение, которым выражен контролер	Клауза, которая стоит в начале предложения		Семантическая роль / падеж контролера зависимой клаузы				
		зависимая	главная	DAT	AG	S/SUBJLOC	PAT	LOC
деепричастие	IINCL	?	+	*	-/+	-/+	+	+
	остальные	?	+	*	*	?	+	+
инфинитив	IINCL	*	+	*	N/A		-/+	+
	остальные	*	+	*			*	+

* — дистантное согласование в предложении с такими условиями запрещено;

? — возможность дистантного согласования при соответствующих условиях вызывает у носителей сомнения;

-/+ — при соблюдении данных условий, дистантное согласование лишь в некоторых случаях разрешено (возможно, в таких контекстах существуют еще какие-то дополнительные условия, не выявленные на данный момент);

+

N/A — невозможные в инфинитивной конструкции комбинации, поскольку субъекты главной и зависимой клауз в ней всегда референциально совпадают.

В обеих конструкциях дистантное согласование с вложенным личным аргументом невозможно или очень затруднено, если зависимая клауза предшествует главной. При стандартном порядке слов (субъект матричной клаузы, затем зависимая клауза, затем предикат матричной клаузы) дистантное согласование определяется соотношением свойств личного аргумента и субъекта матричного глагола. Во-первых, дистантное согласование по лицу невозможно, когда личный аргумент в зависимой клаузе маркирован дативом, т. е. конкурирует с главным субъектом, поскольку тот также имеет дативное оформление. Во-вторых, наиболее вероятным контролером дистантного согласования является тот, который имеет более низкую по сравнению с субъектом главной клаузы семантическую роль. В случае с деепричастной конструкцией такими аргументами являются пациенс и локативный аргумент, а в инфинитивной конструкции — только локативный аргумент. Исключением является инклюзивное местоимение, которое может контролировать дистантное согласование, не имея при этом необходимого для контролера положения на ролевой иерархии. Последний факт пока остается не до конца понятным.

Заключение

Итак, в настоящей статье мы рассмотрели дистантное согласование по лицу в табасаранском языке на материале деепричастной и инфинитивной конструкций с глаголом 'хотеть'. Эти конструкции представляют интерес тем, что обе они, несмотря на биклаузальность, допускают согласование личного местоимения зависимой клаузы с главным предикатом. Мы попытались показать, что представленный в статье материал не укладывается в существующие интерпретации дистантного согласования, а также дистантной клитизации, поскольку изученные конструкции не проявляют моноклаузальных свойств. Подход, при котором дистантное согласование в биклаузальных конструкциях объясняется при помощи передвижения в специальную топикальную проекцию (или какую-либо иную проекцию

с дискурсивной функцией), также не позволяет адекватно объяснить табасаранские примеры, поскольку согласование возможно и при фокусировании аргумента, контролирующего глагольный показатель.

Возникновение нелокального согласования в табасаранском языке зависит от соотношения субъекта главной клаузы и личного аргумента зависимой клаузы — кандидата на позицию контролера согласования. В обеих конструкциях наиболее приоритетным контролером согласования является такой личный аргумент, который оказывается ниже в иерархии семантических ролей по сравнению с дативным субъектом главной клаузы. Для деепричастной конструкции — это пациенс и локативный аргумент, для инфинитивного предложения — только локатив.

Дальнейший анализ этих конструкций, как кажется, может развиваться в двух направлениях. Если считать, что отношения между местоименным аргументом и матричным глаголом действительно представляют собой дистантное согласование (или клитизацию), то необходим пересмотр существующих подходов к этому явлению. Другое направление в анализе сводится к тому, чтобы показать, что личный глагольный показатель не зависит непосредственно от местоименного аргумента, т. е. речь идет не о согласовании (или клитизации), а о некотором ином механизме, обуславливающем появление маркера на глаголе, как это происходит в конструкциях передачи чужой речи (см. [Богомолова 2012]).

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо, ABS — абсолютив, AD — нахождение рядом с ориентиром, ADD — адитивная частица 'и', AFF — аффективный падеж, AG — агенс, AOR — аорист, CONV — деепричастие, COMIT — коммитатив, DAT — датив, ELAT — движение из области локализации, EMPH — эмфатическая частица, ERG — эргатив, ESS — нахождение в области локализации, EXCL — эксклюзивное местоимение, FUT — будущее время, GEN — генитив, HAB — хабитуалис, IN — нахождение внутри ориентира, INAN — показатель неодушевленности, INCL — инклюзивное местоимение, INF — инфинитив, IPFCONV — деепричастие несовершенного вида, LAT — движение в область локализации, LOC — локатив, N — классно-числовой показатель неодушевленного класса единственного числа, NN — классно-числовой показатель неодушевленного класса множественного числа и одушевленного класса обоих чисел, NEG — отрицание, OBJ — объект, OVV — обвиатив, PAT — пациенс, PF — основа совершенного вида, PFCONV — деепричастие совершенного вида, PFT — прошедшее время, PL — множественное число, POST — нахождение позади ориентира, PRS — настоящее время, PTCL — частица, REFL — рефлексив, SG — единственное число, S — субъект непереходного глагола, SUBJ — субъект, SUPER — нахождение над ориентиром; при помощи угловых скобок <> обозначается инфикс; круглые скобки () указывают на то, что грамматическое значение выражается нулевым показателем; двоеточие используется для выражения кумулятивного значения; точкой отделена косвенная основа имен существительных (в большинстве случаев совпадающая с эргативом).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богомолова 2012 — Богомолова Н. К. Личное согласование в табасаранском языке: концептуализатор и его адресат в структуре ситуации // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 101—124. [Bogomolova N. K. Personal agreement in Tabasaran: Conceptualiser and addressee in the event structure. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 4. Pp. 101—124.]
- Кибрик 2005 — Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. Арчинский язык // Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2005. С. 564—567. [Kibrik A. E. Materials for the typology of ergativity. *Archi*. Kibrik A. E. *Konstanty i peremennye jazyka*. St. Petersburg: Aleteiya, 2005. Pp. 564—567.]
- Кибрик 1999 — Кибрик А. Е. Важнейшие морфосинтаксические средства // Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 347—419. [Kibrik A. E. The most important morphosyntactic resources. *Elementy tsakhurskogo jazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Moscow: Nasledie, 1999. Pp. 347—419.]
- Кибрик, Селезнев 1982 — Кибрик А. Е., Селезнев М. Личное согласование в табасаранском языке // Кибрик А. Е. (ред.). Табасаранские этюды. М.: МГУ, 1982. С. 18—23. [Kibrik A. E., Seleznev M.

- Personal agreement in Tabasaran. *Tabasarskie etyudy*. Kibrik A. E. (ed.). Moscow: Moscow State Univ., 1982. Pp. 18—23.]
- Магомедов 1955 — Магомедов А. А. Местоименная аффиксация в глаголах табасаранского языка // Иберийско-кавказское языкознание. Т. VII. Тбилиси, 1955. С. 359—416. [Magometov A. A. Pronominal affixation in Tabasaran verbs. *Iberiisko-kavkazskoe yazykoznanie*. Vol. VII. Tbilisi, 1955. Pp. 359—416.]
- Магомедов 1965 — Магомедов А. А. Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1965. [Magometov A. A. *Tabasarskii yazyk* [The Tabasaran language]. Tbilisi: Metsniereba, 1965.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Издательство РГГУ, 2001. [Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Ханмагомедов 1970 — Ханмагомедов Б. Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала: Дагестанское учебно-производственное издательство, 1970. [Khanmagomedov B. G.-K. *Oчерki po sintaksisu tabasarsanskogo yazyka* [Essays on Tabasaran syntax]. Makhachkala: Dagestanskoe Uchebno-Pedagogicheskoe Izd-vo, 1970.]
- Anagnostopoulou 2005 — Anagnostopoulou E. Strong and weak person restrictions: A feature checking analysis. *Clitic and affix combinations: Theoretical perspectives*. Heggie L., Ordycey F. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2005. Pp. 199—239.
- Bhatt 2005 — Bhatt R. Long distance agreement in Hindi-Urdu. *Natural Language & Linguistic theory*. 2005. Vol. 23. No. 4. Pp. 757—807.
- Comrie, Polinsky 1999 — Comrie B., Polinsky M. Agreement in Tsez. *Folia Linguistica*. Vol. 33. No. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999.
- Corbett 2003 — Corbett G. Agreement: the range of the phenomenon and the principles of the Surrey database of the agreement. *Transactions of the Philological Society*. 2003. Vol. 101 (2). Pp. 155—202.
- Desouvrey 2005 — Desouvrey L.-H. Romance clitic-claster: the case connection. *Clitic and affix combinations: Theoretical perspectives*. Heggie L., Ordycey F. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2005. Pp. 33—81.
- Haspelmath 1999 — Haspelmath M. Long distance agreement in Godoberi (Daghestanian) complement clauses. *Folia Linguistica*. Vol. 33. No. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. Pp. 109—130.
- Haspelmath 2004 — Haspelmath M. Explaining the ditransitive person-role constraint: A usage-based approach. *Constructions*. 2004. № 2.
- Heggie, Ordóñez 2005 — Heggie L., Ordóñez F. (eds). *Clitic and affix combinations: Theoretical perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 2005.
- Kallulli, Tasmowski 2008 — Kalluli D., Tasmowski L. (eds). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2008.
- Polinsky 2003 — Polinsky M. Non-canonical agreement is canonical. *Transactions of the Philological Society*. 2003. Vol. 101 (2). Pp. 279—312.
- Polinsky, Potsdam 2001 — Polinsky M., Potstam E. Long-distance agreement and topic in Tsez. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2001. Vol. 19. No. 3. Pp. 583—646.
- Preminger 2011 — Preminger O. *Agreement as a fallible operation*. PhD dissertation. Massachusetts Institute of Technology.
- Wurmbrand 2001 — Wurmbrand S. *Infinitives: Restructuring and clause structure*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Wurmbrand 2004 — Wurmbrand S. Two types of restructuring — lexical vs. functional. *Lingua*. 2004. Vol. 114. No. 8.
- Zwicky 1985 — Zwicky A. Clitics and particles. *Language*. 1985. Vol. 61. No. 2. Pp. 283—305.
- Zwicky, Pullum 1983 — Zwicky A., Pullum G. Clitization vs. Inflection. *Language*. 1983. Vol. 59. No. 3. Pp. 502—513.

Статья поступила в редакцию 19.07.2014.

РЕЧЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДЛЯ МАЛОРЕСУРСНЫХ ЯЗЫКОВ МИРА*

© 2015 г.

Алексей Анатольевич Карпов^{а,б,в},
Василиса Олеговна Верходанова^а

^а Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации Российской академии наук (СПИИРАН), Санкт-Петербург, 199178, Россия; ^б Университет ИТМО, Санкт-Петербург, 197101, Россия; ^в karpov@iias.spb.su

В последнее десятилетие активно развивающаяся область компьютерной обработки речи для малоресурсных и миноритарных языков испытывает значительный подъем. В статье представлен аналитический обзор существующих проблем, подходов и решений в области распознавания речи для многочисленных разговорных языков с недостаточными речевыми и текстовыми данными, в том числе языков Российской Федерации. Дается определение и характеристика малоресурсных языков, описываются трудности, связанные с их автоматической обработкой, также представлены ведущие в этой области исследования и проекты, направленные на изучение и сохранение малоресурсных языков мира.

Ключевые слова: малоресурсные языки, речевые технологии, распознавание речи, модели языка

SPEECH TECHNOLOGIES FOR UNDER-RESOURCED LANGUAGES OF THE WORLD

Alexey A. Karpov^{а,б,в}, Vasilisa O. Verkhodanova^а

^а St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences (SPIIRAS), St. Petersburg, 199178, Russia; ^б ITMO University, St. Petersburg, 197101, Russia; ^в karpov@iias.spb.su

Over the past decade, computer speech processing of under-resourced and minority languages has experienced a significant progress. In this paper, we present an analytical review of existing problems and approaches in the field of speech recognition for many spoken languages lacking speech and text resources, including languages of the Russian Federation. The definition and characteristics of under-resourced languages and challenges connected with their automatic processing are presented, as well as projects and investigations dealing with analysis and preservation of under-resourced languages of the world are described.

Keywords: under-resourced languages, speech technology, speech recognition, language models

Введение

В настоящее время персональные компьютеры и смартфоны очень активно используются для текстового и речевого общения между людьми. Разговорный язык является основным средством межчеловеческой коммуникации, а языковое разнообразие мира — это основа богатого культурного наследия человечества. К языковому разнообразию можно

* Исследование проводится при частичной финансовой поддержке фонда РФФИ (проект № 15-07-04415-а), Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-3035.2015.8) и государственной поддержке ведущих университетов РФ (субсидия 074-U01).

относиться так же, как и к биологическому разнообразию [Crystal 2000]. Уже сейчас для ряда наиболее используемых языков доступны различные компьютерные средства обработки текста, электронные словари, машинные переводчики, системы синтеза и распознавания речи. Однако в мире насчитывается более 7 000 живых разговорных языков, и только для небольшого числа из них существуют необходимые информационные ресурсы и программное обеспечение для реализации естественно-языковых и речевых технологий. Современные информационные технологии в основном связаны с теми естественными языками, для которых доступны необходимые языковые и речевые электронные ресурсы, или же с языками, которые стали по какой-либо экономической или политической причине представлять интерес для мирового сообщества. Большая же часть языков развивающихся стран и малочисленных народов на сегодняшний день изучена недостаточно. Один из способов исправления данной ситуации заключается в создании лингвистических и речевых ресурсов, технологий и приложений для работы с такими языками. Таким образом, есть веские основания для разработки речевых технологий (систем автоматического распознавания речи, синтеза речи по тексту, машинного перевода речи) практически для всех языков мира.

В данной статье представлен аналитический обзор проблем, методов и систем автоматического распознавания речи (САРР) для малоресурсных языков (МРЯ, *under-resourced languages*), который демонстрирует возросший в последнее время интерес к этой области. Несмотря на то что задача автоматического распознавания речи достаточно специфична, ряд затрагиваемых в этой статье аспектов актуален и для других задач прикладной лингвистики и информационных технологий. В целом данный обзор является обобщением и развитием исследований и статей, опубликованных в 2014 г. в специальном выпуске международного научного журнала «Speech Communication» (<http://www.sciencedirect.com/science/journal/01676393/56/supp/C>), который был посвящен компьютерной обработке МРЯ и приглашенными редакторами которого выступали Л. Безасие (Франция), Э. Барнард (ЮАР), А. Карпов (Россия, СПИИРАН) и Т. Шульц (Германия, президент ассоциации ISCA) [Besacier et al. 2014]. Также в данном обзоре анализируются доклады, представленные на международных семинарах по речевым технологиям для малоресурсных языков (SLTU), последний из которых впервые проходил в России (Санкт-Петербург) в мае 2014 г. (<http://www.mica.edu.vn/sltu2014>).

1. Общая характеристика языков мира

1.1. Разнообразие разговорных языков

Актуальную оценку количества живых языков мира можно найти на языковедческом интернет-ресурсе Ethnologue (<http://www.ethnologue.com>), где приводится следующее определение живого языка: «Язык, на котором говорит хотя бы один человек и для которого этот язык является родным». Таким образом, мертвые языки и неродные языки не учитываются при подсчете. На основе этого определения Ethnologue по состоянию на 2014 г. выделяет более 7 100 известных науке живых языков, на которых разговаривает около 6,3 млрд. человек. Причем этот список включает в себя около тысячи языков, которые классифицируются как почти вымершие (находящиеся под угрозой исчезновения), т. е. только несколько пожилых носителей живы. Также известно, что на 96% из числа всех известных языков разговаривает лишь 4% человечества, а более половины жителей нашей планеты говорит на одном из пяти крупнейших мировых языков [Плунгян 2010]. Нужно еще отметить, что каталог Ethnologue включает в себя как вербальные, так и визуально-кинетические разговорные языки. Последние называют жестовыми, и они используются для повседневной коммуникации глухими и слабослышащими людьми и объединяют в себе жесты, мимику и артикуляцию губ [Карпов 2011]. В данном обзоре рассматриваются только вербальные разговорные языки, которые имеют звуковую форму.

Отдельно ведется также подсчет языков, имеющих письменную форму. Так, Фонд вымирающих языков FEL (<http://www.ogmios.org/home.htm>) указывает цифру примерно в 2 тыс. письменных языков по количеству опубликованных библий (полностью или частично), однако эта оценка включает и уже мертвые языки. Другой интернет-ресурс Omniglot — энциклопедия систем письма и языков (<http://www.omniglot.com>) — перечисляет около тысячи письменных языков и приводит описание более 180 разных систем письма.

В то время как общий учет языков мира является непростой научной задачей, количество достаточно хорошо исследованных языков с необходимыми языковыми и речевыми корпусами легко перечислить, назвав число языков, которые учитываются в современных информационных технологиях по обработке естественного языка и речи, таких как переводчик Google Translate (80 языков в 2014 г.), словарь Wiktionary и энциклопедия Wikipedia (более сотни языков), интернет-поисковик Google Search (более сотни языков), голосовой поисковик Google Voice Search (35 языков и их региолектов), голосовой помощник Siri для iPhone от Apple/Nuance (9 языков в 2014 г., причем, русский язык в них не входит).

Проблема сохранения и обработки МРЯ является насущной также и для России. Как известно, в республиках Российской Федерации используется свыше 150 различных языков [Potarova 2011], многие из которых являются государственными и официальными языками России. При этом каждая республика в дополнение к государственному русскому языку имеет возможность определять на своей территории другие государственные языки (наибольшее количество языков со статусом государственного зарегистрировано в Дагестане — 14). Помимо русского языка, который обязано знать все население страны, наиболее распространенными по числу носителей являются татарский (свыше 5 млн носителей), чеченский, башкирский и чувашский языки (не менее 1 млн носителей). Все данные языки по международной классификации считаются МРЯ; причем русский язык и его диалекты за рубежом тоже иногда относят к таковым [Lamel et al. 2012] (современный обзор САРР для русского языка представлен в работах [Кипяткова, Карпов 2010; Кипяткова и др. 2013; Vazhenina et al. 2012]). При этом лингвистические и фонетические корпусные исследования и сбор речевых баз данных и словарей проводятся в России для многих из данных языков (например, языков Кавказа [Potarova 2011]), но систематические работы по созданию компьютерных речевых технологий были начаты, пожалуй, только для татарского [Хусаинов 2014].

1.2. Процесс вымирания естественных языков

В современном мире с его растущей глобализацией языки исчезают с высокой скоростью. В начале этого века было спрогнозировано [Crystal 2000], что через столетие половина из ныне исчезающих языков будут мертвыми. Можно сказать, что в среднем каждые две недели один язык вымирает. Как показывает эволюция, даже если на языке говорит 100 тыс. человек, он не защищен от вымирания [Crystal 2000], так как выживание определенного языка зависит от оказываемого давления на язык и его носителей. Подобное давление может возникать из-за природных катастроф (так, сильные землетрясения в Папуа — Новой Гвинее убили несколько живых языков), геноцида народов (около 90 % американских аборигенов погибли в период 200-летнего покорения Америки Европой) или просто от тотального доминирования одного языка над другим [Besacier et al. 2014]. Последнее может вылиться также в культурную ассимиляцию (из-за социальных, политических и экономических преимуществ от использования доминантного языка), которая обычно приводит к потере подавляемого языка в течение жизни следующих поколений (например, второго поколения иммигрантов).

Сегодняшнее языковое разнообразие мира довольно зыбко, поскольку многим языкам угрожает вымирание в силу многих причин [Мурадова 2008]. Возникает вопрос: как можно замедлить вымирание языков, и каковы связанные с этим затраты? Во-первых, язык можно

сохранить, только если само общество этого хочет и окружающая культурная и социальная среда уважает это стремление. Это может выражаться, например, в финансовой поддержке образовательных курсов, учебников, пособий и учителей. А также в том, что лингвисты выезжают в полевые экспедиции, собирают, публикуют и делают общедоступной информацию о языке: его грамматику, словарь, аудиовизуальные записи его носителей и т. д. Требуемые расходы, связанные с сохранением языка, зависят также от определенных условий, таких, например, как наличие у языка письменности. Так, в [Crystal 2000] расходы на сохранение языков оценены приблизительно в 80—100 тыс. долларов на один язык в год. Если же рассматривать все вымирающие ныне языки, то цифра необходимых расходов может вырасти до миллиарда долларов.

В мире для привлечения общественного внимания и финансов для решения проблемы вымирания языков были запущены масштабные проекты ЮНЕСКО (Atlas of the World's Languages in Danger и Red Book of Endangered Languages), а также созданы такие организации, как, например, Фонд исчезающих языков (Foundation of Endangered Languages, <http://www.ogmios.org>). Советом Европы была подготовлена и действует в ЕС «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств», к которой присоединилась и Россия (<http://www.terralegis.org/terra/act/e474.html>).

Некоторые научные организации и ассоциации также весьма активны в исследовании МРЯ и вымирающих языков. Так, например, международная ассоциация Sorosoro (<http://www.sorosoro.org>) занимается организацией программ «оживления» и документирования исчезающих языков. Крупный французский проект PI-languages (poorly computerized language) посвящен разработке инструментов распознавания речи для МРЯ, в особенности языков юго-восточной Азии (<http://pi.imag.fr/xwiki/bin/view/Main/>). Другая международная ассоциация African Language Technology (AfLaT, <http://aflat.org>) занимается исследованиями МРЯ восточной Африки. В рамках международной ассоциации по речевой коммуникации ISCA создана специальная группа по речевым технологиям для миноритарных языков SALTML (Speech and Language Technologies for Minority Languages, <http://ixa2.si.ehu.es/saltml>). Проводится международная конференция по миноритарным языкам (<http://icml14.uni-graz.at>).

В России также иногда проходят научные мероприятия, посвященные изучению языков этнических меньшинств. Например, в 2011 г. в Йошкар-Оле проходила международная конференция «Языки меньшинств в компьютерных технологиях: опыт, задачи и перспективы» (<http://www.marlamuter.ru/downloads/rezolution.pdf>). Выходят также научные издания по результатам изучения миноритарных языков России и стран бывшего СССР [Казакевич, Кибрик 2005; Потапова 2009; Чельшева 2009].

Однако важно подчеркнуть, что языки национальных меньшинств и малочисленных этносов (minority languages) не то же самое, что малоресурсные языки (under-resourced languages), которые могут быть национальными и официальными языками стран, причем иногда с очень большим количеством носителей. С другой стороны, некоторые языки национальных меньшинств можно рассматривать как языки с достаточными ресурсами (например, каталанский язык доступен на Google Search и Google Translate). МРЯ не обязательно являются вымирающими, хотя обратное утверждение чаще всего верно.

1.3. Речевые технологии для оживления языков

С помощью современных речевых и языковых технологий (speech technologies или spoken language technologies) можно задокументировать разговорные языки и таким образом прекратить или замедлить их вымирание. Языковое разнообразие — это основа нашего богатого культурного наследия. Если в мире пропадает язык, то воспоминания, опыт и культура уходят вместе с ним. Существование соответствующей компьютерной технологии может пробудить интерес к языку у его носителей и у людей, изучающих его. Кроме того, в свете необходимости оживления языков развитие речевых технологий для их транскрибирования

является важным шагом к их сохранению (в основном это касается разговорных бесписьменных языков), так как помогает облегчить доступ к аудиоданным на этих языках.

Другой веской причиной, почему естественно-языковые и речевые технологии должны быть доступны для всех языков, является то, что политическое и социальное влияние языка в глобальном плане может быть изменчиво. Различие языков — это также одно из препятствий, затрудняющих взаимодействие между людьми из разных стран. Во время вооруженных конфликтов или природных катастроф может потребоваться вербальное взаимодействие с носителями МРЯ. Например, разрушительное землетрясение на Гаити в 2010 г. подчеркнуло необходимость технологий для работы с креольским языком [Besacier et al. 2014]. Часто местное население, которому в подобной ситуации необходимо общаться с иностранными спасателями или врачами, говорит только на родном языке, незнакомом для приезжих. Для таких случаев переводчиков зачастую не хватает или они не могут вовремя добраться в нужное место. В подобных ситуациях такие информационные технологии, как машинный перевод, синтез и распознавание речи были бы очень полезными. Возможно, современные технологии еще далеко не совершенны, но при отсутствии альтернативы и в экстренной ситуации даже неидеальная система была бы крайне важна.

Кроме того, некоторые МРЯ и вымирающие языки при должной поддержке доступных информационных технологий могут расцвести и в дальнейшем стать сильными в социальной, политической и экономической сфере. В качестве примера можно отметить языки быстро развивающихся стран (в том числе стран БРИКС): малайский, вьетнамский, бенгальский, урду, суахили и т. д., некоторые из которых уже находятся в двадцатке наиболее общепотребительных языков мира.

2. Анализ особенностей малоресурсных языков

2.1. Определение малоресурсных языков

Термин «малоресурсные языки» (under-resourced languages или low-resourced languages) первоначально был предложен нидерландским ученым С. Краувером [Krauwert 2003]. Это понятие относится к естественным языкам с некоторыми (или всеми) из следующих свойств: недостаток своей системы письменности или устойчивой орфографии; нехватка квалифицированных лингвистов и переводчиков для данного языка; ограниченное распространение в сети Интернет; нехватка электронных ресурсов для обработки языка и речи, в том числе одноязычных корпусов, двуязычных электронных словарей, орфографических и фонетических транскрипций речи, словарей произношения и т. д. Как уже говорилось, МРЯ — это не всегда миноритарный язык (minority language), на котором говорит меньшая часть населения на определенной территории. Некоторые МРЯ в действительности являются государственными или официальными языками стран, и на них говорит большая часть населения (например, бенгальский, на котором говорит около 250 млн человек, тамильский, урду, малайский, казахский, белорусский и т. д.). С другой стороны, некоторые малые языки можно рассматривать как языки с достаточными ресурсами (well-resourced languages). Скажем Google Voice Search и Translate, а также в Wikipedia и Wiktionary, поэтому они уже не могут считаться МРЯ.

В течение последних лет все больше внимания научного сообщества уделяется созданию и адаптации текстовых и речевых ресурсов и моделей для автоматической обработки МРЯ. Этой теме посвящен, например, международный семинар по речевым технологиям для малоресурсных языков (International Workshop on Spoken Language Technologies for Under-resourced Languages — SLTU; <http://www.mica.edu.vn/sltu>), который проходил в 2008 г. в Ханое (Вьетнам), затем в 2010 г. в Пенанге (Малайзия), в 2012 г. в Кейптауне (ЮАР) и наконец в мае 2014 г. в Санкт-Петербурге [Карпов 2015].

2.2. Оценка статуса языка

Для того чтобы объективно оценить текущий статус доступности ресурсов языка, по инициативе ассоциаций ELSNET и ELRA был введен критерий BLARK (Basic Language Resource Kit, <http://www.blark.org>) [Krauwer 2003]. В рамках предложенной концепции был определен минимальный набор языковых ресурсов, которые нужно сделать доступными для максимально большого числа языков. Критерий BLARK позволяет учитывать экспертные оценки наличия и доступности электронных ресурсов и сервисов для конкретного языка с вычислением средней оценки. В [Berment 2004] приводится пример оценки по данному показателю кхмерского языка Камбоджи (6,2 из 20 баллов), а также вьетнамского языка (10 из 20). В данной работе МРЯ определен как язык, для которого значение этой оценки ниже 10 из 20 возможных баллов.

Недавно европейский проект METANET опубликовал ряд аналитических документов «Языки в Европейском информационном обществе» (<http://www.meta-net.eu/whitepapers/overview>), которые описывают состояние каждого европейского языка с учетом наличия для него естественно-языковых технологий (Human Language Technology) и объясняют актуальные риски и возможности развития для языков Европы. Анализ показывает, что целый ряд государственных языков ЕС до сих пор является МРЯ: латышский, литовский, исландский, мальтийский, ирландский и т. д. (<http://www.meta-net.eu/whitepapers/key-results-and-cross-language-comparison>).

2.3. Проблемы автоматической обработки малоресурсных языков

При создании системы автоматического распознавания речи (САРР) для некоторого МРЯ необходимо использовать методы и подходы, которые выходят за рамки простого перевода, переобучения и адаптации моделей от другого языка (например, английского). При автоматизированной обработке любого нового языка часто приходится сталкиваться с новыми трудностями, которые проистекают из специфических фонетических систем, проблем с сегментацией на слова, размытых грамматических структур фраз, наличия бесписьменных языков и т. д. Необходимы также и новые методики сбора данных, например, краудсорсинг (crowdsourcing) [Gelas et al. 2011]. Помимо этого нужны универсальные модели, в которых информация разделена между языками, например, многоязычные акустические или языковые модели [Schultz, Kirchhoff 2006; Le, Besacier 2009]. Часто социальные и культурные аспекты, связанные с рассматриваемым языком, являются источником дополнительных трудностей: языки с многочисленными диалектами/региолектами в разных регионах, постоянное переключение носителей с одного языка/диалекта на другой (англ. «code-switching speech», например, смешанная (английский и африкаанс) речь в ЮАР), перемешивание языков/диалектов в речи говорящих (англ. «code-mixing speech», например, суржик на Украине), массовое присутствие неносителей языка (как в случае с суахили). Другой сложностью является необходимость свести вместе требования самих носителей и разработчиков автоматических систем: крайне сложно найти носителей языка с необходимыми техническими навыками для разработки САРР для их родного языка. Кроме того, МРЯ обычно недостаточно исследованы учеными и слабо описаны в лингвистической литературе.

Для того чтобы начать создавать речевые технологии для МРЯ, нужно сначала постараться заимствовать подходящие информационные ресурсы и знания из родственных языков (одних языковых семей и групп). Для этого необходимы междисциплинарные исследования, в том числе с привлечением лингвистов, диалектологов (чтобы найти коэффициенты близости между языками), фонетистов (чтобы соотнести фонетические алфавиты рассматриваемых МРЯ и языков с достаточными ресурсами), технических специалистов и т. д. Более того, для некоторых языков важно на ранней стадии работ проверить адекватность использования базовых подходов и методов распознавания речи: например, является ли слово

оптимальной единицей для языкового моделирования либо лучше использовать морфемы, и нужно ли добавлять тональные характеристики речи при акустическом моделировании аудиосигналов? Вдобавок для некоторых малых или вымирающих языков разработчикам технологий зачастую необходимо работать в контакте с полевыми лингвистами, чтобы получить доступ к носителям языка и собрать необходимые обучающие и тестовые данные в соответствии с принятыми техническими требованиями и правилами.

2.4. Речевые и текстовые информационные ресурсы

Процесс создания речевых технологий (в частности, SAPP) требует наличия речевых корпусов с аудиоданными и транскрипциями речи многих дикторов-носителей языка, словарей произношений, охватывающих всю лексику как минимум обучающего речевого корпуса, а также больших объемов текстовых данных для создания статистических языковых моделей. Несмотря на то, что за последние годы возросло количество языков, для которых речевые корпуса и языковые ресурсы были систематически собраны и стали доступны, этих языков до сих пор не более сотни. При этом во многих географических регионах при сборе речевых данных полевые исследователи сталкиваются с различными политическими и культурными сложностями, вследствие чего стоимость лицензирования и продажи баз данных для ряда языков может быть непомерно высокой.

Из практики речевых исследований известно, что обучающие речевые корпуса должны предоставлять аудиоданные для разных языков с сопоставимым качеством записи (тип микрофона, уровень шума, частота дискретизации сигнала и т. д.), стилем речи (чтение текста, разговор или спонтанная речь), форматом транскрипции и словарями. Такие речевые корпуса подходят для обучения многоязычных акустических моделей и для быстрой адаптации технологий под новые языки и прикладные области.

Для работы над базами данных был создан международный консорциум лингвистических данных LDC (<https://www ldc.upenn.edu>), запустивший проект по созданию текстовых и речевых корпусов для многих языков, в рамках которого открыт коммерческий доступ к обучающим корпусам для распознавания и синтеза речи, машинного перевода и т. д. Европейская ассоциация по языковым ресурсам ELRA (<http://www.elra.info>) также имеет в своем каталоге базы данных и информационные ресурсы для десятков языков мира.

Одним из хороших примеров является и корпус речи и текста GlobalPhone [Schultz et al. 2013]. Эта база данных содержит аудиозаписи и транскрипции речи для разработки и тестирования речевых технологий для 20 распространенных языков и МРЯ, включая русский, арабский, болгарский, мандаринский китайский, шанхайский китайский, хорватский, чешский, французский, немецкий, хауса, японский, корейский, польский, португальский (бразильский вариант), испанский (латиноамериканский вариант), шведский, тамильский, тайский, турецкий и вьетнамский. Корпус содержит свыше 400 часов записи речи в исполнении более 2 000 носителей языков. В эту базу данных входят также словари произношений и языковые модели. GlobalPhone создана единообразно для всех включенных в нее языков в плане объема текста и речи для каждого языка (100 дикторов на язык), качества записей (одинаковые микрофоны, низкие шумы), методики сбора (окружающая обстановка, стиль речи, условия записи), а также фонетических транскрипций речи и обозначений фонем.

Кроме того, в последнее время в мире для систем автоматического распознавания речи для МРЯ значительную популярность приобрели также многоязычные речевые базы данных, созданные в рамках проекта Babel американского агентства IARPA (<http://www.iarpa.gov/index.php/research-programs/babel>). Речевой корпус Babel включает транскрибированные записи речи на нескольких десятках МРЯ, его используют в своих исследованиях научные коллективы и коммерческие организации из ряда зарубежных стран [Gales et al. 2014; Hartmann et al. 2014]. За последние годы также были собраны и стали доступны для исследований корпуса для 11 официальных южноафриканских языков, включая базу данных

телефонной речи AST [Roux et al. 2000], многоязычный корпус Lwazi [Barnard et al. 2009] и большой корпус речи NCHLT [de Vries et al. 2014].

Среди других коммерческих организаций, занимающихся сбором речевых и текстовых корпусов, стоит упомянуть компанию AppenButlerHill, которая имеет около 80 языков в своем каталоге (<http://catalog.appenbutlerhill.com/>), китайскую компанию SpeechOcean, предоставляющую речевые данные для SAPR на 30 языках (<http://www.speechocean.com/en-Product-Catalogue/>). Тем не менее, во многих регионах при сборе баз данных составители сталкиваются с политическими и культурными трудностями, вследствие чего стоимость баз данных для некоторых языков может быть очень высокой (особенно для коммерческих задач). А для некоторых языков нельзя даже говорить о составлении произносительных словарей и больших корпусов.

В России и странах бывшего СССР проблема сбора баз данных для МРЯ стоит также остро из-за значительного языкового разнообразия. Собрано уже достаточно много больших текстовых корпусов для русского языка (например, Национальный корпус русского языка, <http://www.ruscorpora.ru>; Корпус русского литературного языка, <http://www.narusco.ru>), а также русскоязычные речевые базы данных (представлены, в частности, в работах [Ронжин и др. 2006; Кибрик, Подлесская 2009; Асиновский и др. 2010; Arlazarov et al. 2004]), чего, однако, нельзя сказать про остальные языки Российской Федерации. Среди известных электронных языковых ресурсов для официальных МРЯ можно отметить, например, лингвистические корпуса, созданные при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (<http://web-corpora.net>). Так, примерами таких корпусов являются корпус литературного бурятского языка объемом более 2,2 млн словоупотреблений с начальной морфологической разметкой входящих в него слов на основе словоизменительных характеристик; корпус калмыцкого языка объемом около 800 тыс. словоупотреблений с морфологической разметкой; корпус осетинского литературного языка объемом 10,5 млн словоупотреблений с автоматической разметкой на русском и английском языках; корпус литературного лезгинского языка объемом около 4,5 млн. словоупотреблений с морфологической разметкой; национальный корпус татарского языка «Туган тел», объем которого составляет более 26 млн слов с автоматической морфологической разметкой. Также известен текстовый «Вепский корпус» (<http://vepsian.krc.karelia.ru>), содержащий диалектные бытовые, этнографические и фольклорные тексты, тексты на младописьменном вепском языке. Известен также российский интернет-проект по сравнительно-историческому языкознанию «Вавилонская башня» (<http://starling.inet.ru>) [Старостин 2007], предоставляющий электронные лексико-грамматические базы данных по русским народным говорам. Кроме того, стоит упомянуть о создании «Письменного корпуса татарского языка» (<http://corpus.tatfolk.ru>) и о проекте «Онлайн-словари финно-угорских народов» (<http://dict.marlamuter.ru>), включающем словари для марийского и удмуртского языков. Существуют также публикации о разработке компьютерного фонда звучащей речи «Языки народов России» [Асиновский и др. 2007].

3. Автоматическое распознавание речи для малоресурсных языков

Любая современная SAPR содержит в своем составе три основные модели: акустическая (акустико-фонетическая) модель, лексическая модель (словарь произношений) и языковая модель (либо грамматика) [Besacier et al. 2014]. Общая архитектура современной SAPR, включающая в себя три данные модели, представлена на рисунке 1. Такая SAPR функционирует в двух основных режимах: обучение (сбор обучающих баз данных, создание и обучение вероятностных моделей) и распознавание (декодирование речевого сигнала и отбор наилучших гипотез распознавания). Далее в этом разделе будут описаны основные проблемы и возможные решения при создании всех этих моделей для SAPR с учетом специфики МРЯ.

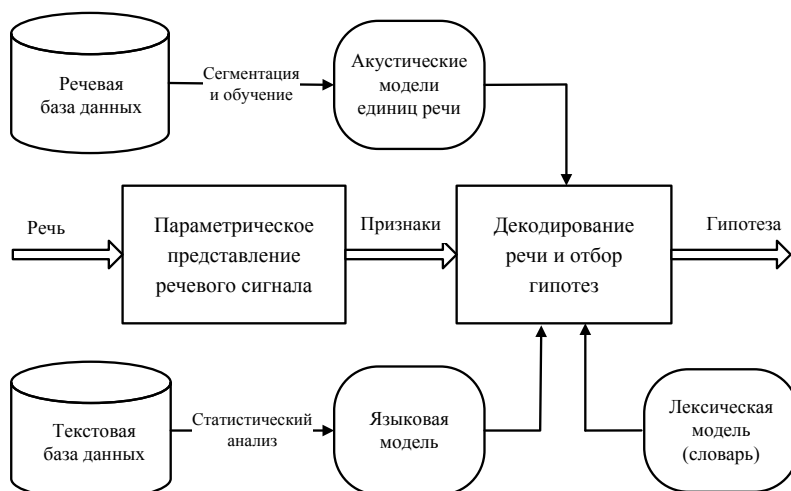


Рис. 1. Общая архитектура системы автоматического распознавания речи

Следует отметить, что в конце прошлого века на заре расцвета речевых технологий САРР, созданные первоначально для одного языка, были успешно адаптированы к ряду других языков. Среди таких разработок можно отметить САРР, созданные в IBM, BBN, Philips, CUED, MIT и LIMSI [Besacier et al. 2014]. Успешная адаптация САРР английской речи для немецкого, французского, чешского, японского языков показала адекватность методов совместного компьютерного моделирования разных языков и то, что речевые технологии для нескольких языков можно объединять. Тогда же исследователи начали систематически разрабатывать возможности создания языконезависимых акустических моделей для компьютерного анализа новых языков. Рассматривались различные аспекты этой задачи: влияние языковых семей и количества использованных языков на качество акустических моделей речи, количества обучающих данных на точность распознавания, возможность создания универсальных акустических моделей [Besacier et al. 2014].

3.1. Сбор и обработка обучающих данных

Как уже отмечалось выше, использование методов статистического анализа и вероятностных моделей в современных САРР требует значительного объема обучающих данных для создания акустических, лексических и языковых моделей. При этом для очень многих МРЯ вообще не существует корпусов, которые можно было бы использовать для разработки САРР. Поэтому сбор обучающих данных является первоочередной задачей при разработке САРР для нового языка. Подходы к сбору аудиоданных можно разделить на те, которые используют и адаптируют уже существующие речевые ресурсы, и те, в которых предполагается записывать речь дикторов. В первом случае в качестве отправной точки для создания аудиокорпуса используются доступные записи радио- и телепередач, выступления членов парламента или подобные речевые ресурсы. При этом основной трудностью является редактирование и транскрибирование записей, чтобы их можно было использовать для эффективного обучения вероятностных акустических моделей. Простое ручное транскрибирование речи осложняется нехваткой экспертов-фонетистов, владеющих МРЯ. В работах [Parent, Eskenazi 2010; Gelas et al. 2011] были достаточно успешно использованы методы краудсорсинга для транскрибирования аудиоданных с привлечением экспертов в удаленном режиме через Интернет. Другая сложность состоит в том, что часто существующие аудиоданные не отличаются необходимым для САРР разнообразием дикторов. Обычно корпус

для дикторнезависимой САРР должен содержать аудиозаписи как минимум 50 различных дикторов, но в теле- и радиопередачах или записях лекций чаще всего встречается до десяти говорящих, а то и меньше [Barnard et al. 2009].

Когда речевой корпус записывается по заранее подготовленным текстам, задача транскрибирования речи может быть существенно облегчена, поскольку есть возможность использовать подготовленные материалы для выравнивания речи и текстов. В этом случае начинают со сбора подходящего текстового корпуса, что возможно только для языков со стандартизированной письменностью. Из этого корпуса выбираются фразы, которые предоставляются для прочтения отобранным дикторам. Существуют и автоматические методы, которые показали свою эффективность для задачи проверки правильности произнесения слов дикторами [Davel et al. 2011]. При этом акустическая модель САРР обучается на начальных аудиоданных, считая, что все реплики записаны правильно, и эта система используется для итеративного обнаружения неправильно произнесенных дикторами фраз и увеличения вероятности распознавания обучающих фраз.

Для самого процесса сбора и записи аудиоданных сейчас часто используются телефонные сервисы, управляемые в режиме интерактивного меню. Инструкции с подготовленными репликами раздаются дикторам, которые звонят по бесплатному номеру телефона, где их просят воспроизвести фразы по порядку. Другой вариант сбора данных предполагает, что материал собирается во время записи разговоров или диалогов с инструктором (с использованием компьютера, диктофона или смартфона). Такой подход часто более выигрышен из-за того, что исследователь может давать указания информанту в ходе записи. Распространенность и доступность смартфонов подтолкнула ряд компаний к разработке специальных мобильных приложений, позволяющих информанту самому производить процесс записи и непосредственно контактировать с инструктором [Hughes et al. 2010; de Vries et al. 2014]. В этом случае полевой исследователь может использовать несколько смартфонов одновременно, что позволяет параллельно записывать речевые данные нескольких человек.

Однако нужно отметить, что в случае создания САРР для малоресурсных языков «с нуля» из-за нехватки ресурсов сначала обычно создаются относительно небольшие корпуса, где предпочтение отдается подготовленной читаемой речи, а не спонтанной, поскольку более четкое произношение слов в подобных корпусах важно в условиях нехватки ресурсов.

3.2. Акустическое моделирование речи

Современные САРР для языков с достаточными ресурсами, как правило, используют скрытые марковские модели (СММ) для моделирования фонем (фононов) языка. К МРЯ часто применяют этот же подход акустического моделирования на основе СММ. При этом непростой задачей является определение оптимального фонемного алфавита языка для акустико-фонетического моделирования. Даже когда набор фонем определен в МРЯ, он зачастую лишен эмпирического основания [Wissing, Barnard 2008]. Фонетический алфавит можно позаимствовать в родственных языках, но такой способ обязательно требует экспериментальной проверки. Существуют методы для объединения и сопоставления речевой и фонетической информации из родственных языков для создания акустических моделей [Le, Besacier 2009; van Heerden et al. 2010; Chan, Rosenfeld 2012].

На практике бывает весьма сложно получить транскрипции речи на МРЯ из-за того, что они еще недостаточно изучены. Для таких случаев разрабатываются контролируемые или полуавтоматические методы, использующие данные из родственных языков, например метод «Multilingual A-stabil» [Vu et al. 2010]. Подобные методы эффективны, когда доступна хоть какая-то информация о целевом языке (например, фонетический словарь или языковая модель), поскольку они сокращают затраты на создание САРР для нового языка.

В ряде работ для некоторых МРЯ применяются также СММ, описывающие акустические параметры не контекстно зависимых фонем (аллофонов), а больших единиц языка — слогов или дифтонгов [Gemmeke, van Hamme 2011; Tachbelie et al. 2014]. В этом случае из-за недостатка

обучающих данных можно исходить из того, что контекстные зависимости обычно менее значимы для слоговых моделей, чем для фонемных. В [Stuker et al. 2003; Siniscalchi et al. 2013] предложено моделировать любой разговорный язык универсальным набором основных единиц речи, который можно определить для всех языков. Набор моделей единиц речи для конкретного языка выбирается на основе характеристик фонем (таких как способ и место артикуляции) на основе классификации международного фонетического алфавита (МФА).

3.3. Лексическое моделирование

Одним из наиболее распространенных подходов к лексическому моделированию в САРР является использование словарей произношений (pronunciation vocabulary), где каждому слову ставится в соответствие его фонетическое (фонематическое) представление, т. е. то, как это слово произносится [Besacier et al. 2014]. Для преобразования «буква—фонема» существуют подходы, основанные на знаниях (правилах), либо подходы, основанные на данных. При этом далеко не для всех МРЯ существуют достаточно представительные словари произношений и не всегда возможно автоматически получить фонетическое представление из орфографических слов. В этом случае можно в словаре использовать графемное представление слов вместо фонетического [Le, Besacier 2009]. В случае акустико-графемного моделирования каждое слово в словаре произношений представляется в виде графем (букв), которые и являются базовыми единицами для акустического моделирования. Подобные словари дают достаточно хороший результат распознавания для тех языков, где графемы и фонемы в языке тесно связаны и имеют однозначное отображение.

Существуют также методы создания словарей произношений, использующие пары слово—транскрипция, найденные в Интернете [Ghoshal et al. 2009; Schlippe et al. 2014]. Например, открытый интернет-словарь Wiktionary содержит фонетическое представление слов в формате МФА. В работах [Schlippe et al. 2010; 2012] предложен автоматический метод извлечения фонетических транскрипций из словаря Wiktionary и словарных статей Wikipedia, который определяет, удаляет и заменяет противоречивые или некорректные пары слово-транскрипция, взятые в Интернете.

Кроме того, предложены также методы преобразования «буква—фонема», которые используют средства статистического машинного перевода [Laurent et al. 2009; Karanasou, Lamel 2010]. При этом графемы рассматриваются как «слова» во входном языке, а фонемы — как «слова» в выходном языке. Система машинного перевода обучается на основе исходного фонетического словаря для ограниченного количества слов, а после ее применяют для преобразования произвольного слова на этом языке в его фонетическую форму [Cucu et al. 2014].

Отдельную проблему представляет обработка языков, не имеющих письменности, для которых нет САРР и машинного перевода. Если язык бесписьменный, то работать можно только с аудиосигналами и фонетическими транскрипциями [Kempton, Moore 2014]. Эти транскрипции могут составляться экспертами-фонетистами или САРР для других родственных языков. В работах [Besacier et al. 2006; Stuker et al. 2009] предложены способы автоматического формирования лексических единиц (и их произношений) для неизвестного языка, что осуществляется с помощью автоматического объединения цепочек фонем для образования новых слов, например, на базе метода Model3P [Stahlberg et al. 2012].

3.4. Языковое моделирование

Модели языка и грамматики фраз позволяют оценить вероятность появления некоторой цепочки слов, что дает возможность отфильтровать маловероятные последовательности слов в гипотезах распознавания. Один из наиболее эффективных подходов к статистическому моделированию основан на использовании n -грамм (биграмм, триграмм и т. д.), с помощью которых вычисляется вероятность нахождения любой последовательности слов в тексте. Распределение вероятностей n -грамм в модели зависит от наличия обучающих

текстовых данных, поэтому для статистического моделирования языка необходимы большие объемы данных, чтобы обеспечить статистическую значимость.

При этом для ряда синтетических языков с богатой морфологией разумно разделение слов на сублексические единицы (морфемы/морфы или другие) и использование их в качестве элементов словаря и языковой модели [Ronzhin, Karpov 2007]. Такой подход позволяет сократить размер словаря распознавания и обеспечить больший охват лексики за счет уменьшения количества внесловарных слов (*out-of-vocabulary words*). Тем не менее, в случае применения данного метода возникают иные проблемы, связанные с высокой фонетической неоднозначностью на уровне частей слов, с преобразованием графем в фонемы со множественными транскрипциями, с необходимостью после распознавания составлять целые слова из распознанных частей (с учетом ошибок распознавания), а также использовать *n*-граммы более высокого порядка (от 5- до 10-грамм) для охвата грамматических зависимостей между соседними словами во фразах [Besacier et al. 2014]. Модели языка, основанные на морфемах, успешно применялись для ряда языков с богатой морфологией, в частности, для агглютинативных и флективных языков (славянских), в том числе русского [Whittaker, Woodland 2003; Ronzhin, Karpov 2007] и словенского [Rotovnik et al. 2007].

Разбиение словоформ на морфемы возможно выполнить с помощью двух разных подходов: методов, основанных на знаниях (с использованием грамматических правил), и методов, основанных на данных (статистическом анализе текстовых данных) [Karpov et al. 2011]. Преимуществом первых является то, что они позволяют получить истинное разделение словоформ на грамматические морфемы (приставки, корни, суффиксы, окончания и т. д.). Особенностью вторых является то, что они опираются только на статистический анализ текста и не используют дополнительных лингвистических знаний, что позволяет обрабатывать тексты любого письменного языка. Однако с помощью статистических методов, как правило, слова можно разделить только на псевдоморфемы, которые не всегда совпадают с грамматическими единицами. Для данной задачи широко используются программные средства статистического анализа текста, например программа Morfessor [Smit et al. 2014], которая изначально была разработана для финского языка (<http://www.cis.hut.fi/projects/morpho/>). При статистическом моделировании языка важной проблемой также является недостаток обучающих текстовых данных. Однако подход, основанный на использовании сублексических единиц языка, требует значительно меньше обучающих данных, чем целословные модели языка [Pellegrini, Lamel 2008].

Кроме того, некоторые МРЯ, например славянские языки (в том числе русский), характеризуются весьма свободным порядком слов в предложении по сравнению со многими языками со строгим грамматическим порядком слов (как английский или немецкий). Поэтому в первых для определения истинного порядка слов и структуры предложения зачастую необходима синтаксическая, семантическая и прагматическая информация. При этом стандартные статистические модели для таких языков будут недостаточно эффективны, потому как *n*-граммы высокого порядка (3-граммы и более) обладают высоким коэффициентом неопределенности (*perplexity*) и низким процентом совпадения для *n*-грамм (*n-gram hit*) при распознавании, поэтому для надежного обучения таких языковых моделей необходимы огромные корпуса текстовых данных (сотни миллионов словоупотреблений). Для улучшения статистических моделей разработаны методы, учитывающие синтаксическую информацию и действующие грамматические связи между словами в предложениях, например, структурные языковые модели [Chelba, Jelinek, 2000] и модифицированные *n*-граммные модели (в том числе синтактико-статистические) [Kuo et al. 2009; Rastrow et al. 2012; Kipyatkova et al. 2013; Karpov et al. 2014]. Кроме того, синтаксическая информация, полученная с помощью парсеров, может быть использована для оценки грамматических связей в гипотезах распознавания фраз (результат работы SAPP) [Huet et al. 2010], что может привести к более высокой точности распознавания речи за счет выбора более осмысленных гипотез. В последнее время для улучшения статистических языковых моделей и уменьшения их коэффициента неопределенности применяются также факторные (*factored*) модели

языка, которые помимо *n*-грамм слов дополнительно включают в себя и различную лингвистическую информацию (часть речи словоформы, ее лемма, основа, грамматические показатели и т. д.) [Bilmes, Kirchoff 2003; Kipyatkova, Karpov 2014].

Отдельной проблемой является сбор обучающих текстовых данных рассматриваемого языка. Для решения этой проблемы часто используют текстовые ресурсы из Интернета (например, новостные ленты или Wikipedia) [Cai 2008], но возможно использовать и системы машинного перевода для преобразования корпуса текста одного языка в другой [Jensson et al. 2008; Cucu et al. 2012]. При этом отдельной задачей является также необходимость нормализации обучающих текстовых корпусов (числа, акронимы, аббревиатуры и т. д.), а также нахождение орфографических ошибок и опечаток в интернет-изданиях.

При создании языковых моделей для некоторых МРЯ приходится сталкиваться и с другими специфическими проблемами, например, румынский или турецкий языки активно используют диакритические знаки. Даже несмотря на то, что для человека текст без диакритики почти всегда понятен (при наличии контекста), машинное восстановление диакритических знаков является сложной задачей. При этом у ряда таких языков в текстах, которые можно собрать в Интернете, отсутствует диакритика. Но результат работы SAPP, в которой не используются соответствующие диакритические знаки, может быть неоднозначным или неверным из-за различного произношения слов с диакритическими знаками и без них. Поэтому для таких языков необходимы методы автоматического восстановления диакритических знаков в гипотезах распознавания фраз [Cucu et al. 2014].

Наконец, еще одной проблемой при языковом моделировании является то, что в письменности ряда МРЯ (вьетнамского, тайского, кхмерского языков и т. д.) нет разделения текста на слова или же это разделение неоднозначно. Причем даже для тех языков, где слова разделяются специальным знаком (обычно пробелом), сегментация на слова — не всегда простая задача. При этом в SAPP необходимо определение слов как элементов текста, поскольку на них основываются словарь и модель языка. Для тех языков, в которых нет очевидного разделения на слова, *n*-граммы слов обычно определяются по сегментированному автоматическими методами корпусу текстов [Besacier et al. 2014]. Однако из-за лексических неоднозначностей в языке и наличия внесловарных слов появляются ошибки при автоматической сегментации текста. Возможной альтернативой является вычисление вероятностей появления лексических цепочек по логографическим символам, таким как, например, кандзи в японском или ханча в корейском языке [Denoual, Lepage 2006].

4. Технологии и средства для распознавания речи МРЯ

В настоящее время существует коммерческий интерес к созданию и использованию речевых технологий для примерно 200 наиболее распространенных разговорных языков, но существуют иные важные причины для работы с остальными коммерчески малоинтересными МРЯ, например, предоставление доступа к информации на всех государственных и официальных языках, документирование речи для обогащения лингвистического знания о них, сохранения культурного наследия и т. д. Применение SAPP актуально для компьютеризированного изучения вымирающих языков, а разработка программных средств для полевых лингвистов (инструментов автоматической аннотации, сегментации речи и т. д.) важна для документирования вымирающих языков и их сохранения.

Далее представлено несколько хороших примеров разработанных и внедренных SAPP для различных МРЯ в разных странах. Известно, что в ЮАР почти в равной степени используются 11 официальных языков и в этой стране в последние годы стали активно развиваться технологические проекты, направленные на решение социальных проблем и сглаживание языковых барьеров [Barnard et al. 2010]. В Южной Африке активно прогрессирует и сфера разработки речевых технологий и ресурсов, охватывающая почти все языки страны. Заметным и коммерчески значимым результатом этой деятельности стало создание приложений для интернет-поиска на основе речевых запросов на зулусском, африкаанс и южно-африканском

английском. Были разработаны многоязычные SAPP на основе программных средств и языковых ресурсов, предоставленных компанией Google [Ibid.]. И, хотя созданные системы дают несколько меньшую точность распознавания, чем современные SAPP для английского языка, их качество все же позволяет использовать эти системы на практике.

В 2008 г. в Индии IBM India Research Laboratory был запущен масштабный проект Aavaaj Otalo [Patel et al. 2009]. Индийским фермерам, которые зачастую не имеют достаточного образования даже чтобы уверенно читать, было предложено использовать голосовые сообщения для интерактивного доступа к сельскохозяйственной информации. Эта речевая технология в настоящее время доступна посредством мобильных телефонов, которые быстро распространились в индийских сельских общинах [Mohan et al. 2014]. Наиболее популярной возможностью проекта является интерактивная вопросно-ответная система по различным сельскохозяйственным и социальным темам, например, информация о рыночной стоимости продукции, прогноз погоды, информация о приезде врача, поиск наиболее дешевого оборудования или семян и т. д. Голосовой запрос абонента отправляется в SAPP IBM Websphere Voice. Изначально данная SAPP была создана для американского английского с большим словарем распознавания, но в ходе проекта была адаптирована к гуджарати, бенгальскому и ряду других языков Индии. В созданной системе вербальные команды на гуджарати представлены в системе фонем английского языка. При использовании такого подхода точность распознавания слов составляет до 94% в условиях тихого помещения [Besacier et al. 2014].

Стоит упомянуть также про программный инструментальный SPICE и систему быстрого адаптирования моделей языка RLAT (The Rapid Language Adaptation Toolkit) [Schultz et al. 2007], которые предназначены для быстрого прототипирования SAPP. Средства RLAT (<http://csl.anthropomatik.kit.edu/rlat.php>) представляют собой свободно доступные интернет-сервисы для создания акустических и языковых моделей для любого языка, а также для сбора и обработки речевых и текстовых данных. RLAT позволяет проектировать базы данных для новых языков, давая возможность пользователям создавать транскрипции к речевым данным, непрерывно собирать и обрабатывать большие объемы текстовых данных из Интернета, эффективно выбирать подходящие фонетические наборы для новых языков, использовать собранные данные при обучении акустических и языковых моделей для SAPP, создавать словари произношений, а также разрабатывать модели синтеза речи по тексту.

Речевые технологии помимо SAPP составляют также системы синтеза речи (text-to-speech, TTS) и машинного перевода речи (speech-to-speech translation, S2S) [Nakamura 2014]. Например, система синтеза речи от Acapela Group позволяет синтезировать речь на 30 языках (включая такие языки, как русский, чешский и каталанский) с возможностью использовать более 100 различных голосов с учетом различной интонационной окраски (<http://www.acapela-group.com>). Существует ряд мобильных приложений для синтеза речи по тексту. Так, сервис Google Text-to-Speech на данный момент поддерживает 14 языков и их диалектов: английский (британский, американский, индийский), итальянский, испанский, корейский, немецкий, нидерландский, польский, португальский (включая бразильский вариант), русский, французский и японский (<https://play.google.com/store/apps/details?id=com.google.android.tts&hl=ru>). Компьютерные системы синтеза речи по тексту также уже разработаны для нескольких африканских языков [van Niekerk, Barnard 2014; Ekprenyong et al. 2014]. Для малоресурсных языков стран СНГ тоже разработаны системы синтеза речи — для белорусского [Гецевич, Лобанов 2010] и казахского языков (<http://www.speechpro.ru/media/news/2014-09-25>). Кроме того, в последнее время машинный перевод речи для малоресурсных языковых пар становится все более актуальным. Проблемой систем статистического машинного перевода также являются скудные информационные ресурсы (параллельные и сопоставимые корпуса) для многих языковых пар. В качестве хороших примеров средств машинной обработки можно привести автоматические системы для вьетнамско-французского перевода речи в речь [Do et al. 2010], амхарско-английского машинного перевода [Gebreegziabher, Besacier 2012] и несколько других систем [Nakamura 2014].

Заключение

Представленный аналитический обзор и многочисленные работы по данной тематике показывают, что компьютерная обработка речи для МРЯ представляет собой активно развивающуюся в последнее десятилетие область исследований, которая сейчас переживает существенный подъем. В данном обзоре были представлены общие проблемы, подходы и достижения в области автоматического распознавания речи для МРЯ, поскольку именно на этой задаче фокусируется значительная часть сегодняшних исследований. Нужно отметить, что многие освещенные в статье вопросы и подходы применимы ко всем речевым технологиям в целом, включая системы синтеза и машинного перевода речи. Значительные успехи в этой сфере продиктованы результатами технических и междисциплинарных исследований, но для решения многих представленных проблем потребуются еще значительные совместные усилия разработчиков, лингвистов, фонетистов, математиков и т. д. Дальнейший прогресс САРР для МРЯ будет в значительной степени основываться на сборе и использовании многоязычных речевых и текстовых ресурсов. Таким образом, есть уверенность, что существующий во всем мире интерес к речевым и естественно-языковым технологиям для МРЯ будет способствовать новым исследованиям и успехам по сохранению и поддержанию таких языков и их носителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Асиновский и др. 2007 — Асиновский А. С., Раднаева Л. Д., Шерстинова Т. Ю. Разработка фонда звучащей речи «Языки народов России» // Альманах – 2007. Языки народов России. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 4—11. http://www.peliken.iphil.ru/Almanakh_2007.pdf [Asinovskii A. S., Radnaeva L. D., Sherstinova T. Yu. Development of the vocal speech fund «Languages of the Nations of Russia». *Almanac – 2007. Languages of the Nations of Russia*. St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts, St. Petersburg State Univ., 2007. Pp. 4—11. Available at: http://www.peliken.iphil.ru/Almanakh_2007.pdf]
- Асиновский и др. 2010 — Асиновский А. С., Богданова Н. В., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю., Маркасова Е. В., Супрунова А. В. Звуковой корпус русского языка «Один речевой день»: пути пополнения и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог'2010» (Бекасова, 26—30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 41—47. [Asinovskii A. S., Bogdanova N. V., Stepanova S. B., Sherstinova T. Yu., Markasova E. V., Suprunova A. V. Sound corpus of Russian “One day of speech”: ways of updating and intellectual technologies. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog'2010»* (Bekasova, May 26—30, 2010). No. 9 (16). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2010. Pp. 41—47.]
- Гецевич, Лобанов 2010 — Гецевич Ю. С., Лобанов Б. М. Система синтеза белорусской речи по тексту // Речевые технологии. 2010. № 1. С. 92—101. [Getsevich Yu. S., Lobanov B. M. A system of Belorussian text-to-speech synthesis. *Rechevye tekhnologii*. 2010. No. 1. Pp. 92—101.]
- Казакевич, Кибрик 2005 — Казакевич О. А., Кибрик А. Е. Малые языки на постсоветском пространстве. Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков М.: Новое издательство, 2005. С.13—39. [Kazakevich O. A., Kibrik A. E. *Malye yazyki na postsovetskom prostranstve. Malye yazyki i traditsii: sushchestvovanie na grani. Вып. 1. Lingvisticheskie problemy sokhraneniya i dokumentatsii mal'kikh yazykov* [Small languages on the post-Soviet territory. Small languages and traditions: existence on the verge. No. 1. Linguistic problems of preservation documenting of small languages. Moscow: Novoe Izdatel'stvo, 2005. Pp.13—39.]
- Карпов 2011 — Карпов А. А. Компьютерный анализ и синтез русского жестового языка // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 41—53. [Karpov A. A. Computer analysis and synthesis of Russian sign language. *Voprosy jazykoznanija*. 2011. No. 6. Pp. 41—53.]
- Карпов 2015 — Карпов А. А. 4-й Международный семинар по речевым технологиям для малоресурсных языков SLTU-2014 // Вопросы языкознания. 2015. № 2. С. 150—152. [Karpov A. A. 4th International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 2. Pp. 150—152.]

- Кибрик, Подлесская 2009 — Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 288—308. [Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds). *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009. Pp. 288—308.]
- Кипяткова, Карпов 2010 — Кипяткова И. С., Карпов А. А. Аналитический обзор систем распознавания русской речи с большим словарем // Труды СПИИРАН. 2010. Вып. 12. С. 7—20. <http://proceedings.spiiiras.nw.ru/ojs/index.php/sp/article/download/1474/1337> [Kipyatkova I. S., Karpov A. A. An analytical survey of large vocabulary Russian speech recognition systems. *SPIIRAS Proceedings*. 2010. No. 12. Pp. 7—20. <http://proceedings.spiiiras.nw.ru/ojs/index.php/sp/article/download/1474/1337>]
- Кипяткова и др. 2013 — Кипяткова И. С., Ронжин А. Л., Карпов А. А. Автоматическая обработка разговорной русской речи. СПб.: ГУАП, 2013. [Kipyatkova I. S., Ronzhin A. L., Karpov A. A. *Avtomaticheskaya obrabotka razgovornoj russkoi rechi* [Automated processing of the conversational Russian speech]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Airspace Instrumentation, 2013.]
- Мурадова 2008 — Мурадова А. Р. Как исчезают языки и как их возрождают. Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт. М.: МЦБС. 2008. С. 70—75. <http://www.philology.ru/linguistics1/muradova-08.htm> [Muradova A. R. *Kak ischezayut yazyki i kak ikh vozrozhdayut. Yazykovoe raznoobrazie v kiberprostranstve: rossiiskii i zarubezhnyi opyt* [Disappearance and revival of languages. Linguistic diversity in the cyberspace: Russian and foreign practices]. Moscow: Interregional Centre for Library Cooperation, 2008. Pp. 70—75. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/muradova-08.htm>]
- Плунгян 2010 — Плунгян В. А. Почему языки такие разные. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. [Plungian V. A. *Pochemu yazyki takie raznye* [Why languages are so different]. Moscow: AST-PRESS KNIGA, 2010.]
- Потапова 2009 — Потапова Р. К. Основные тенденции развития многоязычной корпусной лингвистики // Речевые технологии. 2009. № 2. С. 92—114. [Potapova R. K. The main trends in the development of multilingual corpus-based linguistics. *Rechevye tekhnologii*. 2009. No 2. Pp. 92—114.]
- Ронжин и др. 2006 — Ронжин А. Л., Карпов А. А., Лобанов Б. М., Цирульник Л. И., Йокиш О. Фонетико-морфологическая разметка речевых корпусов для распознавания и синтеза русской речи // Информационно-управляющие системы. 2006. № 6 (25). С. 24—34. [Ronzhin A. L., Karpov A. A., Lobanov B. M., Tsurulnik L. I., Jokisch O. Phonetic-morphological mapping of speech corpora for recognition and synthesis of Russian speech. *Informatsionno-upravlyayushchie sistemy*. 2006. No. 6 (25). Pp. 24—34.]
- Старостин 2007 — Старостин С. А. Сравнительное языкознание и этимологические базы данных // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 770—778. [Starostin S. A. Comparative linguistics and etymological databases. Starostin S. A. *Trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2007. Pp. 770—778.]
- Хусаинов 2014 — Хусаинов А. Ф. Технология автоматизации создания и оценки качества программных средств анализа речи с учетом особенностей малоресурсных языков. Дис. ... канд. техн. наук. Уфа, 2014. [Khusainov A. F. *Tekhnologiya avtomatizatsii sozdaniya i otsenki kachestva programnykh sredstv analiza rechi s uchetom osobennostei maloresursnykh yazykov*. Kand. diss. [The technology of automation of speech analysis tools software development and quality control by reference to specific features of under-resourced languages. Cand. diss.]. Ufa, 2014.]
- Чельшева 2009 — Чельшева И. И. (ред.). Миноритарные языки Евразии. Проблемы языковых контактов. М.: Тезаурус, 2009. [Chelysheva I. I. (ed.). *Minoritarnye yazyki Evrazii. Problemy yazykovykh kontaktov* [Minority languages of Eurasia. Problems of language contacts]. Moscow: Thesaurus, 2009.]
- Arlazarov et al. 2004 — Arlazarov V., Bogdanov D., Krivnova O., Podrabinovich A. Creation of Russian speech databases: Design, processing, development tools. *Proc. International conference on speech and computer SPECOM-2004*. St. Petersburg, Russia, 2004. Pp. 650—656.
- Barnard et al. 2009 — Barnard E., Davel M., van Heerden C. ASR corpus design for resource-scarce languages. *Proc. International conference Interspeech-2009*. Brighton, UK, 2009. Pp. 2847—2850.
- Barnard et al. 2010 — Barnard E., Davel M., van Huyssteen G. Speech technology for information access: a South African case study. *Proc. AAAI spring symposium on artificial intelligence for development AI-D*. Palo Alto, USA, 2010. Pp. 8—13.
- Berment 2004 — Berment V. Méthodes pour informatiser des langues et des groupes de langues «peu dotées». Thèse de doctorat, Université Joseph Fourier. Grenoble, 2004.
- Besacier et al. 2006 — Besacier L., Zhou B., Gao Y. Towards speech translation of non written languages. *Proc. IEEE/ACL spoken language technology workshop SLT-2006*. Aruba, 2006. Pp. 222—225.

- Besacier et al. 2014 — Besacier L., Barnard E., Karpov A., Schultz T. Automatic speech recognition for under-resourced languages: A survey. *Speech communication*. 2014. Vol. 56. Pp. 85—100.
- Bilmes, Kirchhoff 2003 — Bilmes J. A., Kirchhoff K. Factored language models and generalized parallel backoff. *Proc. Conference of the North American chapter of the association for computational linguistics on human language technology*. Stroudsburg, PA, USA. Vol. 2. 2003. Pp. 4—6.
- Cai 2008 — Cai J. Transcribing Southern Min speech corpora with a web-based language learning system. *Proc. 1st International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages SLTU-2008*. Hanoi, Vietnam, 2008. Pp. 659—664.
- Chan, Rosenfeld 2012 — Chan H. Y., Rosenfeld R. Discriminative pronunciation learning for speech recognition for resource scarce languages. *Proc. 2nd ACM symposium on computing for development ACM DEV*. New York, USA, 2012. Article No. 12.
- Chelba, Jelinek 2000 — Chelba C., Jelinek F. Structured language model. *Computer speech and language*. 2000. Vol. 14. No. 4. Pp. 283—332.
- Crystal 2000 — Crystal D. *Language death*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Cucu et al. 2012 — Cucu H., Besacier L., Burileanu C., Buzo A. ASR domain adaptation methods for low-resourced languages: application to Romanian language. *Proc. European conference on signal processing EUSIPCO-2012*. Bucharest, Romania, 2012. Pp. 1648—1652.
- Cucu et al. 2014 — Cucu H., Buzo A., Besacier L., Burileanu C. SMT-based ASR domain adaptation methods for under-resourced languages: application to Romanian. *Speech communication*. 2014. Vol. 56. Pp. 195—212.
- Davel et al. 2011 — Davel M., van Heerden C., Kleynhans N., Barnard E. Efficient harvesting of Internet audio for resource-scarce ASR. *Proc. International conference Interspeech-2011*. Florence, Italy, 2011. Pp. 3153—3156.
- de Vries et al. 2014 — de Vries N., Davel M., Badenhorst J., Basson W., de Wet F., Barnard E., de Waal A. A smartphone-based ASR data collection tool for under-resourced languages *Speech communication*. 2014. Vol. 56. Pp. 119—131.
- Denoual, Lepage 2006 — Denoual E., Lepage Y. The character as an appropriate unit of processing for non-segmenting languages. *Proc. NLP annual meeting*. Tokyo, Japan, 2006. Pp. 731—734.
- Do et al. 2010 — Do T., Besacier L., Castelli E. Unsupervised SMT for a low resourced language pair. *Proc. 2nd International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages SLTU-2010*. Penang, Malaysia, 2010. Pp. 130—135.
- Ekpenyong et al. 2014 — Ekpenyong M., Urua E.-A., Watts O., King S., Yamagishi J. Statistical parametric speech synthesis for Ibibio. *Speech communication*. 2014. Vol. 56. Pp. 243—251.
- Gales et al. 2014 — Gales M., Knill K., Ragni A., Rath S. Speech recognition and keyword spotting for low-resource languages: Babel project research at CUED. *Proc. 4th International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages SLTU-2014*. St. Petersburg, Russia, 2014. Pp. 16—23.
- Gebreegziabher, Besacier 2012 — Gebreegziabher M., Besacier L. Preliminary experiments on English-Amharic statistical machine translation. *Proc. 3rd International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages SLTU-2012*. Cape Town, South Africa, 2012. Pp. 36—41.
- Gelas et al. 2011 — Gelas H., Teferra Abate S., Besacier L., Pellegrino F. Quality assessment of crowd-sourcing transcriptions for African languages. *Proc. International conference Interspeech-2011*. Florence, Italy, 2011. Pp. 3065—3068.
- Gemmeke, van Hamme 2011 — Gemmeke J. F., van Hamme H. An hierarchical exemplar-based sparse model of speech with an application to ASR. *Proc. IEEE international workshop ASRU-2011*. Hawaii, USA, 2011. Pp. 101—106.
- Ghoshal et al. 2009 — Ghoshal A., Jansche M., Khudanpur S., Riley M., Ulinski M. Web-derived pronunciations. *Proc. IEEE international conference on acoustics, speech, and signal processing ICASSP-2009*. Taipei, Taiwan, 2009. Pp. 4289—4292.
- Hartmann et al. 2014 — Hartmann W., Lamel L., Gauvain J.-L. Cross-word sub-word units for low-resource keyword spotting. *Proc. 4th International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages SLTU-2014*. St. Petersburg, Russia, 2014. Pp. 112—117.
- Huet et al. 2010 — Huet S., Gravier G., Sebillot P. Morpho-syntactic postprocessing of N-best lists for improved French automatic speech recognition. *Computer speech and language*. 2010. Vol. 24. No. 4. Pp. 663—684.
- Hughes et al. 2010 — Hughes T., Nakajima K., Ha L., Moreno P., LeBeau M. Building transcribed speech corpora quickly and cheaply for many languages. *Proc. International conference Interspeech-2010*. Makuhari, Japan, 2010. Pp. 1914—1917.

- Jensson et al. 2008 — Jensson A., Iwano K., Furui S. Development of a speech recognition system for Icelandic using machine translated text. *Proc. 1st International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages SLTU-2008*. Hanoi, Vietnam, 2008. Pp. 18—21.
- Karanasou, Lamel 2010 — Karanasou P., Lamel L. Comparing SMT methods for automatic generation of pronunciation variants. *Proc. International workshop IceTAL-2010*. Reykjavik, Iceland, 2010. P. 167.
- Karpov et al. 2011 — Karpov A., Kipyatkova I., Ronzhin A. Very large vocabulary ASR for spoken Russian with syntactic and morphemic analysis. *Proc. International conference Interspeech-2011*. Florence, Italy, 2011. Pp. 3161—3164.
- Karpov et al. 2014 — Karpov A., Markov K., Kipyatkova I., Vazhenina D., Ronzhin A. Large vocabulary Russian speech recognition using syntactico-statistical language modeling. *Speech communication*. 2014. Vol. 56. Pp. 213—228.
- Kempton, Moore 2014 — Kempton T., Moore R. K. Discovering the phoneme inventory of an unwritten language: A machine-assisted approach. *Speech communication*. 2014. Vol. 56. Pp. 152—166.
- Kipyatkova, Karpov 2014 — Kipyatkova I., Karpov A. Study of morphological factors of factored language models for Russian ASR. *Proc. 16th International conference on speech and computer SPECOM-2014*. Springer, Lecture Notes in Artificial Intelligence. Vol. 8773. 2014. Pp. 451—458.
- Kipyatkova et al. 2013 — Kipyatkova I., Karpov A., Verkhodanova V., Zelezny M. Modeling of pronunciation, language and nonverbal units at conversational Russian speech recognition. *International journal of computer science and applications*. 2013. No. 10 (1). Pp. 11—30.
- Krauwer 2003 — Krauwer S. The basic language resource kit (BLARK) as the first milestone for the language resources roadmap. *Proc. International workshop on speech and computer SPECOM-2003*. Moscow, Russia, 2003. Pp. 8—15.
- Kuo et al. 2009 — Kuo H.-K. J., Mangu L., Emami A., Zitouni I., Lee Y.-S. Syntactic features for Arabic speech recognition. *Proc. International workshop ASRU-2009*. Merano, Italy, 2009. Pp. 327—332.
- Lamel et al. 2012 — Lamel L., Courcinous S., Gauvain J.-L., Josse Y., Le V. B. Transcription of Russian conversational speech. *Proc. 3rd International workshop SLTU-2012*. Cape Town, South Africa, 2012. Pp. 156—161.
- Laurent et al. 2009 — Laurent A., Deleglise P., Meignier S. Grapheme to phoneme conversion using an SMT system. *Proc. International conference Interspeech-2009*. Brighton, UK, 2009. Pp. 708—711.
- Le, Besacier 2009 — Le V.-B., Besacier L. Automatic speech recognition for under-resourced languages: application to Vietnamese language. *IEEE transactions on audio, speech and language processing*. 2009. Vol. 17 (8). Pp. 1471—1482.
- Mohan et al. 2014 — Mohan A., Rose R., Ghalehjegh S. H., Umesh S. Acoustic modelling for speech recognition in Indian languages in an agricultural commodities task domain. *Speech communication*. 2014. Vol. 56. Pp. 167—180.
- Nakamura 2014 — Nakamura S. Towards real-time multilingual multimodal speech-to-speech translation. *Proc. 4th International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages SLTU-2014*. St. Petersburg, Russia, 2014. Pp. 13—15.
- Parent, Eskenazi 2010 — G. Parent, M. Eskenazi. Toward better crowdsourced transcription: transcription of a year of the Let's Go bus information system data. *Proc. IEEE workshop on spoken language technology SLT-2010*. Berkeley, USA, 2010. Pp. 312—317.
- Patel et al. 2009 — Patel N., Chittamuru D., Jain A., Dave P., Parikh T. S. Avaaj Otalo: A field study of an interactive voice forum for small farmers in rural India. *Proc. ACM international conference CHI-2009*. Boston, USA, 2009. Pp. 733—742.
- Pellegrini, Lamel 2008 — Pellegrini T., Lamel L. Are audio or textual training data more important for ASR in less-represented languages? *Proc. 1st International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages SLTU-2008*. Hanoi, Vietnam, 2008. Pp. 2—6.
- Rastrow et al. 2012 — Rastrow A., Dredze M., Khudanpur S. Fast syntactic analysis for statistical language modeling via substructure sharing and uptraining. *Proc. 50th Annual meeting of association for computational linguistics ACL-2012*. Jeju, Korea, 2012. Pp. 175—183.
- Potapova 2011 — Potapova R. Multilingual spoken language databases in Russia. *Proc. International conference on speech and computer SPECOM-2011*. Kazan, Russia, 2011. Pp. 13—17.
- Ronzhin, Karpov 2007 — Ronzhin A., Karpov A. Russian voice interface. *Pattern recognition and image analysis*. 2007. Vol. 17 (2). Pp. 321—336.
- Rotovnik et al. 2007 — Rotovnik T., Maucec M. S., Kacix Z. Large vocabulary continuous speech recognition of an inflected language using stems and endings. *Speech communication*. 2007. Vol. 49. No. 6. Pp. 437—452.

- Roux et al. 2000 — Roux J. C., Botha E. C., du Preez J. A. Developing a multilingual telephone based information retrieval system in African languages. *Proc. 2nd International conference on language resources and evaluation LREC-2000*. Athens, Greece, 2000. Pp. 975—980.
- Schlippe et al. 2010 — Schlippe T., Ochs S., Schultz T. Wiktionary as a source for automatic pronunciation extraction. *Proc. International conference Interspeech-2010*. Makuhari, Japan, 2010. Pp. 2290—2293.
- Schlippe et al. 2012 — Schlippe T., Ochs S., Vu N. T., Schultz T. Automatic error recovery for pronunciation dictionaries. *Proc. International conference Interspeech-2012*. Portland, USA, 2012. Pp. 2298—2301.
- Schlippe et al. 2014 — Schlippe T., Ochs S., Schultz T. Web-based tools and methods for rapid pronunciation dictionary creation. *Speech communication*. 2014. Vol. 56. Pp. 101—118.
- Schultz, Kirchoff 2006 — *Multilingual speech processing*. Schultz T., Kirchoff K. (eds). Burlington, MA: Elsevier Academic Press, 2006.
- Schultz et al. 2007 — Schultz T., Black A., Badaskar S., Hornyak M., Kominek J. SPICE: web-based tools for rapid language adaptation in speech processing systems. *Proc. International conference Interspeech-2007*. Antwerp, Belgium, 2007. Pp. 2125—2128.
- Schultz et al. 2013 — Schultz T., Vu N. T., Schlippe T. GlobalPhone: a multilingual text & speech database in 20 languages. *Proc. International conference ICASSP-2013*. Vancouver, Canada, 2013. Pp. 8126—8130.
- Siniscalchi et al. 2013 — Siniscalchi S. M., Reed J., Svendsen T., Lee C.-H. Universal attribute characterization of spoken languages for automatic spoken language recognition. *Computer speech and language*. 2013. Vol. 27. No. 1. Pp. 209—227.
- Smit et al. 2014 — Smit P., Virpioja S., Grönroos S. A., Kurimo M. Morfessor 2.0. Toolkit for statistical morphological segmentation. *Proc. 14th Conference of the European chapter of the association for computational linguistics EACL-2014*. Gothenburg, Sweden, 2014. Pp. 21—24.
- Stahlberg et al. 2012 — Stahlberg F., Schlippe T., Vogel S., Schultz T. Word segmentation through cross-lingual word-to-phoneme alignment. *Proc. IEEE workshop on spoken language technology SLT-2012*. Miami, USA, 2012. Pp. 85—90.
- Stuker et al. 2003 — Stuker S., Schultz T., Metz F., Waibel A. Multilingual articulatory features. *Proc. IEEE international conference on acoustics, speech and signal processing ICASSP-2003*. Hong Kong, China, 2003. Vol. I. Pp. 144—147.
- Stuker et al. 2009 — Stuker S., Besacier L., Waibel A. Human translations guided language discovery for ASR systems. *Proc. International conference Interspeech-2009*. Brighton, UK, 2009. Pp. 3023—3026.
- Tachbelie et al. 2014 — Tachbelie M., Abate S. T., Besacier L. Using different acoustic, lexical and language modeling units for ASR of an under-resourced language — Amharic. *Speech communication*. 2014. Vol. 56. Pp. 181—194.
- van Heerden et al. 2010 — van Heerden C., Kleynhans N., Barnard E., Davel M. Pooling ASR data for closely related languages. *Proc. 2nd International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages SLTU-2010*. Penang, Malaysia, 2010. Pp. 17—23.
- van Niekerk, Barnard 2014 — van Niekerk D. R., Barnard E. Predicting utterance pitch targets in Yoruba for tone realisation in speech synthesis. *Speech communication*. 2014. Vol. 56. Pp. 229—242.
- Vazhenina et al. 2012 — Vazhenina D., Kipyatkova I., Markov K., Karpov A. State-of-the-art speech recognition technologies for Russian language. *Proc. Joint international conference on human-centered computer environments HCCE-2012*. Aizu-Wakamatsu, Japan, 2012. Pp. 59—63.
- Vu et al. 2010 — Vu N. T., Kraus F., Schultz T. Multilingual A-stabil: A new confidence score for multilingual unsupervised training. *Proc. IEEE workshop on spoken language technology SLT-2010*. Berkeley, USA. Pp. 183—188.
- Whittaker, Woodland 2003 — Whittaker E. W. D., Woodland P. C. Language modelling for Russian and English using words and classes. *Computer speech and language*. 2003. Vol. 17. No. 1. Pp. 87—104.
- Wissing, Barnard 2008 — Wissing D., Barnard E. Vowel variations in Southern Sotho: An acoustical investigation. *Southern African linguistics and applied language studies*. 2008. Vol. 26 (2). Pp. 255—265.

Статья поступила в редакцию 08.08.2014.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

А. К. Поливанова. Старославянский язык: Грамматика. Словари. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 792 с. [А. К. Polivanova. *Staroslavjanskii jazyk: Grammatika. Slovare* [Old Church Slavonic: Grammar. Dictionaries]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2013. 792 p.] ISBN 978-5-91244-112-7.

Алексей Андреевич Козлов

Alexei A. Kozlov

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991,
Россия
scripturas@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
119991, Russia
scripturas@mail.ru

Старославянский язык имеет особенное значение для отечественного языкознания — большее, чем любой другой древний язык. Так исторически сложилось, что именно вокруг этого языка построен традиционный курс, который читается на большинстве филологических факультетов и включает в себя самую разную информацию — в частности, обычно впервые студентам сообщаются основные факты из области славистики и сравнительно-исторического индоевропейского языкознания, некоторые принципы и методы исторической лингвистики вообще, базовые правила лингвистической работы с памятниками и так далее. Роль старославянского в образовании студента, который выбирает специализацию, например, филолога-древника, исторического русиста или компаративиста, огромна.

Поэтому кажется удивительным, что для старославянского не существовало не только учебного пособия, но и грамматики, адекватных современному состоянию науки о языке. Самым востребованным до сих пор остается известный учебник Г. А. Хабургаева, вышедший впервые в 1972 г. и выдержавший три издания [Хабургаев 1974; 1986; 2012]. Хотя в последнее время продолжают издаваться многочисленные учебные пособия ([Попов 1997; Изотов 2001; Ремнева 2004; Иваницкая 2011] и др.), но они практически полностью основываются на тех же фактах (и тех же интерпретациях фактов!), которые были предложены в учебнике Г. А. Хабургаева. В основном изменения заключаются, во-первых, в упрощении, а во-вторых, в сокращении излагаемой информации.

Классические описательные и исторические грамматики старославянского — труды Антуана Мейе [Мейе 2001], Андре Вайана [Вайан 1952], А. М. Селищева [Селищев 1951; 1952] — были написаны в первой половине прошлого века. Будучи по-своему выдающимися памятниками лингвистического описания, они, естественно, отражают тогдашнее состояние науки о языке. Менее известная русскоязычному читателю описательная грамматика Г. Ланта [Lunt 2001], являясь, безусловно, следующим шагом в развитии палеославистики, с точки зрения современного читателя, также безупречна — наряду с интересными она содержит и спорные, малоубедительные решения — например, использование аппарата порождающей фонологии, довольно тяжеловесное и часто злоупотребляющее проецированием реальных диахронических звуковых изменений в область синхронной грамматики языка.

Таким образом, до сих пор грамматики старославянского языка, отвечающей современным стандартам лингвистического описания, фактически не существовало. И эта лакуна — хотя бы отчасти — замечательно заполняется вышедшей монографией А. К. Поливановой.

На первый взгляд, почти восьмисотстраничная книга А. К. Поливановой резко отличается от обычной книги, посвященной старославянскому языку. Даже беглый взгляд позволяет заключить, что описание разработанного автором теоретического аппарата занимает в книге не меньше (если не больше!) места, чем обсуждение собственно эмпирических данных; это, конечно, может испугать филолога-слависта, не привыкшего к сложным формальным моделям (о чем, кстати, открыто предупреждает автор предисловия к грамматике В. А. Плунон). Однако по мере погружения в книгу преимущества формальной модели, предложенной автором, становятся все очевиднее.

В грамматике описаны графика, фонология, морфонология и морфология старославянского языка, то есть те уровни языка, которые в принципе поддаются эффективной формализации в духе моделей 60-х годов. При этом под морфологией понимается именно аффиксальное строение словоформ, то есть морфемика (показательно, что в Предметном указателе к монографии отсутствуют, например, термины *перфект* и *плюсквамперфект* — эти видовые значения выражаются в старославянском аналитически).

Ориентация грамматики на нарочитую четкость и строгость, конечно, плохо согласуется с весьма разнородным языком старославянских памятников. Во «Введении» к работе Поливанова пространно обсуждается решение, оказывающееся ключевым для архитектуры грамматики, — описывать прежде всего «эталонный старославянский», то есть некоторую удобную исходную точку отсчета, не совпадающую ни с общеславянским, ни с «исходным кирилловским». Идиолектные различия — особенности памятников, составляющих корпус старославянского языка, — описываются в виде набора девиаций, то есть четкие фиксированные правила отклонения от эталона. Притом объектом рассмотрения в грамматике является *контрольный список словоформ*, из которого удалены неосвоенные заимствования (в том числе библейские имена собственные), композиты, а также «внепарадигматические», то есть несклоняемые формы. Фактически в грамматике рассматриваются только имена и глаголы.

Кроме «Введения», в книге четыре части: «Сегментная грамматика», «Парадигматика», «Добавления» и «Словари». Грамматика изложена в двух первых разделах; третий включает в себя «инвентари формативов», а также разнообразные экскурсы, комментарии и справки; в четвертом представлены два грамматических словаря старославянского языка, устройство которых мы подробно обсудим ниже.

В первой главе раздела «Сегментная грамматика» — «Знакомство» — фиксируются основные элементы модели, важные для дальнейшего изложения. Это, во-первых, три способа представления эталонного старославянского — графическое представление (запись в нормализованной кириллице), фонологическое и морфонологическое представления. Фонологическое представление словоформы — это цепочка фонем; морфонологическое — цепочка *формативов* (так в модели Поливановой называются аффиксы), разделенных точками. Каждый форматив тоже состоит из фонем — отдельного уровня морфем Поливанова не выделяет. Заметим, что фонемы могут записываться как буквами латиницы, так и буквами стандартизированной кириллицы — для слова *пришьль* эквивалентны фонологические записи *пришьль* и *prišyľ*, морфонологические *при.шьд.ль* и *pri.šyď.lb*. Это возможно потому, что правила соответствия между графикой и фонологией в модели Поливановой гораздо более тривиальные, чем принято полагать.

Эти правила задаются в следующей главе «Графика и фонология». Алфавит эталонного старославянского включает сорок букв — отсутствуют те, что употребляются исключительно для передачи грецизмов (например, *ϕ* или *ν*), зато как отдельные буквы выделяются *шт*, *жд*, *ѧ*, *Ѩ* и *Ѧ*. Пять йотированных букв — *ѧ*, *Ѩ*, *Ѧ*, *ѧ* и *Ѧ* — противопоставлены соответствующим нейотированным в начале слова и после гласных; по правилам эталонного старославянского, после каморированных согласных употребляются йотированные гласные, а после остальных дентопалатальных — нейотированные.

Инвентарь фонем отличается от традиционно постулируемого для старославянского в двух важных точках: Поливанова не признает так называемых «напряженных редуцированных» и «слоговых плавных». В результате для слова *вожин* фонологическое

представление выглядит как *božii*, а для слова *грѣдѣ* — как *grědě*. На наш взгляд, первое решение является удачным, а второе — по меньшей мере спорным. Действительно, *напряженность* (если понимать этот термин самым распространенным способом) — это тот самый признак, который должен отличать краткий гласный верхне-среднего подъема от долгого гласного верхнего подъема, то есть [ɛ] от [i], [ɛ̃] от [y]; поэтому «напряженный ерь» должен быть практически неотличим от [i] (ср. английские /i/ и /i:/, разница между которыми обычно описывается как раз как оппозиция по напряженности). Наоборот, удаление из фонологии слоговых плавных представляется малооправданным: существуют свидетельства того, что последовательность *ръ* в словах *грѣдѣ* и *крѣвь* реализовалась поразному (см. хотя бы [Мейе 2001: 60—61]). Возможно, этот факт игнорируется потому, что цель грамматики — описание исключительно письменного языка памятников, а «эталонный старославянский», как подчеркивает автор, не обязан совпадать ни с одним реальным идиомом¹. Тем не менее, это неудобно хотя бы с прагматической точки зрения — например, при использовании грамматики в рамках учебного курса, в котором излагалась бы более традиционная фонология для старославянского языка. Очевидно, из тех же соображений автором не постулируются еще и палатальные /s'/и /z'/.

Здесь же Поливанова задает на множестве фонем и графем содержательные признаки, релевантные для последующего изложения (например, «морфонологически мягкие» фонемы), и излагает правила перехода от фонетики к графике. После удаления из фонологии «напряженных редуцированных», слоговых плавных, а также неоднозначности при фонологической интерпретации *с* (/s/ или /s'/) Поливанова добивается того, что эти правила становятся тривиальными — в сущности, они сводятся к правильному употреблению йотированных гласных: *šija* ⇒ *шина*, *pol'e* ⇒ *полѣ*.

Глава 3 «Формативы и морфонологические записи слов» вводит четыре позиционных класса формативов: корни, приставки, суффиксы и флексии. У формативов каждого класса есть строгие ограничения на фонологический облик — так называемая CVC-норма: у префиксов — CV (*вѣ*, *до*, *на*), у корней — CVC (*дѣн*, *наш*, *твор*; как видно, в записи CVC-нормы C может соответствовать консонантному кластеру), у суффиксов — VC (*ьн*, *ьск*), у флексий — V или VCV (*а*, *ж*, *амн*). С CVC-нормой согласуется закон Якобсона, который разрешает только контрастные швы между формативами (C.V или V.C, но не *C.C и не *V.V). Некоторые формативы, однако, могут быть *нестандартными*, то есть не соответствовать своей CVC-норме — этот факт может создавать *нестандартные краевые условия*, для компенсации которых старославянский язык располагает различными средствами.

В главе 4 «Синтагматика фонем» в виде обширных таблиц представлены исключительно подробные данные о сочетаемости фонем старославянского языка — отдельно для морфонологического, отдельно для фонологического уровней. При этом те сочетания, которые разрешены для морфонологического представления, но запрещены для фонологического, должны устраняться соответствующими правилами перехода. Некоторые сочетания, которые устраняются такими правилами, разрешены внутри формативов — в этом случае формативы объявляются *синтагматически аномальными* (в список аномальных попадают, например, *врѣхъ* и *влѣкъ*). Интересно, что на морфонологическом уровне из системных сочетаний некоторые сочетания фонем объявляются разрешенными, хотя они не отмечены в контрольном списке словоформ, — и это не идеалистическое стремление к «системности», а попытка приблизиться к реальным правилам фонотактики старославянского языка (такие кластеры могут встречаться, например, в церковнославянском).

¹ Одним из главных аргументов в пользу существования в старославянском слоговых плавных является то, что в последовательностях типа *трѣт*, соответствующих предполагаемым цепочкам типа /tRt/, редуцированный никогда не пропускается и не проясняется. В § 899, посвященном девиациям, связанным с падением редуцированных, Поливанова вводит «поправку к правилу Гавлика», основанную на этом факте; однако в другом месте (с. 602) она заявляет, что «найти в старославянском языке следы этой оппозиции <...> не удастся».

Далее излагаются правила перехода от морфонологического уровня к фонологическому. Так как морфонологическое представление у Поливановой имеет совсем невысокий уровень абстракции, на эти правила ложится весьма небольшая нагрузка, во-первых, в местах зияний — там, где нужно — появляется эпентетический йот, во-вторых, после палатальных нейтрализуются оппозиции **а/ѣ**, **ъ/ь**, **ы/и**, а рядом с йотом — и **ы/ъ**, **и/ь** (вводятся «напряженные редуцированные» традиционной грамматики), в-третьих, устраняются или обрабатываются запрещенные в фонологии кластеры согласных. Примеры действий правил этого цикла: **из.рек.ти** ⇒ **издрешти**, **жѣг.хъ** ⇒ **жахъ**, **роуд.м.ѣн.ъ** ⇒ **роумѣнъ**, **зна.н.ѣа** ⇒ **знаниа**.

Отдельным блоком излагаются девиантные правила преобразования кластеров, например, **з + ч** ⇒ **сч/шт** вместо эталонного **ч** (дающее формы **вєсчєстьнѣ** или **вєштєстьнѣ** вместо «нормативного» **вєчьєстьнѣ**) или **к + т** ⇒ **ц** вместо эталонного **шт** (дающее формы из Киевских листков типа **помощь**).

Как можно видеть, в основном обработка алломорфии (интересно, что в книге употребляется другой термин — «аллоформия») вынесена за рамки морфонологических правил; автор приступает к ней, начиная с главы 5 «Полиформия формативов». Четыре типа алломорфии объявляются стандартными — *двухвариантность*, *CVC-амбивалентность*, *консонантная неустойчивость* и *неустойчивость вокализма*.

Первые два типа представляют собой *морфонологическое варьирование* — в этом случае выбор аллоформов зависит от сегментного контекста. Форматив называется двухвариантным, если у него есть два алломорфа, которые различаются начальной гласной (возможны соотношения типа **ѣ/и**, **ы/и**, **ы/а**, **о/ѣ**, **ъ/ь**). Выбор между ними производится на этапе парадигматического синтеза — то есть перед применением морфонологических правил — в зависимости от исхода предшествующего форматива; ожидаемым образом второй вариант выбирается тогда, когда последний оканчивается гласной и морфонологически мягкой согласной. Так формализуется традиционное понятие *твердой* и *мягкой разновидности* аффиксов. Похожим образом автор поступает с *CVC-амбивалентностью* — формативами, имеющими консонантное или вокальное начало (или исход) в зависимости от консонантного или вокального исхода (или, соответственно, начала) соседнего форматива (корни типа **да//дад**, **выч//оуч**, суффиксы типа **ѣш//вѣш** и т. д.).

Вторые два типа аллоформии не зависят от сегментного контекста — в этом случае выбор аллоформа целиком определяется правилами парадигматического синтеза; Поливанова объединяет их под именем *сегментной аллоформии*. Для описания сегментной аллоформии вводится понятие *чередования* — таблицы со столбцами, которые называются *рядами*, и со строками, которые называются *ступенями*. Ниже представлен фрагмент таблицы, соответствующей *фундаментальному чередованию гласных*:

Ряды	Ступени		
	ѣ	о	ѣ
Чистый	ы	а	ѣ
	ѣм/ж	ом/ж	ѣм/а
Сонантный Н(м)	ым/ж	ам/ж	ѣм/а
	ѣл/лѣ	ол/ла	ѣл/лѣ
Сонантный Н(г)	ыл/лѣ	ал/ла	ѣл/лѣ

Это самое сложное по внутреннему устройству чередование призвано описать аблаутные различия в вокализме корней, которыми по известным историческим причинам оказались затронуты не только гласные, но и соседние сонанты. В чистых рядах в чередовании участвуют одиночные гласные, в сонантных — сочетания гласных с сонантами (надчертные и подчертные варианты в согласных рядах обрабатываются правилом CVC-амбивалентности,

см. выше). Правила парадигматического синтеза могут требовать от формата, в котором представлено «фундаментальное чередование гласных», показывать в определенной клетке парадигмы определенную степень чередования. Остальные чередования, а именно *палатализация заднеязычных* и *переходное смягчение*, устроены проще — в первом, например, представлены ряды **к, г, х, ск, зг** и ступени **к, ч, ц**. Палатализация заднеязычных и переходное смягчение объединены под именем *консонантной неустойчивости* — это специальный вид алломорфии, который затрагивает только конечные согласные формативов.

Важно, что эти четыре типа алломорфии действительно являются «стандартными» для старославянского языка, то есть исчерпывающим образом описывают регулярные случаи алломорфического варьирования. Они встречаются в самых разных местах морфологической системы — так, например, твердый и мягкий варианты могут иметь не только флексии, но и суффиксы (например, **от//ѣг**: **добр.от.а**, но **тъщ.ѣг.а**); консонантную неустойчивость показывают как корни, так и суффиксы, и т. д. Исключением является фундаментальное чередование гласных, которое постулируется только для корней (автор принимает решение не распространять его на пары префиксов типа **по//па** и суффиксов типа **ьк//нк**, что могло бы быть интересным в рамках данной модели). Такой взгляд на процессы чередования в старославянском крайне необычен и весьма полезен — дело в том, что обычно они описываются с помощью постулирования достаточно большого числа фонетических переходов, причем набор этих переходов остается практически неизменным почти со времени Мейе; в результате как явления одного порядка трактуются фундаментальные чередования типа **вѣг//вѣж** и маргинальные типа **вльхв//вльсьв**. Поэтому, на наш взгляд, с точки зрения синхронного устройства старославянского эти четыре типа алломорфии действительно являются важным содержательным обобщением.

Следующие две главы — 6 и 7 — представляют собой еще одну замечательную особенность грамматики Поливановой. В этих главах, в сущности, впервые точно и эксплицитно обобщены данные о фонетических и графических характеристиках старославянских памятников — сведения, которых обычно остро не хватает при преподавании старославянского в рамках вузовского курса. Поливанова использует введенное впервые А. А. Зализняком понятие базовой системы письма [Зализняк 1982]: такая система строится для каждого памятника в виде набора обязательных отклонений от эталонного старославянского.

В главе 6 обсуждаются необходимые для описания идиолектных различий элементы модели, а в главе 7 дан собственный обзор памятников. Для каждого памятника таблицы задаются особенности употребления йотированных букв, а дальше описываются, например, аллографы буквы **шт** (в Мариинском евангелии как свободные **шт** и **ц**, в Зографском только **шт** и т. д.), переходное смягчение (в Мариинском евангелии «достаточно часто», а в Зографском «в ряде записей» отсутствует *l-epentheticum*) и др. Отступления от базовой системы письма, однако, допускаются, и здесь возникает проблема — на их количество не накладывается никаких ограничений, из-за чего выбранный автором способ описания существенно теряет в информативности. В самом деле, Поливанова не обсуждает критерии установления базовой системы письма, и не вполне понятно, есть ли, например, семьдесят процентов вероятности того, что словоформа будет выглядеть так, как предписывает базовая система? Тем не менее, все же представленное Поливановой описание пока что не имеет аналогов в отношении эксплицитности.

В следующем большом разделе «Парадигматика» Поливанова описывает *парадигматический синтез*, то есть построение форм, к которым далее будут применяться правила перехода от морфонологии к фонологии. При наличии мощного инструмента чередований правила парадигматического синтеза становятся очень простыми — достаточно только указать, какая ступень чередования должна быть представлена в интересующей нас клетке парадигмы. (Вообще говоря, чередования описывают аллоформу не только в словоизменении, но и в словообразовании; однако правила парадигматического синтеза описывают исключительно словоизменение, а для словообразования динамической модели в грамматике не предлагается вовсе.)

В главе 8 «Знакомство» описываются основные понятия парадигматики. У каждой словоформы есть две части: основа и окончание (последнее обычно равно формативу-флексии). Парадигматический синтез устроен следующим образом: во-первых, подбирается нужная основа, во-вторых, рабочее окончание, в-третьих, с помощью *правил обработки швов* на основе информации о грамматическом значении формы и парадигматическом классе лексемы применяются те или иные чередования: записи типа **ржк + ѣ**, **трьп + ж** превращаются в записи типа **рѣц = ѣ**, **трьпѣ = ж**. Парадигма каждой лексемы делится на несколько *субпарадигм*; у словоформ каждой субпарадигмы в нормальном случае должна быть одна и та же рабочая основа. Окончания каждого грамматического класса, в свою очередь, сгруппированы в так называемые *наборы* — каждая лексема должна принимать окончания из одного набора.

Интересно, что парадигматический синтез не применяется для некоторых исключительно нерегулярных форм — это могут быть *морфологически аномальные формы* типа императива **виждь** и целые *уникальные лексемы* типа **азъ** или **тѣбѣ**, которым автор не видит смысла приписывать определенное морфологическое представление. Такие формы целиком задаются в словаре.

В главах с 9 по 13 описывается построение парадигм имени. В большинстве случаев все формы одной и той же именной лексемы пользуются одной и той же рабочей основой. Главное новшество, привнесенное Поливановой в описание старославянских имен — это принципиально отличающееся от общепринятого исчисление типов склонения. Таких типов выделяется три: (i) основное двухвариантное (включающее традиционные *o- и *a-склонения; набор окончаний выбирается в зависимости от рода лексемы), (ii) местоименное двухвариантное и (iii) моновариантное (соответствующее традиционному *i-склонению). Лексемы уникальных словоизменительных классов типа **има** или **кры** (наряду с лексемами типа **господь**, **азъ** и некоторыми другими) иногда принимают окончания из *нестандартных наборов окончаний*. Например, для традиционного склонения на согласную Поливанова предусматривает специальный набор c-simplex (например, GenSg **ѣ**), тем не менее, большинство окончаний этого класса (**ьмь**, **ьхъ** и др.) она принципиально анализирует как окончания моновариантного (то есть *i-) склонения. Лексемы типа **домъ**, **сынъ** и т. д. автор относит к тому же словоизменительному типу, что и **градъ** или **лесь**; правда, для них тоже существует специальный набор окончаний — u-simplex — но в рамках эталонного старославянского он вообще запрещен; этот набор возможен только в парадигматических девиациях.

Кроме форм, обязанных быть включенными в парадигму, Поливанова отдельно описывает *вторичные формы* — те, которые есть лишь у малого числа лексем (это формы типа звательного падежа или личного дательного).

Для некоторых других лексем традиционно выделяемые нерегулярности в склонении Поливанова обобщает в более крупные типы, которые называются *парадигматическими эффектами*. Для именного склонения, например, важны следующие эффекты: *чужие окончания в парадигме* и *синкопированные основы*: из парадигматического класса 2/m 'градъ' с помощью первого эффекта получается класс 2/m* 'делатель' с окончанием **ѣ** в N.Pl; с помощью первого и второго — класс 2/m** 'гражданинъ' с таким же окончанием в N.Pl и отсутствием форматива **ни** в формах множественного числа. Как и в случае со стандартными типами алломорфии, выделение парадигматических эффектов — интересное обобщение кажущихся разнородными фактов старославянской морфологии: например, синкопированные основы наблюдаются еще и в формах N.Sg компаративов типа **хѹждь / хѹждь.ьш.а** и **шт-** и **ш-**причастий типа **нды / нд.жц.а**.

Там же следует обзор словоизменительных классов (как основных, так и мелких, созданных с помощью парадигматических эффектов) с подробными «словариками комментированных лексем», в которых собраны слова, редкие или почему-нибудь способные вызвать трудности в интерпретации, например, «**троудъ**. Не путать: **троудъ** 'усилие, труд' <971> и **трждъ** 'болезнь' <986>».

В главах с 14 по 22 описывается построение глагольных форм. Парадигма глагола делится на 12 *субпарадигм*: отдельную субпарадигму образует каждое из возможных причастий (**м-**, **шт-**, **н-**, **ш-**, **л-**, **т-**-причастия), инфинитив, супин, императив, презенс, аорист и имперфект. Субпарадигмы формируются в *репрезентации* и *системы*. К именной репрезентации относятся причастия, инфинитив и супин, к финитной — соответственно, финитные формы; особенность именной репрезентации в том, что правила глагольного синтеза задают только выбор рабочей основы и присоединение суффикса причастия — все остальное (то есть присоединение именного окончания или применение эффекта синкопированной основы в формах типа **нды**) делают правила именного синтеза.

Систем три: PRAE, IMFи AOR. К первой относятся формы презенса, императива и причастий настоящего времени; к последней — аорист, инфинитив, супин и причастия на **л-** и **т-**. Системы нужны затем, чтобы описать употребление рабочих основ глагола, которых в нормальном случае бывает две: расширенная и усеченная (**трьп** и **трьп.ѣ**); тогда формы системы PRAE образуются от усеченной основы, а формы системы AOR — от расширенной. То, от какой основы образуются формы системы IMF — имперфект и причастия на **н-** и **ш-**, — зависит от парадигматического класса: например, у класса 6 это расширенная основа (**милѡу.кши**, **мл.ѡв.а.ти** и **мл.ѡв.а.хъ**), а у класса 5 — усеченная (**двиг.н.ѣши**, **двиг.н.ж.ти**, но **двиг.н.ѣхъ**). Распределение базовых основ по системам задано таблицей. Всего парадигматических классов глагола, которые, как и принято в славистике, задаются противопоставлением основ презенса и аориста, семь: **любити**, **трьпѣти**, **плакати**, **нести**, **двигнѣти**, **миловати**, **дѣлати**.

Затем — как и в случае с именем — картину осложняют парадигматические эффекты. Очень широко применяется эффект под названием *экспансия чуждой рабочей основы* (кстати, на наш взгляд, название этого эффекта — один из лучших терминов, изобретенных Поливановой). С помощью этого эффекта основа аориста распространяется на **ш-**причастие в классе 5 (имперфект **двигн.ѣхъ**, но причастие **двигн.вѣш-**); кроме того, этот эффект создает многочисленные группы неправильных глаголов — например, глаголы типа **плѡути** (та же схема экспансии; **плѡв.ѣхъ**, но **плѡу.вѣш-**) или типа **чисти** (основа презенса **чѣт** распространяется не только на формы системы IMF, но даже на парадигму аориста; основа **чит** сохраняется только в формах инфинитива и супина). Бывают и другие парадигматические эффекты — например, *отсутствие ожидаемого переходного смягчения* (такой эффект превращает, в частности, глаголы класса 3 **плакати**, **плачж** в неправильные глаголы типа **ковати**, **ковж** вместо ожидаемого ***ковлж**). Все глаголы с аблаутом также включены в список неправильных (эффект «*неустойчивый вокализм в корне*»).

19 глаголов признаны уникальными — их парадигмы задаются целиком в словаре. Это не только традиционно выделяемые в учебных пособиях атематические глаголы, но и, например, **обрѣсти**, **обрѣж** с нестандартным чередованием в корне, нестандартные лексемы типа **вопити-вопнж**, **стати-станж** и др. Интересно, что Поливанова выделяет основы **к-** и **вы-** бытийного глагола в две разные лексемы.

Глагольное словоизменение изобилует «вторичными» и «аномальными» формами — это, например, кондиционалис типа **вимъ**, **вѣдѣ** — 1Sg.Prs глагола **вѣдѣти** — и, конечно, старые типы аориста. Ожидаемым образом первичные формы аориста в эталонном старославянском — формы типа **любихъ** и **рекохъ**; формы типа **идъ**, типа **рѣхъ** и типа **нѣсъ**, однако, тоже входят в эталон — для их построения достаточно добавить к глагольной лексеме окончания из соответствующего нестандартного набора (правила компенсаторного удлинения включены в список правил обработки швов). Заметим, что эти формы не считаются ни девиантными (как **вазлж** вместо **важж**), ни даже аномальными (как **имамь**).

Раздел III «Добавления» включает в себя, во-первых, описание инвентаря формативов с более подробным рассмотрением формативов разных позиционных и морфонологических классов (нередко дублирующее информацию, представленную в двух первых разделах), а во-вторых, комментарии, экскурсии и справки по поводу некоторых частных вопросов. В комментариях более подробно разбирается теоретический статус

некоторых элементов грамматики, о которых автор счел неуместным распространяться в основном тексте, — например, неплотного прилегания формативов, неустойчивого вокализма корня и т. д. В экскурсах разбираются более сложные проблемы старославянской грамматики, не имеющие непосредственного отношения к описанию в первых двух главах, — например, морфонологическое моделирование падения редуцированных по правилу Гавлика или рассуждение о способах интерпретации выбора рабочей основы для форм имперфекта. Не имея возможности пространно описывать здесь ни комментарии, ни экскурсии, отметим лишь, что они также представляют большой интерес для палеославистики. В спрвах приведены пошаговые алгоритмы построения именных и глагольных словоформ.

Раздел IV «Словари» содержит два грамматических словаря старославянского языка: парадигматический и корневой. В парадигматическом представлены все лексемы из контрольного списка, каждой из которых сопоставлено морфонологическое представление и парадигматический класс. В корневом представлены все корни из контрольного списка, каждому из которых сопоставлен список лексем, имеющих этот корень. Следует отметить, что идентичность корней устанавливается Поливановой гораздо более строгим образом, чем обычно, — например, не признаются однокоренными этимологически родственные **град** и **жрьд**, так как палатализация заднеязычных может затрагивать только конечные сегменты формативов.

В заключение можно отметить одно из главных свойств рецензируемой работы — ее замечательные для формальной грамматики понятность, доступность и ориентацию на читателя. Авторы формализованных описаний обычно платят дорогую цену за точность и эксплицированность излагаемой информации — их теоретические построения бывает слишком сложно воспринимать. Если они при этом стремятся еще и к внутренней стройности своих моделей (так называемой «экономности», возможно меньшему количеству исключений из правил и т. д.), то у более эмпирически ориентированных исследователей — к которым, несомненно, относится большинство отечественных палеославистов — может возникнуть дурное ощущение антиинтуитивности и ирреальности.

Объективно модель А. К. Поливановой можно, пожалуй, назвать громоздкой: автор вводит разные правила парадигматического синтеза для имен и глаголов, переносит такие высокоавтоматические правила чередования, как палатализация заднеязычных или переходное смягчение, в морфонологию (в отличие, например, от некоторых работ по порождающей фонологии для современного русского, где это фонологическое правило, ср. [Lightner 1965]) и т. д. На наш взгляд, однако, это главное достоинство работы — по сути, она является подробной и тщательной формализацией именно традиционных представлений об устройстве старославянского языка. В отличие от большинства авторов формальных работ, для Поливановой имеют смысл взгляды и мнения «неформальных» предшественников — в тексте часты ссылки на Вайана, Ланта и других славистов этого круга и содержательное обсуждение их позиций. В некоторых местах она переводит на свой, более строгий, язык даже морфонологические утверждения исследователей диахронии (см., например, с. 228). Это делает грамматику удивительно адекватной прагматически: строгий метод изложения не должен вызвать аллергии даже у читателя, привыкшего к самым традиционным описаниям старославянского, а обобщения вроде стандартных типов чередования и парадигматических эффектов хорошо согласуются с интуицией.

Автор блестяще справляется и с такой сложной эмпирической проблемой, как неоднородность старославянской морфонологической системы, — и межидиолектная, и «внутрисистемная». Разные типы «неправильности»: формы *испорченные*, *альтернативные*, *девиантные*, *аномальные*, *уникальные*, *неправильные* и др. — содержательно классифицируются, и почти каждому из них отводится место в системе.

Таким образом, представленное в книге Поливановой описание в виде грамматики и словаря может быть использовано в качестве исчерпывающего по полноте справочного пособия по формальной морфологии старославянского языка, полезного в том числе исследователям

языка восточнославянских литературных памятников или диахроническим русистам, а также всем изучающим (и преподающим!) старославянский в рамках учебного курса. Если читатель преодолеет некоторую — во многом мнимую — тяжеловесность формального аппарата, то в его распоряжении окажется описание старославянского языка, выполненное на гораздо более высоком уровне — и содержательно, и формально, — чем все предыдущие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку (*Manuel du vieux slave*) / Пер. с франц. Бородич В. В.; под ред. и с предисл. Сидорова В. Н. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. [Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [A manual of Old Slavonic] (*Manuel du vieux slave*). Translated from French by Borodich V. V., ed. by Sidorov V. N. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Зализняк 1982 — Зализняк А. А. Противопоставление книжных и «бытовых» графических систем в древнем Новгороде // *Finitis duodecim lustris*: Сборник статей к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1982. С. 82—85. [Zaliznyak A. A. Opposition of bookish and «common» graphic systems in Old Novgorod. *Finitis duodecim lustris: Sbornik statei k 60-letiyu prof. Yu. M. Lotmana*. Tallin: Eesti raamat, 1982. Pp. 82—85.]
- Иваницкая 2011 — Иваницкая Е. Н. Старославянский язык. М.: Academia, 2011. [Ivanitskaya E. N. *Staroslavjanskii yazyk* [Old Slavonic]. Moscow: Academia, 2011.]
- Изотов 2001 — Изотов А. И. Старославянский и церковнославянский языки: Грамматика, упражнения, тексты. Учебное пособие для средних и высших учебных заведений. М.: ИОСО РАО, 2001. [Izotov A. I. *Staroslavjanskii i tserkovnoslavjanskii yazyki: Grammatika, uprazhneniya, teksty. Uchebnoe posobie dlya srednikh i vysshikh uchebnykh zavedenii* [Old Slavonic and Church Slavonic: Grammar, exercises, texts. A guide for secondary and higher educational institutions]. Moscow: The Institute of General Secondary Education, Russian Academy of Education, 2001.]
- Мейе 2001 — Мейе А. Общеславянский язык / Пер. с франц., общ. ред. Бернштейна С. Б. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. [Meillet A. *Obshchieslavjanskii yazyk* [Common Slavic]. Translated from French, ed. by Bernshtein S. B. Moscow: Progress, 2001.]
- Попов 1997 — Попов М. Б. Введение в старославянский язык. Учебное пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. [Popov M. B. *Vvedenie v staroslavjanskii yazyk. Uchebnoe posobie* [Introduction to Old Slavonic. A teaching guide]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ., 1997.]
- Ремнева 2004 — Ремнева М. Л. Старославянский язык. М.: Академический проект, 2004. [Remneva M. L. *Staroslavjanskii yazyk* [Old Slavonic]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2004.]
- Селищев 1951 — Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 1: Введение. Фонетика. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1951. [Selishchev A. M. *Staroslavjanskii yazyk. Chast' 1: Vvedenie. Fonetika* [Old Slavonic. Part 1: Introduction. Phonetics]. Moscow: Gosudarstvennoe Uchebno-Pedagogicheskoe Izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, 1951.]
- Селищев 1952 — Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 2: Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1952. [Selishchev A. M. *Staroslavjanskii yazyk. Chast' 2: Teksty. Slovar'. Ocherki morfologii* [Old Slavonic. Part 2: Texts. Vocabulary. Studies in morphology]. Moscow: Gosudarstvennoe Uchebno-Pedagogicheskoe Izdatel'stvo Ministerstva Prosveshcheniya RSFSR, 1952.]
- Хабургаев 1974 — Хабургаев Г. А. Старославянский язык: Учебное пособие. М.: Просвещение, 1974. [Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskii yazyk: Uchebnoe posobie* [Old Slavonic: Teaching guide]. Moscow: Prosveshchenie, 1974.]
- Хабургаев 1986 — Хабургаев Г. А. Старославянский язык. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. [Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskii yazyk* [Old Slavonic]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Prosveshchenie, 1986.]
- Хабургаев 2012 — Хабургаев Г. А. Старославянский язык. 3-е изд., стереотип. М.: Альянс, 2012. [Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskii yazyk* [Old Slavonic]. 3rd edition, stereotype. Moscow: Al'yans, 1986.]
- Lightner 1965 — Lightner Th. *Segmental phonology of Modern Standard Russian*. PhD diss. Cambridge: MIT, 1965. (Unpublished.)
- Lunt 2001 — Lunt H. G. *Old Church Slavonic Grammar*. 7th ed. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001. (1st ed. – 1974.)

Д. О. Добровольский. Беседы о немецком слове. Studien zur deutschen Lexik. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с. [D. O. Dobrovolskij. *Besedy o nemetskom slove* [Conversations on the German word]. Studien zur deutschen Lexik. Moscow: Ya-zyki Slavyanskoj Kul'tury, 2013. 752 p.] ISBN № 978-5-9551-0684-7.

Владимир Ильич Карпов

Институт языкознания РАН, Москва, 125009,
Россия
wi.karpow@gmail.com

Vladimir I. Karpov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia
wi.karpow@gmail.com

С середины XIX в. в лексикографии ведутся споры о том, насколько необходимой является книга, которая не только помогает понять услышанное или написанное, но и, предоставив в наше распоряжение всю совокупность слов, объединенных той или иной идеей, облегчила бы активное владение языком. Иными словами, нужно ли проводить специальное описание лексики, которое бы максимально учитывало контекст употребления. Сейчас стало очевидным, что реализация слова в речи невозможна без знания лексических парадигм, в которые оно входит, и характера его сочетаемости с другими словами, поэтому остро ощущается потребность в таком типе справочных изданий, которые включали бы в себя полную информацию о парадигматических группировках слов и об их сочетаемостных свойствах.

Поскольку современные двуязычные словари содержательно опираются на словари активного типа, то неизбежно встает вопрос, на какие данные о прагматических, стилистических и синтаксических свойствах лексических единиц, релевантных для их семантики и, соответственно, для их активного употребления в языке, должны ориентироваться составители переводных словарей, т. е. возникает проблема отбора той части информации, которая может быть отражена в таком издании. В монографии Д. О. Добровольского «Беседы о немецком слове» подробно обсуждаются эти и другие аспекты лексикографической работы, приводятся яркие и запоминающиеся примеры из собственного опыта автора как фразеолога и редактора-составителя современных немецко-русских справочных изданий.

Идея написания книги выросла из наблюдений над сложностью отношений между обозначаемым и обозначающим в двух языках — русском и немецком. Каждая глава представляет собой сборник эссе, объединенных одной задачей — продемонстрировать читателям, чем тот или иной фрагмент лексической системы немецкого языка отличается от аналогичного фрагмента русской лексической системы (с. 10—11). Такое сопоставление имеет и практический смысл для переводной (двуязычной) лексикографии, поскольку подводит специалистов к выработке общих параметров, по которым единицы лексикона различных пар языков могут быть осмысленно противопоставлены и проанализированы в целях выявления «подлинных функциональных эквивалентов, то есть лексических единиц, которые, с одной стороны, могут использоваться в аналогичных ситуациях без информационных потерь, а с другой — ощущаются как словарные корреляты» (с. 668—669).

Книга предваряется кратким экскурсом в историю немецкого языкознания и авторскими пояснениями в отношении отдельных методологических установок и выбора терминологии. В четырех беседах, вошедших в первую главу, Д. О. Добровольский излагает те «положения и теоретические концепты, возникшие в недрах неогумбольдтианского языкознания», которые оказали «существенное влияние на исследование и описание лексической семантики» и «используются в современной лексикологии практически всех направлений» (с. 13). Речь идет прежде всего о теории семантического поля и принципах выявления семантических признаков. Последовательно раскрывая комплекс отношений, складывающихся как в рамках отдельных семантических полей, так и между несколькими полями, объединенными в семантическую сеть, автор подводит читателя к трактовке понятия «семантическое поле» применительно к лексикографической практике. Критике подвергается бытующая в традиционной лексикологии, ориентирующейся на классический компонентный анализ,

методика описания значений с помощью семантической декомпозиции, которая стремится разложить значение слова на дискретную сумму признаков, но не способна этого достичь в силу недискретности семантического поля (с. 28—29). Автор предлагает — в духе Московской семантической школы — дополнить понятие семантического признака данными о его удельном весе, степени выделенности, способности менять поведение в зависимости от контекста (с. 31). В таком виде понятие семантического признака используется в работе Д. О. Добровольского применительно к лексическим единицам (часть первая) и некоторым типам неоднословных конструкций (часть вторая).

Первая часть книги «Слово как единица лексической системы» состоит из трех глав, в которых раскрывается специфика представления слова в двуязычных словарях и параллельных корпусах и обсуждаются некоторые практические вопросы перевода, связанные с несовпадением слов двух языков по объему значения и вытекающими из этого различиями в сочетаемости. Во второй части «Лексические структуры больше слова» рассматриваются различные сложносоставные конструкции немецкого языка, характеризующиеся относительной устойчивостью и высокой степенью лексикализованности. Помимо собственно фразеологических единиц в поле зрения попадают грамматические конструкции, у которых в ограниченных пределах проявляется квазифразеологический тип поведения (сочетания с глаголами движения и конструкции с обстоятельством-временным значением).

Сквозной темой в главах является диффузность значения слова и возникающая в связи с этим проблема его словарной презентации, поэтому беседы ведутся о представлении многозначности и синонимии в словарях, выявлении межязыковых корреляций между лексическими единицами с помощью параллельных корпусов, нестандартном словоупотреблении и использовании культурно-специфической лексики в переводе.

Описание полисемии, как замечает автор, было и остается задачей словаря. Никакая система правил не позволит вывести существующие значения слова без обращения к реальным фактам языка (с. 70). Это одна из сложных задач лексической семантики, поскольку план выражения и план содержания находятся в асимметричных, а не взаимно-однозначных отношениях: одно означающее может выражать несколько означаемых, и наоборот (с. 60). Отсюда проистекает методологическая трудность в работе с полисемантами, которая связана с определением границ категории многозначности. Традиционно поиск решений осуществляется в двух направлениях: формулирование критериев для разграничения полисемии и омонимии, с одной стороны, и полисемии и моносемии — с другой. При отнесении пары слов к области омонимии или полисемии в лексикографии руководствуются традицией, основанной на синхронном толковании значения. В то же время «традиционность» не исключает известную субъективность при словарном описании, это проявляется в том, что одни и те же лексемы в разных словарях толкуются по-разному. Для адекватного и экономного описания лексики лексикографы стремятся использовать критерий общих семантических признаков, но вынуждены принимать во внимание семантическую структуру слова в целом. В реальности приходится иметь дело не с четко очерченными явлениями, «а с постепенными переходами, то есть с некоторой градуированной шкалой, на одном конце которой находятся «классические» омонимы, а на другом — тесно связанные между собой значения», удельный вес общих признаков которых больше, чем семантические различия (с. 63).

Говоря о критериях разграничения полисемии и моносемии, автор особо подчеркивает, что в речи «мы имеем дело с бесконечным множеством разных употреблений единиц, а не с готовыми списками семем» (с. 64). Иными словами, у лексем можно выделить столько актуальных (ситуативно обусловленных) значений, сколько контекстов их употребления обнаружится. Перед лексикографом в этом случае стоит крайне сложная задача — свести речевые значения в языковые, руководствуясь принципом экономии лингвистического описания. Данный принцип требует установления полисемии там, где это допустимо для описания лингвистически значимых свойств лексических единиц. Словарная статья является искусственным конструктом со строгими границами, поэтому выбор принципа описания зависит от установки лексикографа. В двуязычной лексикографии разбивка словарной

статьи для единиц с широкой семантикой осуществляется с опорой на концептуальные критерии полисемии и не в последнюю очередь на синтагматические. Под первыми понимаются знания носителей языка о сходствах и различиях понятий, использование вторых основано на предположении, что одно и то же слово в разных значениях по-разному сочетается с другими единицами языка. Применительно к глаголам это означает, что при их описании (для нужд переводных словарей) учитываются не только и не столько понятия, которые они выражают, сколько все типы конструкций, в которых они участвуют. Набор значений и их связи в двуязычном словаре должны существенно отличаться от структуры многозначности того же слова в одноязычном справочнике. Д. О. Добровольский выступает в поддержку принятия «гибкой концепции полисемии», которая позволяет варьировать описание макросемантической структуры многозначного слова в зависимости от конкретных задач и метаязыковых инструментов.

Полисемия, отраженная в словаре, оказывается «артефактом лингвистического описания» (с. 71). Недостатком словарей (в том числе двуязычных) является их функциональная ограниченность, что делает их лишь условно пригодными для нужд перевода. Например, когда у отдельных единиц в специфических употреблениях нет однозначных стандартных аналогов в другом языке, возникает ощущение, что подобные смыслы не поддаются переводу. При обращении к словарной статье переводчик в этом только убеждается. В таких случаях помочь в выявлении иноязычных соответствий определенному слову родного языка, обладающему нетривиальными семантическими и дискурсивными особенностями, может только работа с параллельными корпусами. Корпусные данные показывают, что нормы сочетаемости слов подвержены постепенным изменениям, которые со временем приводят к сдвигам в семантике и прагматической характеристике, а в отдельных случаях — к модификации семантической структуры слова вплоть до появления новых и утраты старых значений. Данные процессы в двух сопоставляемых языках могут в некоторых случаях идти параллельно, но с разной интенсивностью, а могут и протекать разнонаправленно. Такие изменения часто не фиксируются в двуязычных словарях вообще или же отражаются с существенным запозданием, так что на момент выхода справочного издания многие факты, занесенные в него, не присутствуют в узусе обоих языков. Даже очень близкие по комплексу признаков (общность семантики, стиля, этимологии, дискурсивных черт) слова в языках, как правило, не являются эквивалентами, взаимозаменяемыми во всех реальных контекстах.

Причиной семантического развития лексической единицы не в последнюю очередь оказывается изменение ее сочетаемости. Словарные издания и существующие грамматики недооценивают комбинаторный потенциал слов. Нетривиальные с семантической точки зрения сочетания занимают в узусе, как правило, периферийное положение и никогда не включаются в словарные описания. Однако в результате непрогнозируемых предпочтений носителей языка частотность использования таких словосочетаний может резко увеличиться, и из разряда периферийных они перемещаются ближе к ядру. Сопровождающая такое перемещение радикальная перестройка комбинаторного потенциала часто приводит к семантическим сдвигам, изменениям лексического значения слова. Поскольку подобрать в таких случаях стандартный эквивалент для перевода затруднительно, приемлемым решением представляется работа с параллельным корпусом, который как инструмент сопоставительного изучения языков и двуязычной лексикографической практики доказал свою эффективность и надежность.

Обращение к корпусным данным может быть полезным, когда в круг рассмотрения включаются нерегулярные явления языка, обычно считающиеся маргинальными. Благодаря работе с корпусами выяснилось, что многие из подобных явлений отличаются крайне высокой употребительностью; это касается всей фразеологии, большого количества словосочетаний, относимых к области «малого синтаксиса» и т. д.

В главах, посвященных идиоматическим конструкциям, Д. О. Добровольский обращается к когнитивным и культурологическим аспектам теории фразеологии. В фокус рассмотрения попадают такие основополагающие проблемы фразеологии, как типология фразеологизмов,

особенности семантики фразеологизмов и понятие модели значения, связь актуального значения фразеологизма с внутренней формой, способы экспликации внутренней формы в модели значения идиомы, дискурсивное и синтаксическое поведение фразеологизмов. Отдельное внимание уделяется контрастивной фразеологии и вопросам переводимости немецких и русских идиом, способам представления фразеологизмов в двуязычных словарях.

Центральная тема бесед в этих главах — проблема мотивированности идиом. С точки зрения когнитивной лингвистики в большом количестве идиом, характеризующих одно и то же понятие, это понятие осмысливается и выражается по-разному, поскольку каждая идиома обладает внутренней формой, под которой понимаются определенные знания, мотивирующие актуальное значение идиомы и связанные с буквальным прочтением идиомы или ее этимологией. Речь идет не об индивидуальных образных ассоциациях носителей языка, а о многокомпонентных структурах знаний, закрепленных за идиомой в языковой интуиции социума и влияющих на ее употребление в речи всеми членами языкового сообщества. Знания, мотивирующие значение идиомы, накладывают сочетаемостные и ситуативные ограничения на ее употребление и выявляются посредством анализа соответствующих контекстов. Внутренняя форма (образная основа идиомы) проявляется также в случаях языковой игры, под которой понимается намеренное отклонение от стандартного употребления идиомы, т. е. трансформация формы и/или значения идиомы, приводящая к определенному семантическому эффекту.

В традиционном понимании устойчивость плана выражения идиомы состоит в том, что она фиксируется в словаре, а не порождается каждый раз по правилам грамматики. При этом в устойчивости выделяются два взаимосвязанных аспекта — структурный и узуальный: структурный аспект характеризует выражение с точки зрения его внутреннего устройства (ограничения на трансформируемость, дефектность парадигмы), а узуальный аспект состоит в восприятии выражения языковым социумом как часто повторяемого в речи. Автор подвергает сомнению устоявшееся в традиционной теории фразеологии мнение о полном отсутствии связей между значением идиомы и значениями ее компонентов и, как следствие, ее семантической нечленимости. На конкретных примерах, демонстрирующих синтаксическую подвижность и семантическую членимость идиом, показывается неполноценность такого подхода. Так, в частности, специфическое синтаксическое поведение идиом (разложение комплекса на слова-компоненты и их разнесение по различным синтагмам; языковая игра, построенная на разложении идиом на компоненты с самостоятельными значениями, добавлении дополнительных компонентов) далеко не всегда определяется только узусом, за этим подчас могут скрываться семантические причины. В принципе, речь идет не о семантической разложимости идиомы, а о ее операционном потенциале в коммуникативном акте, связанном с подвижностью смысловой структуры метафоры, лежащей в основе идиомы. Происходит переосмысление одного из компонентов идиомы, которое носит «стихийный» характер, но понятно и прозрачно для носителей языка, поскольку выводимо из знания о соотношении актуального значения фразеологизма и его образной составляющей, т. е. строится по строгим, узуально регламентированным и приемлемым в конкретном социуме правилам семантической переинтерпретации.

Специфика семантического развития внешне сходных идиом в разных языках — один из факторов, объясняющих отсутствие полной межъязыковой эквивалентности между ними. План содержания идиом в разных языках оказывается настолько многослойным, насыщенным этнокультурной информацией, что исключает возможность их полноценного эквивалентного перевода во всех возможных контекстах.

Немало сложностей представляют фразеологизмы и для составителей словарей. Способ представления идиом зависит от специфики словарей, их прагматической направленности, ориентированности на синхронное состояние языка или диахронию. Автор предлагает рассматривать вопросы описания идиом также в тесной связи с корпусной лексикографией и сформулировать принципы создания нового немецко-русского фразеологического словаря, в основе которого лежат данные корпусов текстов. Преимущества такого подхода состоят

«не только в более подробной и продуманной экземплификации описываемых выражений, но и в дополнительных возможностях, которые предоставляет корпусный материал для формирования словника» (с. 575): он позволяет определить частотность идиом, степень идиоматичности и устойчивости фиксируемых выражений, вариативность их лексического состава, уточнить семантическую структуру идиомы, привести форму леммы в соответствие с современным узусом и т. д.

Монография Д. О. Добровольского «Беседы о немецком слове» — это серьезный научный труд и в то же время интересная и занимательная книга, сочетающая в себе глубину исследования и простоту изложения. Главы, написанные по-русски, чередуются с главами на немецком языке, что делает книгу интересной и для студентов-германистов, и для специалистов в области общей и сопоставительной лексикологии. Ценность «Бесед» заключается также и в том, что автору удалось на материале разных, не связанных между собой фрагментов лексической системы построить оригинальную модель представления знаний о слове и его окружении.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

**4-й Международный семинар
по речевым технологиям
для малоресурсных языков
SLTU-2014****Алексей Анатольевич Карпов**

Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации Российской академии наук (СПИИРАН), Санкт-Петербург, 199178, Россия; Университет ИТМО, Санкт-Петербург, 197101, Россия
karpov@iias.spb.su

14—16 мая 2014 г. в Санкт-Петербурге состоялся 4-й Международный семинар по речевым технологиям для малоресурсных языков SLTU-2014 (4th International workshop on spoken language technologies for under-resourced languages).

Международный семинар по речевым технологиям для малоресурсных языков SLTU проводится с 2008 г. и традиционно организуется один раз в два года. В 2014 г. SLTU впервые проводился в России в Санкт-Петербурге, а три предыдущих встречи проходили в Ханое (Вьетнам) — SLTU-2008, Пенанге (Малайзия) — SLTU-2010 и Кейптауне (ЮАР) — SLTU-2012, каждый раз собирая до сотни ведущих ученых со всего мира, включая компьютерных специалистов, математических, прикладных и полевых лингвистов, фонетистов и др. Интернет-сайт международного семинара SLTU-2014 находится по адресу: <http://www.mica.edu.vn/sltu2014>.

Организаторами SLTU-2014 выступили Санкт-Петербургский институт информатики и автоматизации Российской академии наук (СПИИРАН), а также Университет Авиньона (LIA, Франция), Гренобльский институт информатики (LIG, Франция) и Международный исследовательский институт МИСА (Вьетнам), которые являются основателями этой солидной серии международных семинаров. Председателем семинара был А.А. Карпов (СПИИРАН). SLTU-2014 проводился на базе Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) при содействии СПИИРАН и Санкт-Петербургского государственного университета.

**4th International workshop
on spoken language technologies
for under-resourced languages****Alexey A. Karpov**

St. Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences (SPIIRAS), St. Petersburg, 199178, Russia; ITMO University, St. Petersburg, 197101, Russia
karpov@iias.spb.su

Научное мероприятие было официально поддержано Международной ассоциацией по речевой коммуникации (ISCA), Европейской ассоциацией по обработке сигналов (EURASIP), а также Российской академией наук. Спонсорами SLTU-2014 выступили Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и ООО «Лингвистические и информационные технологии — Линфо» (Москва).

Как известно, в мире существует более семи тысяч живых разговорных языков, открытых на данный момент, но из них только для нескольких десятков наиболее распространенных мировых языков существуют или разрабатываются естественно-языковые и речевые технологии (компьютерные системы распознавания речи, синтеза речи по тексту, машинного перевода речи, идентификации языков и т. д.), а также доступны необходимые речевые и текстовые базы данных и ресурсы. Все остальные языки технологиями обработки языка и речи практически никак не охвачены и являются малоресурсными (under-resourced) языками, не имеющими достаточных речевых и языковых корпусов и обработанных данных для создания речевых технологий. При этом на таких малоресурсных языках могут разговаривать десятки и даже сотни миллионов человек, и многие из них являются государственными языками, как, например, языки Индии, Индонезии, Афганистана, Китая или ЮАР. Для России данная проблематика также очень актуальна, так как у нас в стране используется около двухсот различных языков, и почти в каждой республике РФ определены свои государственные или официальные языки в дополнение к русскому.

Основными научными направлениями международного семинара SLTU традиционно являются проблемы и достижения, связанные с компьютерной обработкой и изучением малоресурсных (under-resourced), миноритарных (minority), а также находящихся под угрозой исчезновения (endangered) языков, в том числе:

— сбор и развитие, обработка языковых и речевых ресурсов: словарей, корпусов, грамматик, моделей языка и т. д.;

— автоматическое распознавание и синтез речи для языков и их диалектов, имеющих мало обучающих данных;

— многоязычная обработка устной и письменной речи;

— машинный перевод речи / текста и речевые диалоговые системы.

Таким образом, исследования и проблемы, рассматриваемые на данном семинаре, очень актуальны как для международной, так и российской науки. Семинар SLTU является весьма представительным международным мероприятием и способствует постепенному решению этих важных научных проблем.

SLTU-2014 в Санкт-Петербурге был масштабнее предыдущих семинаров и включал насыщенную научную программу, состоящую из трех дней устных докладов участников и двух ключевых лекций приглашенных специалистов. Официальным языком международного семинара был английский. Всего в семинаре приняли участие почти 80 участников, включая 45 человек из стран дальнего зарубежья. Иностранцы участники семинара приехали из (в порядке уменьшения численности) Франции, Германии, Японии, ЮАР, Вьетнама, Великобритании, Румынии, Финляндии, Чехии, Испании, Венгрии, Эстонии, Бельгии, Италии, Украины, США, Ирландии, Португалии, Индонезии и Туниса. Российские участники представляли как академические институты СПИИ РАН и ИЛИ РАН, так и ведущие вузы: СПбГУ, НИУ ИТМО, МГУ, Казанский федеральный университет, а также коммерческие организации, такие как «Центр речевых технологий», «Лингвистические и информационные технологии — Линфо», «СТЭЛ — Компьютерные системы» и т. д. На семинаре российскими учеными было представлено пять научных докладов из 40, отобранных для научной программы международным научным комитетом, в который входят ведущие ученые и специалисты по данной тематике из России, Франции, Германии, Великобритании, Японии, ЮАР, США, Турции, Португалии, Вьетнама, Сингапура и Малайзии.

В программу SLTU-2014 были включены часовые лекции двух приглашенных всемирно известных ученых: С. Накамуры 14 мая 2014 г.

и М. Гейлса 15 мая 2014 г. Оба доклада вызвали у собравшейся аудитории огромный научный интерес и еще долго обсуждались после лекций.

С. Накамура (Satoshi Nakamura — Нара институт науки и технологий, Япония; член президиума ассоциации ISCA) в лекции «В направлении синхронного многоязычного модального перевода речи в речь» («Towards real-time multilingual multimodal speech-to-speech translation») представил обзор современных исследований и разработок в области многоязычного машинного перевода речи, включающего в себя средства и системы для автоматического распознавания речи (преобразования речи в текст) на входном языке, машинного перевода распознанного текста с исходного языка на требуемый, компьютерного синтеза речи по переведенному тексту на выходном языке. В докладе освещались насущные проблемы для каждой из этих независимых задач и результаты выполненных исследований для нескольких языковых пар. Были представлены исследования, связанные с обработкой не только аудиоинформации, но и аудиовизуальной речи, включая технологии чтения речи по губам диктора и создания виртуальных трехмерных аватаров для мультимедийного синтеза речи.

М. Гейлс (Mark Gales — Кембриджский университет, Великобритания) в лекции «Распознавание речи и нахождение ключевых слов для малоресурсных языков: исследования по проекту “Вавилон” в Кембриджском университете» («Speech recognition and keyword spotting for low resource languages: Babel project research at CUED») представил ведущие в настоящее время исследования и текущие результаты работы по компьютерному распознаванию речи и выделению ключевых слов в потоке слитной речи дикторов. М. Гейлс познакомил аудиторию с исследованиями в этой области, проводимыми консорциумом во главе с Кембриджским университетом на примере десяти малоресурсных языков мира (кантонский, ассамский, бенгальский, пушту, тагальский, турецкий, вьетнамский, гаитянский креольский, лаосский и зулу). Для проведения данных исследований используется многоязычный корпус речи, создаваемый несколькими организациями из целого ряда стран в рамках комплексного проекта «Вавилон» (Babel) агентства IARPA (Intelligence advanced research projects activity), который также был представлен в докладе ученого.

В ходе семинара участниками были прочитаны доклады по созданию и развитию различных речевых и естественно-языковых технологий, а также сбору и анализу корпусов и данных для десятков малоресурсных языков

мира. Организационно работа основной части SLTU-2014 проходила по следующим секциям: «Многоязычные естественно-языковые и речевые технологии» («Multilingual spoken language technologies»), «Речевые и языковые ресурсы» («Speech and language resources»), «Распознавание речи» («Automatic speech recognition»), «Синтез речи по тексту» («Text-to-speech synthesis»), «Обработка речи» («Speech signal processing»). На семинаре были представлены исследования по основным мировым языкам и многим малоресурсным языкам Европы, Азии, Африки, Америки и Океании, включая эстонский, венгерский, румынский, албанский, баскский, мирандский, словенский, словацкий, чешский, сербохорватский, украинский, турецкий, саамский, вьетнамский, кантонский, корейский, тагальский, лаосский, бенгальский, урду, малайский, индонезийский, яванский, суданский, балийский, батакский, ибанский, кхмерский, мосо, ассамский, пушту, йоруба, африкаанс, зулу, коса, сепеди, сото, тсвана, тсонга, свати, венда, ндебели, шона, креольские языки, а также другие языки мира и их диалекты / региолекты. Практически все устные доклады вызвали у аудитории большой научный интерес, докладчикам было задано много вопросов.

**Международный семинар
в честь 60-летия профессора
Перы Дурст-Андерсена**
«Глобальная коммуникация
в локальной перспективе: когда
мы не говорим на одном языке»

Дина Борисовна Никуличева

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия; Московский государственный лингвистический университет, Москва, 119034, Россия
nikoulitcheva@yandex.ru

10 июня 2014 г. в Копенгагене прошел международный семинар, приуроченный к 60-летию профессора Перы Дурст-Андерсена, посвященный разработке предложенной им теории коммуникативной типологии языков мира.

Основной тезис концепции Дурст-Андерсена состоит в том, что языки подразделяются на суртипы в зависимости от того, насколько грамматическая система того или иного из них настроена на отображение объективной реальности как одинаковой для говорящего и слушающего, либо на восприятие ситуации говорящим,

к началу мероприятия был издан печатный и электронный сборник трудов международного семинара SLTU-2014 на английском языке, включающий 40 статей участников, отобранных научным комитетом по итогам рецензирования. Труды SLTU-2014 размещены в свободном доступе в Интернете в архиве международной ассоциации ISCA: http://www.isca-speech.org/archive/sltu_2014.

По результатам проведения международного семинара SLTU-2014 следует признать, что исследования российских организаций в данной области науки в целом несколько отстают от передового международного уровня, причем отставание составляет примерно 5—8 лет. В России подобные исследования частично поддерживаются государственными фондами РФФИ и РГНФ, но их финансирование пока совершенно недостаточно в сравнении с мировой наукой в высокоразвитых странах. Однако есть уверенность, что проведение данного семинара и подобных ему международных мероприятий в России в дальнейшем поспособствует ускоренному развитию речевых технологий у нас в стране, особенно для государственных и официальных языков Российской Федерации.

**International seminar on the occasion
of Per Durst-Andersen's
60th birthday**
«Global communication in local
perspective — when we don't speak
the same language»

Dina B. Nikulicheva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Science, Moscow, 125009, Russia; Moscow State Linguistic University, Moscow, 119034, Russia
nikoulitcheva@yandex.ru

либо на восприятие ситуации слушающим. Языковой супертип предстает как определенная коммуникативная ориентация всех языковых средств конкретного языка (на говорящего, слушающего или денотативную реальность), закономерно проявляющаяся на прагматическом, семантическом, синтаксическом, морфологическом и когнитивном уровне и предопределяющая множество частных различий между конкретными языками. Публикация книги «Bag om sproget» [Durst-Andersen 2011a] (см. рецензию [Никуличева 2013]) и ее более развернутой англоязычной версии [Durst-Andersen 2011b], посвященных

рассмотрению этих проявлений на разных уровнях языковой семантики, стала значимой вехой в формировании особого направления исследований Копенгагенской лингвистической школы. Первым коллективным исследованием в этом русле можно считать коллективную монографию «Language, cognition and mentality», опубликованную в 2010 г. [Durst-Andersen (ed.) 2010].

Задача участников международного семинара состояла в том, чтобы подвергнуть теории Дурст-Андерсена эмпирической верификации. Для этой цели докладчиками были исследованы тексты определенного функционального типа на разных языках (юридические документы, деловая корреспонденция, техническая документация, рекламные материалы, субтитрирование кинофильмов, прогнозы погоды и пр.) Языковые особенности, отмечаемые на словообразовательном, морфологическом, синтаксическом и текстовом уровне, систематизировались в плане их преимущественной ориентации на получателя языковой информации, на ее отправителя и на денотативную реальность, что позволило поставить вопрос о принадлежности анализируемого языка к тому или иному коммуникативному супертипу.

Совместный доклад Евы Скафте Енсен (Дания), Кирстен Краг и Эрлинга Струдсхольма (Дания) назывался «Дорогой Пер / Многоуважаемый профессор». Авторы сопоставляли различия в формулах обращения и подписи электронного письма во французском, итальянском, датском и шведском языках. Важным выводом стало наблюдение о том, что различие идет не по линии противопоставления романских языков германским, а обусловлено коммуникативной типологией каждого конкретного языка. Так, наиболее нюансированно диастратические отношения (социальное происхождение, образование, пол и возраст, социальная иерархия), так же как и диафасисные отношения (близость — удаленность, доверительность — официальность и др.), выражаются во французском языке, проявляющем в формальном регистре признаки коммуникативной ориентации на адресата, а в неформальном — признаки ориентации на денотативную ситуацию. В итальянском языке типы обращений указывают скорее на оценку коммуникативной ситуации с точки зрения отправителя. Ориентация на получателя в датском языке проявляется в четкой зависимости выбора обращения адресата от характера подписи в его предыдущем письме.

Датско-русским грамматическим сопоставлениям были посвящены доклады трех российских исследователей: Э. Б. Крыловой (Москва), Д. Б. Никуличевой (Москва) и Е. В. Лоренцен (Дания).

В докладе Эльвиры Крыловой обсуждался специфический системный статус модальных частиц в датском языке, обусловленный ярко выраженной тенденцией датского языка к маркированию достоверности высказывания с позиции разных участников коммуникации. Рассматривая примеры типа *Vil du ikke nok hjælpe mig?* / *Vil du ikke godt hjælpe mig?* / *Kunne du dog ikke hjælpe mig?*, автор показывала, как одна и та же пропозиция, соответствующая в русском языке модальному вопросу ‘*Ты не мог бы мне помочь?*’, получает, благодаря использованию особых модальных частиц, коммуникативно значимые смысловые нюансы.

В докладе Дины Никуличевой исследовались лингвоспецифические нюансы грамматических смыслов, передаваемые императивными формами в русском и датском языках. На материале сопоставления диалогов из датских фильмов с их переводами на русский язык анализировались такие расхождения, как значительно большее количество отрицаний и существенно меньшее количество модальных глаголов в волеизъявительных ситуациях в русском языке по сравнению с датским. Было отмечено, что использование несовершенного вида вместо совершенного (*Бросай пистолет!* vs. *Брось пистолет!*) служит для русского говорящего дополнительным средством выражения его большего волеитивного контроля над адресатом. Этой же цели служит использование индикатива в категорических высказываниях императивного характера. Ср. *Встань и выйди из класса!* и *Встал и вышел из класса!*, как если бы желаемое действие адресата уже произошло в реальности. В отличие от ориентированной на создание желаемой реальности императивной системы русского языка, датская императивная система приоритетно ориентирована на ожидаемое отношение адресата. Этой цели служат особые аналитические комплексы, образуемые сочетанием императива с определенными модальными частицами. Так, значение ‘*Заходи!*’ выражается императивным комплексом *Kom bare ind!*, если говорящий предполагает, что сделанное предложение отвечает интересам самого адресата; *Kom lige ind!*, если говорящий не ожидает возражения со стороны адресата; *Kom nu ind!*, если говорящий ожидает колебаний со стороны адресата; и *Kom så ind!*, если говорящий ожидает возможного неподчинения адресата.

Доклад Елены Лоренцен был посвящен прагматически значимым несовпадениям использования союзов *u/uli* и *og/eller* в русском и датском языках. Сопоставляя параллельные тексты на русском и датском языках, автор установила, что весьма часто там, где в датском языке

используется разделительный союз *eller* (*или*), в русском используется соединительный союз *и* (*ог*). Как было показано в докладе, объяснение этому парадоксальному факту кроется в первоочередной ориентации русской грамматической системы на перечисление возможностей, задаваемых объективной реальностью: *Стоянка и оставка запрещены*. То, что этому предложению в датском языке соответствует разделительный союз *eller* (*Standsning eller parkering er forbudt*), объясняется первоочередной коммуникативной ориентацией датской грамматической системы на получателя информации. Ведь в конкретной ситуации речь каждый раз идет о той или иной альтернативе, актуальной в определенный момент для конкретного адресата.

Отражение коммуникативного супертита датского и русского языков в стратегиях терминологического образования рассматривалось в докладе В и к т о р а Ш м и д т а (Дания). Сравнивая такую специальную сферу лексики, как водопроводная терминология, докладчик отметил общие закономерности, характерные для датского языка как ориентированного на адресата и русского как ориентированного на отражение реальности. Если в датском языке, благодаря композитному словообразованию, задается общая категория *ledning* 'провод' и все частные случаи детализируются посредством модификации первого компонента, то в русском конкретные типы получают особое лексическое именование. Поэтому датский термин *hovedledning* (досл. «главный провод») — по отношению к ответвлению любого уровня) получает в русском языке множество конкретных соответствий в зависимости от места данного участка водопровода в общей системе: *водовод* (если это водопровод от источника воды к населенному пункту), *магистральная линия* (если это основная водопроводная линия внутри населенного пункта) и *уличная линия* (если она рассматривается по отношению к индивидуальному вводу).

Целая группа докладов из Копенгагенской высшей школы бизнеса (CBS) была посвящена сопоставлению коммуникативной типологии германских и романских языков, описываемых в терминах противопоставления «эндоцентрических» языков (где нюансирование смысла идет за счет преимущественной семантической детализации предикатов) «экзоцентрическим» (где смысловая детализация происходит, в первую очередь, за счет семантического нюансирования аргументов).

Эта теория, разработанная в исследованиях Микаэля Херслунда [Herslund 1997; 2000; Baron, Herslund 2005] и Ирен Барон [Baron 2000; Baron, Herslund 2005], нашла убедительное применение

в докладе Ирен Барон (Дания), посвященном исследованию того, как специфика языкового видения мира в датском языке, с одной стороны, и французском и итальянском языках, с другой, отражается в национальной специфике визуальной рекламы. Исследовательница показывает, как романские языки лексически детализируют визуальную составляющую денотата, именуя различия в конфигурации денотатов особыми лексемами, тогда как германские языки пользуются либо композитной категоризацией, либо обобщающим именованием, генерализирующим общую функцию (ср. именованья транспортных средств в датском и французском: дат. *vogn, personvogn, barnevogn, hyrevogn, lastvogn* vs. франц. *voiture, landau, taxi, camion*; или единую датскую лексему для слова 'пол' *gulv* при множестве именованных различных по конфигурации денотатов: *parquet, plancher, carrelage, dallage*). Предикаты при такой лексической детализации аргументов, напротив, приобретают в экзоцентрических языках более абстрактный характер, тогда как в эндоцентрических языках, они наоборот оказываются более лексически нюансированными по способу совершения действия и/или по направлению. Ср. дат. *Per sejlede over Kanalen* 'Пер переплыл канал' и франц. *Pierre a traversé la Manche [en bateau]* 'Пер пересек канал на лодке'. Таким образом, экзоцентрический язык более ориентирован на денотативную ситуацию, «программируя», по выражению Ирен Барон, осмысление целостной ситуации в виде визуальной картины, между элементами которой устанавливаются наиболее общие взаимосвязи, тогда как эндоцентрический язык более ориентирован на получателя информации, «программируя» восприятие им конкретных действий и функций вовлеченных в них актантов. В докладе было также на многочисленных примерах продемонстрировано, как указанные особенности языковой категоризации отражаются в национально-специфических особенностях рекламы: если датская визуальная реклама типично подчеркивает назначение продукта и его адресацию, то французская и итальянская реклама обычно выдвигает на первый план фантазийный контекст, вызывающий позитивные ассоциации и создающий заманчивую иллюзию реальности.

В докладе Ханны Корцен (Дания) было предложено объяснение распространенности в датском языке таких нетипичных для французского языка оборотов, как объектные предикативы. Распространенность этой конструкции объясняется эндоцентричностью датского языка, для которого типична семантическая детализация предикативных смыслов — не только по характеру и направленности конкретного действия, но и по возникающему в результате этого

действия состоянию объекта. Именно поэтому по-датски нельзя сказать **Han væltede kaffen varm* 'Он опрокинул кофе горячим', поскольку признак 'горячий' не возникает в результате действия, обозначенного глаголом *опрокинуть*, но можно сказать *Den lille stakkel graed sit lommetørklæde helt vådt* (досл.) 'Бедняжка наплакала свой платок совсем мокрым'.

Совместный доклад Микаэля Херслунда и Йорна Корцена (Дания), выполненный на материале сравнения национальных корпусов итальянского и датского языков, исследовал проявления различий и коммуникативной типологии языков на уровне структуры текста. Для итальянского языка отмечалась значительно более высокая статистика номинализаций и пространственных определений. Тематическая прогрессия итальянских текстов в целом характеризовалась более разветвленной иерархической структурой, тогда как тематическая прогрессия датских текстов скорее носила линейный характер за счет последовательной смены предикатов. Характерные различия отмечались и в структуре анафоры. Если в датских текстах статистически преобладают «информативно легкие» анафоры (определенный артикль или указательное местоимение), то в итальянских текстах преобладают «информативно тяжелые» анафоры, выраженные различными типами лексических синонимов и парафразов.

Один и тот же тип текста может быть воспринят неадекватно, будучи переведенным на другой язык, если в языке перевода сохранить коммуникативный код исходного языка. Это было показано в докладе Метты Скоугорд-Андерсен (Дания), исследовавшей, как прогноз погоды, переведенный с датского языка, воспринимается немецкими информантами, если сохранять все присутствующие в датском оригинале эпистемические и фатические показатели. То, что в датском тексте было оправдано, с точки зрения датчан, как вовлечение адресата в процесс коммуникации, воспринималось всеми немецкими слушателями как непрофессионализм или как неуместное легкомыслие ведущего.

В заключение конференции в совместном докладе молодых исследователей Стине Бентсен и Стине Мосэкер (Дания) обсуждались перспективы исследования того, как коммуникативный тип родного языка влияет на понимание английского языка и на общение на нем как на международном языке-посреднике.

Конференция, организованная Копенгагенской высшей школой бизнеса, стала не только научным праздником в честь одного из видных современных лингвистов, но и заявила о формировании перспективного коммуникативно-типологического направления в датской лингвистике, заслуживающего, на наш взгляд, международного интереса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Никуличева 2013 — Никуличева Д. Б. [Рец. на:] Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag, 2011 // Вопросы языкознания. 2013. № 1. С. 136—140. [Nikulichева D. B. Review of: Durst-Andersen P. Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. København: Hans Reitzels Forlag, 2011. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 1. Pp. 136—140.]
- Baron 2000 — Baron I. Aspects lexicaux de la traduction des noms composés. *Voprosy filologii* [= *Voprosy filologii*]. 2000. No. 3 (6). Pp. 62—68.
- Baron, Herslund 2005 — Baron I., Herslund M. Langues endocentriques et langues exocentriques. Approche typologique de danois, du francais et de l'anglais. *Le génie de la langue française. Perspectives typologiques et contrastives. Langue française*. 2005. No. 145. Pp. 35—54.
- Durst-Andersen (ed.) 2010 — Durst-Andersen P. (ed.). *Mentality and thought. North, South, East and West*. København: Copenhagen Business School Press, 2010.
- Durst-Andersen 2011a — Durst-Andersen P. *Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation*. København: Hans Reitzels Forlag, 2011.
- Durst-Andersen 2011b — Durst-Andersen P. *Linguistic supertypes. A Cognitive-semiotic theory of human communication*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012.
- Herslund 1997 — Herslund M. *Det franske sprog. Kapitel I: Grundlag*. Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 1997.
- Herslund 2000 — Herslund M. Tipologia grammaticale e tipologia lessicale. *Argomenti per una linguistica della traduzione. Gli argomenti umani 4.11-18*. Korzen I., Marellò C. (eds). Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2000.

Хроника конференции SinFonIJA VII

Иван Сергеевич Капитонов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, 101000,
Россия
moving.alpha@gmail.com

Седьмая конференция SinFonIJA (Syntax, Phonology and Language Analysis; «Синтаксис, фонология и языковой анализ») проходила с 25 по 27 сентября 2014 г. в Грацском университете имени Карла и Франца. Организатором выступил Институт англистики в лице Ремуса Гергеля, Андреаса Блюмеля и Ульрики Фрайтаг.

В общей сложности участники сделали 19 докладов, включая пять приглашенных, и представили 12 постеров на двух постерных секциях. Было очевидно преобладание синтаксиса: больше половины сообщений были посвящены ему, что вызвало среди участников обсуждение того, что у синтаксистов мало специализированных конференций, зато они доминируют на общетеоретических мероприятиях.

В плане исследуемых языков стоит отметить уже прочно закрепившуюся картину большого их разнообразия: участники сделали среди прочего доклады об арабском, балкарском, баскском, валлийском, венгерском, мандаринском китайском, южноиндийском языках, значительное количество презентаций было посвящено славянским языкам, и один доклад был про словенский жестовый язык.

Конференцию открыл приглашенный докладчик Э. Крокка в соавторстве с Б. Санторини (США) про порядок слов в раннем старофранцузском. Опираясь на корпусные данные, они изучили историю конструкции SAuxOV с нехарактерной для среднефранцузского и современного французского языка инверсией прямого объекта. Количественный анализ привел авторов к выводу, что, возможно, в старофранцузском в определенный период были доступны две грамматики: одна, в которой порядок OV порождался напрямую, и другая, в которой он получался в ходе скремблинга исходного VO. Ко времени позднего старофранцузского первая из них исчезла. Возможность такого сосуществования двух вариантов грамматики, конечно, поднимает вопросы для теории усвоения языка.

Тема порядка слов поднималась еще в нескольких докладах. М. Зальцман (Германия) обсуждал кластеры из трех глаголов в германских

A chronicle of the SinFonIJA VII conference

Ivan S. Kapitonov

National Research University «Higher School
of Economics», Moscow, 101000, Russia
moving.alpha@gmail.com

языках, и в частности порядок «2—1—3», который ранее считался невозможным. М. Павлич (Италия) провел исследование порядка слов в словенском жестовом языке. Он определил, что базовый порядок слов — SVO, но прямой объект оказывается перед глаголом (O_vV) в конструкциях с инкорпорированными в глагол классификаторами. Значительную часть доклада автор отвел на рассказ о сложностях лингвистической работы с глухими и слабослышащими. С. Халупка-Решетар (Сербия) и Н. Годорович (США) представили постер об экспрессивном эффекте выдвигания вперед глаголов и существительных в сербохорватском. Они предлагают считать, что и на уровне клаузы, и на уровне именной группы есть некая дискурсивная проекция, которая отвечает за этот экспрессивный эффект.

Проблема группы детерминатора (DP), в частности в свете параллели между DP и CP (группой комплементаризера), была еще одной из важных тем конференции. Две презентации были посвящены вопросам DP в сербохорватском, существование которой давно является предметом оживленных дискуссий. Б. Станковиц (Сербия) представил постер с данными, которые он трактует как фокус — понятие, традиционно связанное с уровнем высказывания, — внутри DP. Б. Арсеньевич (Сербия) в своем докладе обосновал не только присутствие DP, но и наличие в ней двух уровней проекции, связанных с эпистемическим и дискурсивным аспектами референции имени. Похожие идеи звучали в докладе А. Тротцке и И. Визель (Германия), посвященном дискурсивным частицам внутри именной группы (NP) в немецком.

В области CP доклад Ф. Марушича, П. Мишаш, В. Плесничар, Т. Разборшек и Т. Шулигой (Словения) представил данные из словенского, которые требуют пересмотра обобщения Дж. Мёрчанта [Merchant 2001] о том, что в предложениях со слусингом (разновидность эллипсиса, в которой обычно вся клауза элидируется и замещается вопросительным местоимением, например *Джейсон что-то видел, но не рассказывает, что*) в вершине C может находиться только вопросительное слово. Авторы доказывают, что в словенском там также

могут находиться частицы, и предсказывают, что в других языках с множественными вопросами должно быть так же.

Большой интерес аудитории вызвал доклад А. Ирурцуна (Франция) про расщепленные вопросы в баскском языке (*Кого ты увидел, тигра?*). В баскском существует два типа таких вопросов: «согласующиеся» и «что-вопросы». В первом типе вопросительное слово (*кого*) совпадает с группой ответа (*тигра*), а во втором вопросительное слово всегда *zer* 'что'. «Что-вопросы», в отличие от согласующихся, не позволяют эффект крысолова, не могут выноситься под отрицанием и имеют эвиденциальный оттенок. Согласно анализу, предлагаемому Ирурцуном, согласующиеся вопросы представляют собой биклаузальные конструкции, включающие частный вопрос и фокус, со слусингом во второй клаузе. Анализ со слусингом не подходит для «что-вопросов». Напротив, они моноклаузальны и включают малую клаузу с вопросительной переменной и предикативной группой ответа. За счет множественного доминирования получается передвижение и вопросительного слова, и группы ответа в фокусные проекции, что было бы невозможно в рамках одной клаузы. Вопросительная переменная получает дефолтную морфологию, т. е. форму 'что'.

Что касается отдельных явлений, наиболее заметно были освещены некоторые аспекты операции согласования (*agree*). М. Бегович (США) предложила в своем постере анализ собранных ею новых данных по согласованию глагола с сочиненными именными группами в сербохорватском. А. Газдик (Австрия/Венгрия) и В. Хегедюс (Венгрия) пересмотрели данные по несогласующимся прилагательным, модифицирующим глагол во французском (*Marie mange sain*), и обнаружили случаи, когда прилагательное должно согласовываться (*Cette fleur sent bonne*). Согласно их анализу, такие прилагательные являются адьюнктами и могут переосмыслиться как предикативные адьюнкты, и в таком случае они должны согласовываться, будучи структурно похожими на депиктивы. Б. Сурани, В. Хегедюс (Венгрия) и Ю. Хартман (Германия) разработали анализ условий появления связки в терминах подстановки (*copula-support*). Они расширили анализ К. Э. Киш [Kiss 2002], основанный на согласовании предикатов, на которых определен признак числа, с вершиной T как раз по числу: связка появляется как последнее средство в качестве морфологического хозяина, когда признак числа не может быть поверхностно выражен где-то еще. Они распространяют этот анализ, помимо именных предикатов, на целый ряд конструкций: предикативные и уточняющие

псевдоклефты, экзистенциальные, погодные и притяжательные. А. Ксёнова и П. Коваль (Москва) представили постер с данными по изменению карачаево-балкарского языка в разных поколениях. В речи старшего поколения, в отличие от молодого, местоимение в единственном числе может быть кореферентно множественному антецеденту (например, сочиненной ИГ). Авторы предлагают анализ, согласно которому это местоимение в грамматике старшего поколения недоспецифицировано по числу. Также они разбирают случай недоспецификации по лицу в притяжательной конструкции.

Несколько презентаций были из области лексического синтаксиса. В их числе доклад О. Боррик (Испания), в котором она предложила решение давней проблемы реализации аргументов полных форм прилагательных и причастий в русском (**Отец был гордый (своим сыном) — Гордый своим сыном отец*). Анализируя ряд дистрибуционных свойств кратких и полных форм, автор предлагает две разных деривации полных форм: в первом случае адъективная вершина соединяется с предикативной основой и после этого с суффиксом *-ой*. Такие полные формы не имеют актантажной структуры. В другом случае суффикс *-ой* присоединяется к кратким формам, которые суть глагольные элементы. При этом способе образования они получают аргументную структуру от глагольной основы. Б. Герке (Франция) и К. Марко (Норвегия) рассказали о результатах корпусного исследования того, какие экспириенциальные глаголы в испанском могут образовывать глагольные и/или адъективные пассивы. Они обнаружили, что глаголы с номинативным экспириенцером образуют только глагольные пассивы, глаголы с дативным экспириенцером не образуют никаких, а глаголы с акузативным экспириенцером образуют и глагольные, и адъективные (причем последних больше).

Приглашенный доклад Г. Трукенбротта в соавторстве с Б. Камал (Германия) был на стыке синтаксиса и семантики. Авторы развивали идею о связи частных вопросов и фокуса, предложенную С. Кейблом [Cable 2010], и идею из [Kratzer 1991] о том, что (синтаксический) фокусный признак связывает данный индекс с (сематическим) оператором ∞ [Rooth 1992]. В частности, они подробнее исследовали просодические свойства обеих конструкций. Анализируя данные английского (языка с вопросительным передвижением) и турецкого (языка без вопросительного передвижения), они предложили модель, которая может служить началом типологии связи вопросов и фокуса и их просодических свойств.

Семантике было посвящено три доклада приглашенных лекторов (К. Э. Киш, Р. Эккардт и Д. Бюринга) и несколько презентаций участников конференции. Заметное количество докладов касалось частных конструкций в разных языках, но были и более теоретические. К. Э. Киш в соавторстве с Т. Зетени (Венгрия) рассказала об интерпретации детьми предложений с двумя кванторами. Авторы рассматривали гипотезу Ж. Мусолино об изоморфизме, т. е. о сохранении у детей поверхностной сферы действия кванторов. Результаты эксперимента с детьми, усваивающими венгерский, показали, что у них наблюдается не изоморфизм, а, наоборот, обратная сфера действия кванторов. Авторы объясняют такое поведение тем, что дети не перестраивают начальную гипотезы, а начальная их гипотеза — коллективное прочтение, которое и отвечает за видимость обратной сферы действия. Эта работа интересна тем, что она добавляет новые свидетельства в пользу того, что (по крайней мере некоторые) отличия, наблюдаемые в детской речи, происходят не от неполного знания или каких-то неправильных грамматических репрезентаций, а по внеграмматическим причинам, таким как устройство парсера или ограничения рабочей памяти.

Доклад Р. Эккардт (Германия) был посвящен разработанному ей семантическому анализу косвенной речи. В ее модели косвенная речь отсылает к двум контекстам: внутреннему, т. е. изначальной ситуации произнесения, и внешнему, т. е. ситуации пересказа. Таким образом, часть переменных оценивается относительно одной ситуации, а часть — относительно другой (в отличие от прямой речи, где есть только внешний контекст). Автор разделяет индексные элементы на жесткие, которые интерпретируются относительно внешнего контекста (глагольное время, местоимения), и переключаемые, которые интерпретируются относительно внутреннего контекста (экспрессивы типа *к сожалению*, относительные наречия наподобие *завтра*). Разбирая немецкий конъюнктив в функции непрямой речи, автор приходит к заключению, что это глагольное время является переключаемым.

Д. Бюринг (Австрия) в своем докладе рассматривал свойства инфинитивных актантов имен на примере слова *advantage* 'преимущество'. Интересным в этих конструкциях является то, что при инфинитиве не может быть контролируемого PRO, так как сама инфинитивная клауза должна означать не пропозицию, а свойство. Мотивацией этому служат примеры, в которых возникает противоречие, связанное с интерпретацией инфинитива как свойства. Например, в контексте того, что скоро состоится игра между

командами Мадрида и Дортмунда, неудачно сказать *#Unlike Madrid, Dortmund has the advantage to play in Germany*, но можно *Unlike Madrid, Dortmund has the advantage to play in their home country*. Это происходит потому, что в первом случае возникает интуиция, что команда Мадрида не играет в Германии (и, следовательно, против Дортмунда).

М. Ли и у (Германия) представила исследование конструкции *chadian mei* 'почти не' в китайском, которая имеет прямое и плеонастическое прочтения. Эта конструкция в плеонастическом прочтении по значению и употреблению наминает русское 'чуть не'. Лиу разбирает дистрибуционные свойства китайской конструкции (сочетание с единицами положительной полярности и перфектом, неспособность лицензировать единицы отрицательной полярности, возможность опустить одно из слов), которые отличают плеонастическое прочтение от прямого. Она предлагает анализ на основе конвенциональных импликатур, согласно которому в ассерцию входит 'почти \emptyset ', а в импликатуру — ' $\neg\emptyset$ ' и составляющая неожиданности, которая присутствует в китайском. И. Капитонов (Москва) в постере представил исследование русской конструкции *Я тебе покричу* ('угрозаativa', как его назвал А. Летучий). Автор показал, что конструкция обладает свойствами, хорошо описываемыми в терминах конвенциональных импликатур. Рассматривая далее вариант этой конструкции *Ты мне покричишь*, он предложил вариант лямбда-абстракции, позволяющий дать обоим вариантам композиционный анализ. С. Цобель (Германия) сделала интересный доклад про конструкции типа английской *He who wants to succeed in life must work hard*. Их необычность в том, что личное местоимение третьего лица имеет генерическое значение. Автор аргументирует анализ, согласно которому этот эффект достигается за счет формирования класса (при помощи придаточного предложения) и последующей генерической квантификации по ситуациям, в которых участвует хотя бы один член этого класса. Таким образом, сами по себе местоимения не обладают способностью к такой квантификации. М. Вгелль (Чехия) представил постер, посвященный польскому слову *para* 'пара' с точки зрения сочетания с числительными. Он утверждает, что в польском есть два омонимичных слова *para*: оператор, образующий группу, и классификатор. Первое служит квантором, задающим мощность множества, равную двум, и образующим группу. Второе комбинируется с *pluralia tantum*, чтобы позволить им сочетаться с кванторами. М. Замфреску (Румыния) в своем постере исследовала лицензирование румынских единиц

положительной полярности в свете теории А. Сабольчи [Szabolcsi 2004].

В области фонетики и фонологии презентации были немногочисленны, но разнообразны. Л. Лакс, Э.-Г. Коэн и С. Азулай (Израиль) исследовали вариацию при выборе эпентетической гласной в некоторых породах в иврите. Экспериментально обнаруженные статистические предпочтения (или отсутствие таковых) в выборе *a* или *e* авторы объясняют различием в компонентах, которые отвечают за образование этих пород. Так, породы *CiCeC* (базовые переходные глаголы, предпочитают гласный *a*) просто хранятся в лексиконе и на них действуют парадигматические законы. Порода *huCCaC* (страдательный залог, предпочитает гласный *e*), напротив, порождается в синтаксическом модуле, как это принято считать про пассив. Актантные деривации *niCCaC* производны, но тем не менее хранятся в лексиконе. Таким образом, только на породу *niCCaC* действуют разнонаправленные силы, что результирует в отсутствии предпочтений выбора эпентетического гласного в этой породе. И. Э. Шабо (Венгрия) в своем постере предложила новое решение проблемы удлинения гласных нижнего подъема в венгерском языке. Это удлинение зависит от выбора суффикса. Анализ Шабо оформлен в терминах автосегментных репрезентаций и постулирует незаполненные V-позиции в тех суффиксах, которые вызывают чередование. Количеству гласных был посвящен еще один постер. А. Бичан (Чехия) провел корпусное статистическое исследование распределения коротких и долгих гласных в чешском. Он выяснил, что частотность модели тем выше, чем меньше в ней долгих гласных, и что долгие гласные предпочитают находиться в абсолютном конце словоформы. Автор использовал словарные формы, и, наш взгляд, здесь требуется дополнительное исследование корпусов текстов, чтобы получить более полные результаты по фонотактике. Мань-ни Чу (Тайвань) провела исследование глухих согласных *p*, *t* и *k* в тайваньском диалекте южноминьского языка для проверки предположения, что *t* постепенно переходит в *k* вследствие ошибочного восприятия, как это уже произошло в родственном чаошаньском диалекте. Экспериментальное исследование показало, что

k и *p* хорошо различаются, а *t* часто воспринимается как *k*. И. Меннен, Р. Майр и Дж. Моррис (Великобритания) представили постер о социолингвистических аспектах ударения в английском и валлийском. Как авторы и ожидали, ударный слог в валлийском значительно короче, чем в английском. Различий в ударении в английском у доминантных носителей английского и валлийского не обнаружено.

Наконец, один доклад был посвящен морфологии. Л. Лакс (Израиль) представил исследование того, как происходит выбор формы множественного числа у заимствований в палестинском и иорданском арабском. Он выяснил, что 71% заимствований образуют правильное множественное число, 22% — разбитое, а еще 7% допускают обе формы. Автор считает, что такую картину определяют три ограничения. Во-первых, названия лиц ([+human]) образуют только разбитое множественное, так как исконные названия лиц в арабском никогда не образуют правильного множественного числа. Во-вторых, есть два ограничения по принципу верности: одно, предпочитающее формы с неизменной основой (т. е. правильное множественное), и другое, соблюдающее парадигматическое сходство с существующими в арабском моделями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Cable 2010 — Cable S. *The grammar of q: q-particles, wh-movement and pied-piping*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Kiss 2002 — Kiss K. É. *The syntax of Hungarian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Kratzer 1991 — Kratzer A. The representation of focus. *Handbuch Semantik*. von Stechow A., Wunderlich D. (eds). Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. Pp. 825—834.
- Merchant 2001 — Merchant J. *The syntax of silence: Sluicing, islands, and the theory of ellipsis*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Rooth 1992 — Rooth M. A theory of focus interpretation. *Natural Language Semantics*. 1992. Vol. 1. No. 1. Pp. 75—116.
- Szabolcsi 2004 — Szabolcsi A. Positive polarity — negative polarity. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2004. Vol. 22. No. 2. Pp. 409—452.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила предоставления рукописи:

1. Рукопись присылается в электронном виде по адресу: vorpros@mail.ru (и по запросу в распечатанном виде). Также необходимо прикладывать нестандартные шрифты, если такие использовались. При использовании нестандартных шрифтов, сложного форматирования и т. п. статья предоставляется в DOC и PDF.
2. Необходимо также предоставить подписанный договор о передаче авторского права (для статей, решением редколлегии принятых к печати). См. сайт: <http://vja.ruslang.ru>.
3. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, город, страна, место работы, занимаемая должность, ученая степень, телефон, электронный адрес.
4. Материалы, опубликованные ранее или направленные в редакции других журналов, не принимаются.
5. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена).
2. Для смысловых выделений используется разрядка 2 пт или полужирный шрифт, термины выделяются кавычками (не курсивом).
3. Сноски должны быть постраничными.
4. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки: [Иванов 1998]. После года выпуска ставится двоеточие и номер(а) страниц(ы): [Иванов 1998: 35], или [Иванов 1998: 35—50], или [Иванов 1998: 35, 45, 50], или [Иванов 1998: 35 и сл.; Haspelmith 2008: 23 ff.]. Во избежание недоразумений укажите инициалы автора: [А. Е. Кибрик 2003; А. А. Кибрик 2003]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные уточнения: [Иванов 1998a; 1998b; Baily 1995a; 1995b].
5. Список использованной литературы дается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту. В этот список включаются только те работы, ссылки на которые есть в тексте статьи.
6. Библиография оформляется следующим образом:
Фамилия год — Фамилия И. О. Название монографии. Город: издательство, год.
Фамилия год — Фамилия И. О. Название статьи // Название журнала. Год. №. Диапазон страниц.
Фамилия год — Фамилия И. О. Название статьи // Название сборника. Город: издательство, год. Диапазон страниц.

Основные правила оформления статьи:

Текст статьи присылается в формате Microsoft Word for Windows; размер шрифта — 12, размер межстрочного интервала — полуторный; название статьи, ФИО автора и заголовки набираются полужирными строчными символами. Все заголовки выравниваются по центру. Заголовок статьи, ФИО автора и сведения о нем (название института или др. учреждения, город, индекс (учреждения), страна) аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

1. Примеры в тексте статьи принято давать курсивом, а их переводы в одинарных кавычках или кавычках-елочках.

Итак, в списке нужно указать «код работы» (фамилия, год выхода цитируемой работы). Если авторов больше двух, допустимо упомянуть только одного автора плюс выражение «и др.» или «et al.». «Кодом» сборника или иного аналогичного издания может быть фамилия редактора или сокращенное название сборника.

Образцы оформления библиографии смотрите на сайте журнала: <http://vja.ruslang.ru>.

Подписано к печати 12.03.2015
Формат 70×100^{1/16} Усл. печ. л. 13,0
Бум. л. 5,0 Тираж 392 экз.

Дата выхода в свет 26.04.2015
Усл. кр.-отт. 5,2 тыс. Уч.-изд. л. 15,5
Зак. 18 Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6